

В. Н. Шкунов

**РОССИЙСКО-ИНДИЙСКИЕ
ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ
В XVIII–XIX ВЕКАХ**

Монография

**Ай Пи Эр Медиа
Саратов • 2018**

УДК 339.5
ББК 65.42
Ш67

Рецензент:

Репинецкий А. И. — доктор исторических наук,
профессор (г. Самара)

Шкунов, В. Н.

Ш67 Российско-индийские торгово-экономические связи в XVIII–XIX веках [Электронный ресурс] : монография / В. Н. Шкунов. — Электрон. дан. и прогр. (8 Мб). — Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2018. — 186 с.

ISBN 978-5-4486-0333-4

Монография посвящена вопросам торгово-экономического сотрудничества России и Индии на протяжении XVIII–XIX в. Особое внимание уделено формированию каналов внешнеторговых операций в разные исторические эпохи, особенностям транзитной и посреднической торговли в российско-индийских отношениях. В качестве источников автором использованы ранее не опубликованные архивные документы, извлеченные из центральных и региональных архивов России, а также малоизвестные опубликованные дореволюционные документы.

Книга предназначена как для специалистов, так и для широкого круга читателей, интересующихся экономической историей России и Индии, студентов, аспирантов, докторантов, преподавателей учреждений высшего образования.

Научное электронное издание

© Шкунов В. Н., 2018
© Оригинал-макет, оформление.
ООО «Ай Пи Эр Медиа», 2018

Редактор *А.В. Неверова*
Технический редактор *А.Д. Матлахова*
Корректор *Т.Г. Саблина*
Компьютерная верстка, обложка *С.С. Сизиумовой*

Для создания электронного издания использовано:
Приложение pdf2swf из ПО Swftools, ПО IPRbooks Reader,
разработанное на основе Adobe Air

Подписано к использованию 22.02.2018. Объем данных 8 Мб.

Издание представлено в электронно-библиотечных системах
IPRbooks (www.iprbookshop.ru),
Библиокомплектатор (www.bibliocomplectator.ru)

Бесплатный звонок по России: **8-800-555-22-35**
Тел.: 8 (8452) 24-77-97, 8 (8452) 24-77-96

Отдел продаж и внедрения ЭБС:
доб. 206, 213, 144, 145
E-mail: sale@iprmedia.ru

Отдел комплектования ЭБС:
доб. 224, 227, 208
E-mail: mail@iprbookshop.ru

По вопросам приобретения издания обращаться:
доб. 208, 201, 222, 224
E-mail: izdat@iprmedia.ru, author@iprmedia.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	6
ГЛАВА 1. РОССИЙСКО-ИНДИЙСКИЕ ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ В XV–XVIII ВЕКАХ	8
1.1. Российско-индийские торговые связи в XV–XVII веках	8
1.2. Российско-индийские торговые связи в XVIII веке	14
ГЛАВА 2. ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ С КАШМИРОМ, ПЕНДЖАБОМ И ТИБЕТОМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА.....	20
ГЛАВА 3. ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ МИССИИ В СРЕДНЮЮ АЗИЮ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И ИНДИИ	33
3.1. П.Е. Величко и организация экспедиций в Среднюю Азию в первое десятилетие XIX века	35
3.2. Миссии поручика Абдулнасыра Субханкулова в Бухару и Хиву в 1810 и 1818 годах	43
3.3. Миссия поручика П.И. Демезона в Бухару в 1833–1834 годах	51
3.4. Миссия прапорщика И.В. Виткевича в Среднюю Азию в 1836 годах.....	61
ГЛАВА 4. РОССИЙСКО-ИНДИЙСКИЕ ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ НА РЫНКАХ СРЕДНЕГО ВОСТОКА В КОНЦЕ XVIII — НАЧАЛЕ XIX ВЕКА	67
ГЛАВА 5. СРЕДНЯЯ АЗИЯ И АФГАНИСТАН В РОССИЙСКО-ИНДИЙСКОЙ ТОРГОВЛЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА.....	85
ГЛАВА 6. РОССИЙСКО-ИНДИЙСКАЯ ТОРГОВЛЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА.....	105
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	125

ИСТОЧНИКИ	127
Неопубликованные источники.....	127
Опубликованные источники	130
 ЛИТЕРАТУРА	 140
Книги и статьи	140
Диссертации и авторефераты	162
Зарубежные источники и литература.....	165
 ПРИЛОЖЕНИЯ.....	 169
Приложение 1	169
Приложение 2	171
Приложение 3	174
Приложение 4	177
Приложение 5	181

ПРЕДИСЛОВИЕ

Россию и Индию издавна связывают узы дружбы и взаимного доверия. Такое отношение друг к другу складывалось постепенно. Без преувеличения, интерес, особые симпатии народов России и Индии лежат где-то на подсознательном уровне, может быть, в генетической памяти. О далекой и загадочной Индии знали наши предки еще во времена Древнерусского государства. На протяжении веков на уровне мифов, преданий, сказаний в российском народе поддерживалась идея о красивой стране со сказочными богатствами. Материальное же, скажем так, вещественное восприятие Индии у наших предков формировалось под влиянием тех предметов (изделий, товаров), которые различными путями попадали на территорию России. Уже в эпоху раннего средневековья на Руси знали индийский жемчуг, драгоценные камни (яхонты, лалы, яспис и др.), специи и пряности, слоновую кость, шикарные ткани и пр. Несмотря на отдаленность Индии, товары из этой страны различными путями доходили до Руси и пользовались здесь спросом в среде местной аристократии и высшего духовенства. Несомненно, и русские товары появлялись в Индии при посредничестве болгарских и восточных купцов. Многочисленные исторические источники свидетельствуют о тесных торговых связях Хазарского каганата и Волжской Булгарии с Индией. А эти государства являлись ведущими торговыми партнерами Руси.

Такое опосредованное развитие российско-индийских торговых связей сохранялось на протяжении многих веков — вплоть до XVII в. (мы не берем в расчет знаменитое «хождение» тверского купца Афанасия Никитина в 1468–1474 гг.), когда русские купцы все чаще стали предпринимать отважные торговые экспедиции в пределы Средней Азии, Балха и Афганистана, где у них была возможность напрямую приобретать индийские товары.

Прямые и непосредственные торговые связи между народами России и Индии установились лишь в XVIII веке и были связаны с возникновением нового канала отечественной внешней торговли — по Оренбургской линии. Именно сюда стали прибывать индийские торговые караваны, отсюда российские купцы снаряжали караваны в ханства Средней Азии и проникали дальше за Сырдарью и горные вершины Памира и Тянь-Шаня. В сферу торговых интересов отечественных купцов попадают далекие Пенджаб, Кашмир, Тибет и другие регионы Азии.

XVIII век — время расцвета ярмарочной торговли в Российской империи. Крупнейшие ярмарки привлекали внимание не только отечественных купцов, но и торговцев из стран Востока. В Ирбит, Нижний Новгород, Астрахань, дру-

гие города все чаще стали поступать индийские товары, которые реализовывались, как правило, на специализированных ярмарочных рядах. В это время в повседневный рацион народов России все активнее входили восточные пряности и специи, страна превращалась в одного из крупнейших потребителей чая. Развитие текстильной и суконной промышленности вызвало потребность в увеличении ввоза натуральных красителей (прежде всего, индиго). К концу XVIII столетия изменился ассортимент экспортных и импортных товаров в российско-индийской торговле. Уменьшается ввоз драгоценных изделий и увеличивается привоз сырья, необходимого для отечественной мануфактурной промышленности. Индия все больше привлекает внимание российских властей и предпринимателей.

В начале XIX в. в Среднюю Азию, Афганистан и сопредельные страны направляются российские миссии, призванные решить целый комплекс задач. Всем российским посланникам ставилась задача собрать максимально полную информацию о торговле стран Востока, а также о торговых путях в Индию. В эти годы объемы торговли с государствами и народами Азии росли, но сами внешнеторговые операции по-прежнему осуществлялись в крайне неблагоприятных условиях, с большим риском для жизни купцов и товаров. К середине века в Санкт-Петербурге остро встал вопрос о применении военной силы для решения проблем в российско-восточной торговле. Зимой 1839–1840 гг. предпринят военный поход под командованием оренбургского военного губернатора В.А. Перовского против Хивы. Несмотря на безуспешность военной операции, это была заявка на решительное отстаивание интересов Российской империи в Центральной и Средней Азии. После поражения России в Крымской войне проблема защиты внешнеторговых и военно-стратегических интересов Санкт-Петербурга в Средней Азии еще больше обострилась. Реформы Александра II способствовали установлению прямых торговых связей России с Индией. К этому времени формируется несколько новых каналов внешнеторговых операций между странами. К концу XIX в. значительно расширились торговые операции между Россией и Индией на рынках Средней Азии, Афганистана, Кашмира и Пенджаба, а установление прямого морского сообщения между Одессой, Таганрогом, Севастополем, Поти, Санкт-Петербурга и портами Индии привело к увеличению привоза индийских товаров на пароходах. Его объемы стали расти после введения в эксплуатацию Суэцкого канала.

В предлагаемой читателю монографии проанализированы основные этапы становления и развития российско-индийских торговых связей на протяжении нескольких веков. В качестве источников в исследовании использованы архивные документы, а также малоизвестные опубликованные документы.

ГЛАВА 1. РОССИЙСКО-ИНДИЙСКИЕ ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ В XV–XVIII ВЕКАХ

1.1. Российско-индийские торговые связи в XV–XVII веках

Товары из далекой Индии попадали на внутренний российский рынок и в период зависимости русских земель от Орды, и в последующие столетия. Преимущественно индийские товары проникали в русские земли при посредничестве других народов; прямые торговые контакты в XIII–XVII вв. были крайне редкими.

Еще в XV в. некоторые индийские товары попадали в Россию из Казани, которая поддерживала тесные торговые связи с сопредельными странами Востока. Несмотря на частые обострения межгосударственных отношений между Москвой и Казанью, их двусторонняя торговля не прекращалась. Она чаще всего носила меновой характер, но нередко русские и татарские купцы реализовывали свои товары и за деньги.

Тесные торговые связи поддерживала Москва с Астраханью. На протяжении XV в. между городами существовала караванная торговля. Большие караваны, включавшие до 300 русских и восточных купцов, пользовались, как правило, одним путем: вдоль Волги, затем по степи в сторону Рязани и Коломны, а оттуда — в Москву. Кроме этого, русские купцы часто снаряжали торговые суда, которые по Волге доходили до Астрахани. Приезд русских купцов в Астрахань приходился к началу крупной ярмарки, куда прибывали торговцы из разных стран Востока. Особую роль здесь играли армянские, среднеазиатские и иранские купцы. В Астрахань ежегодно приезжали торговцы из Венеции, которые также поддерживали тесные торговые связи с восточными купцами.

Определенная часть индийских товаров попадала в русские земли с территории Крыма (в основном из Кафы. — В.Ш.), куда они доставлялись транзитом через Византийскую империю, а после падения Константинополя в 1453 г. — Османскую империю. Наконец, можно предположить, что незначительная часть индийских товаров проникала в русские земли при посредничестве европейских торговцев (пряности, специи, драгоценные камни, ювелирные изделия, дорогие ткани и пр.). Эти товары были ориентированы на конкретных покупателей в России (великокняжеская семья, русские аристократы, высшее духовенство и православные монастыри).

В конце XV — начале XVI вв. в Европе, да и в России высказываются смелые идеи о необходимости поиска новых путей в Индию. Подобного рода

предложения содержались в трудах генуэзца Паоло Джовио (Павел Иовий Новокомский (1483–1552 гг.). — В.Ш.), в работах английских авторов, которые обосновывали необходимость покончить с монополией Португалии и Италии в торговле с Индией и т.д. Джовио Паоло считал, что товары из Индии можно доставлять в Среднюю Азию, дальше по реке Окс и по суше переправлять их в Астрахань, откуда по Волге — в Москву, а уже оттуда сухопутно до Риги. Из порта Риги индийские товары можно было доставлять во все европейские страны [Кашин В.Н., с. 30]. Автор проекта выражал свое возмущение, что лузитанцы (португальцы. — В.Ш.) монополизировали торговлю индийскими товарами и оттого имели колоссальную прибыль. Он полагал, что великий князь должен быть заинтересован в установлении прямого торгового пути в Индию: «...пошлины с товаров значительно преумножат государеву казну, а кроме того сами московиты могут гораздо дешевле покупать пряности, которые употребляются ими в огромном количестве во всех блюдах» [Там же, с. 31].

Следует заметить, что желание установить надежную торговлю между Европой и Индией через территорию Московского государства было взаимным. Так, в сентябре 1533 г. к великому князю Василию Ивановичу прибыли послы из Индии, которые доставили грамоту основателя империи Великих Моголов Бабура (1483–1530). В ней великий полководец предлагал великому князю развивать взаимную торговлю. Однако Василий Иванович ответил Бабуру уклончиво. Такая позиция московского государя понятна: он проявлял осторожность и недоверчивость.

К этому времени были накоплены знания об Индии, в том числе европейскими путешественниками. К примеру, описание путешествия венецианца Никколо Конти, который в 1419–1444 гг. совершил долгую поездку по странам Востока, включая Индию. На полуострове Индостан он побывал в самых разных местах, добравшись до Бирмы, а оттуда отправился в Юго-Восточную Азию. В 1444 г. во Флоренции секретарь Папы Евгения IV Поджо Браччиолини подготовил книгу с описанием путешествия Н. Конти на латинском языке «Четыре книги истории об изменчивости судьбы».

Из письменных источников того времени мы узнаем, какие купцы принимали участие в восточной торговле. Так, в Грамоте 1492 г. великого князя Ивана III к турецкому султану упоминаются купцы из Москвы, Твери, Коломны, Можайска, Ярославля, Новгорода и др., которые поддерживали торговые связи с Крымом [Кашин В.Н., с. 21].

Событием, послужившим толчком к росту интереса к Индии в России, стало появление англичан у посада Ненокса на корабле «Edward Bonaventure»,

преследовавших цель открыть альтернативный торговый путь в Индию и Китай. Как это ни банально звучит, стимулом к поиску такого пути послужила обычная человеческая зависть: Лондон очень болезненно реагировал на торговые и морские успехи Испании и Португалии, освоивших к середине XVI в. морской путь в Индию. Еще в 1527 г. Роберт Торн (Thorne) в Бристоле высказал идею о необходимости поиска пути в далекую Индию через северный морской путь. Своими мыслями он поделился с лондонскими купцами, которые заинтересовались этим проектом. В итоге они основали акционерную компанию «The Mystery, Company and Fellowship of Merchant Adventurers for the discovery of unknown hands etc.» [Гамель И., ч. 1, с. 4].

11 мая 1553 г. три английских корабля снялись с якоря у Детфорда и отправились в путь на север, огибая Норвегию. 23 августа этого же года британцы ступили на российскую землю. О прибытии иностранцев местный холмогорский градоначальник Феофан Макаров доложил царю Иоанну Васильевичу. Англичане были допущены ко двору, где вручили грамоту короля Эдуарда VI. Мы не будем подробно останавливаться на подробностях первой и второй экспедиций англичан в Россию, поскольку данный вопрос хорошо освещен в отечественной литературе еще с середины XIX в. Несомненно одно: появление англичан в России привело к существенным изменениям во внешней торговле, а также стимулировало интерес отечественных купцов и властей к Индии. Этому способствовало и покорение царем Казани и Астрахани, превращение тем самым Волги в великую русскую реку — естественный торговый путь в страны Востока.

С этого времени англичане приступили к активному освоению российского рынка, а также к снаряжению экспедиций в сопредельные с Россией страны Востока (Бухарское ханство, Иран и т.д.). Лондон рассматривал Россию как транзитную территорию для установления сухопутных путей в страны Востока, а ее северные территории — в качестве морского пути в Китай и Индию. Царь Иоанн Васильевич, мудрый и хитрый от природы, не мог не обратить внимания на цели британцев. В частности, он содействовал реализации экспедиции Дженкинсона (выехал из Москвы 23 апреля 1558 г. — В.Ш.). Добравшись до Бухары, он на месте узнал о торговых связях среднеазиатских владений с Индией, навел справки о торговых путях, ассортименте товаров и т.д. По возвращении в Москву Дженкинсон на аудиенции у царя, естественно, поведал ему о своем дальнем путешествии, но вряд ли сообщил ему те ценные сведения, ради которых, собственно, он и предпринял столь опасную поездку.

Лондон продолжал искать наиболее приемлемые пути в Индию сухопутным и морским путем. Вот почему на следующий год Дженкинсон вновь появляется в России с целью предпринять экспедицию в Иран и изучить на месте возможность освоить индийские рынки через территорию Ирана.

В 1558 г. английские торговцы Ричард Грей и Роберт Бест были допущены к осмотру царской короны и царских одежд, расшитых крупным жемчугом и драгоценными камнями. Русские придворные просили англичан узнать, нельзя ли приобрести в Лондоне драгоценные камни, жемчуг и шитые золотом ткани для нужд царской семьи [Гамель И., ч. 1, с. 39]. В Москве прекрасно понимали, что в Англии этот товар привозной из стран Востока. Поэтому не случайно в 1567 г. царь направил в Лондон двух московских купцов Степана Твердикова и Федота Погорелого для приобретения драгоценных камней и иных предметов роскоши для русского царского двора (в обмен на пушнину).

В рассматриваемый период торговые отношения между Россией и Англией еще не приняли упорядоченного характера. Купцы обеих стран плохо знали национальные рынки, правила торговли, местные обычаи и традиции. Из Лондона в Россию даже были направлены 10 молодых людей для изучения русской торговли. Но, по всей видимости, они преследовали не только эту цель. По возможности они должны были собрать максимально информацию о сопредельных восточных странах, путях в Китай, Индию и т.д.

На южных рубежах России, в Баку, Дербенте, Шемахе активную торговую деятельность осуществляли проживавшие там индийские купцы, поддерживавшие тесные связи с земляками в Астрахани. Астраханская индийская диаспора практически на протяжении всего XVII в. играла заметную роль в развитии российско-восточных торговых отношений. Об их торговой деятельности на протяжении XVII в. писали Н.А. Магомедов и Ш.А. Магарамов [Магомедов Н.А., Магарамов Ш.А., 2014].

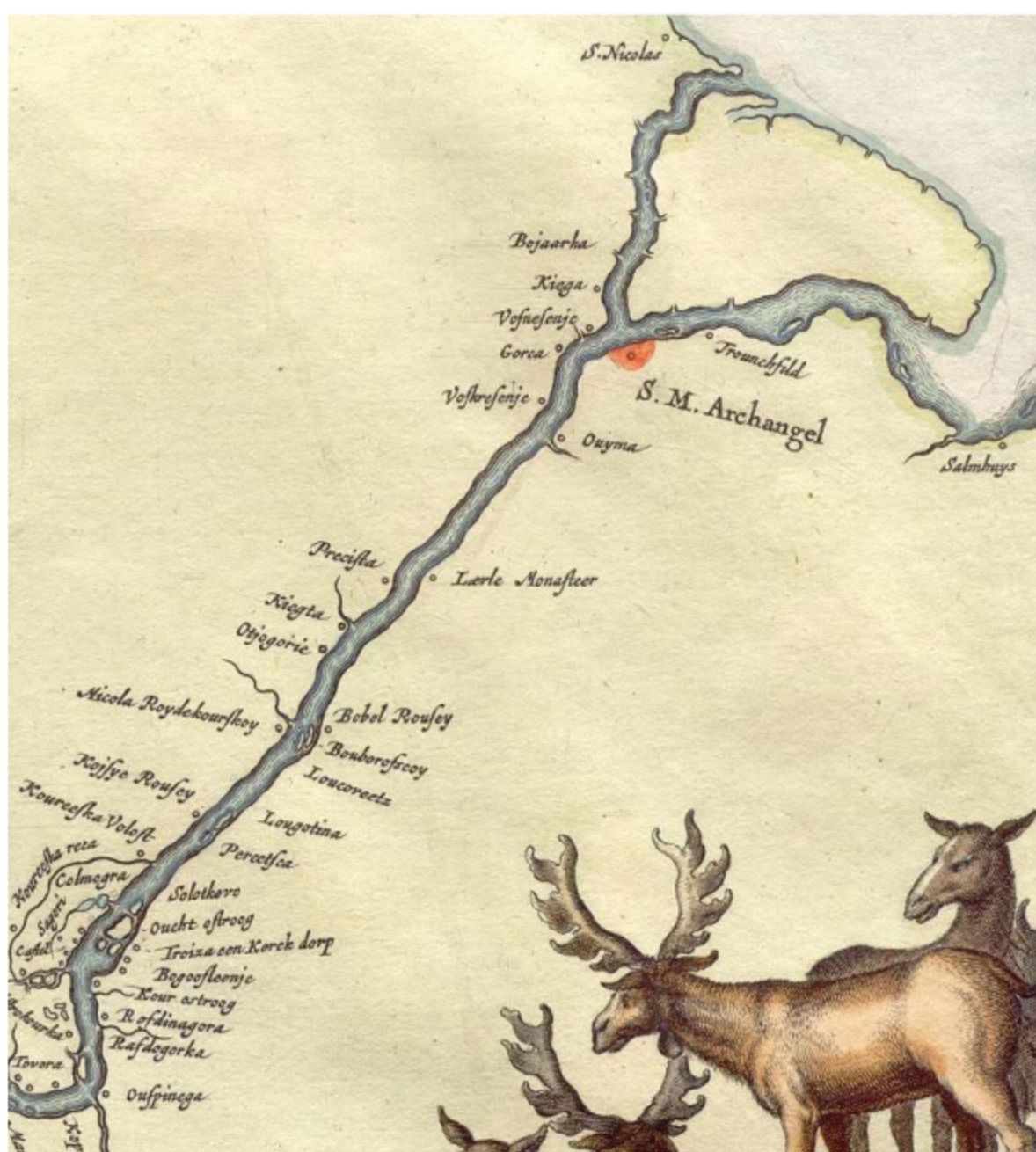
В период царствования Алексея Михайловича направлялись две миссии к Великому Моголу. Однако оба посольства не достигли своей цели, поскольку персидский шах Аббас II не разрешил проезд миссии по территории своего государства. В связи с этим было принято решение о направлении новой миссии в Среднюю Азию для изучения путей в Индию. Миссию возглавили Борис Андреевич и Семен Иванович Пазухины. С ними же был послан купец Иван Савельев.

В 1675 г. в Бухару и далее были направлены посол Василий Даудов, астраханский татарин Мамет Юсуп Касымов и Иван Шапкин. Последние смогли

добраться до Кабула, но далее не были пропущены. Таким образом, постепенно, с каждой новой миссией Москва все больше «продвигалась» к Индии.

Лишь в 1695 г. из России направилась в Индию миссия, достигшая своей цели. Новое посольство возглавил купец гостиной сотни Семен Маленький. Небольшому посольству в 10 человек удалось добраться до Дели и исполнить поручения царя. Трудная дорога назад унесла жизни практически всех членов посольства: до Астрахани добрался лишь один слуга.

Разумеется, в рассматриваемый период снаряжались и другие миссии, о которых мы не упоминаем. Все они, так или иначе, вносили свой вклад в расширение знаний о Востоке в России, о путях в далекую Индию, индийских товарах и пр.

Карта Русского Севера, район Архангельска (1600 г.)

Сохранились документы, свидетельствующие о постоянных торговых связях российских купцов с Афганистаном, где имелаась возможность закупать индийские товары. Известный российский востоковед, писатель и публицист Д.Н. Логофет отмечал в своей монографии: «Находясь на прямом старом торговом пути из России в Индию. Афганистан издавна привлекал к себе внимание русского правительства, стремившегося всеми силами завязать торговые сношения с этой отдаленной и таинственной страной, о которой лишь ходили баснословные рассказы» [Логофет Д.Н., с. 7].

Таким образом, в течение XV–XVII вв. на российский рынок при посредничестве соседних стран и народов в Россию попадали индийские товары (дорогие ткани, включая парчовые, драгоценные камни, ювелирные украшения, жемчуг, специи и пряности и т.д.), которые приобретали представители российской знати и духовенства. Установить прямые торговые связи между Россией и Индией не представлялось возможным в силу целого ряда причин (отсутствие переводчиков, поверхностные знания о стране, сложности и многочисленные препятствия в пути, незащищенность членов миссий и др.). Вместе с тем, в эти столетия был заложен фундамент для дальнейшего сближения народов двух стран. Идея об установлении прямой торговли между Россией и Индией не теряла своей актуальности при всех российских правителях.

Примечания

1. *Гамель, И.* Англичане в России в XVI и XVII столетиях / И. Гамель. — Ч. 1. — СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1865. — 179 с.
2. *Кашин, В.Н.* Торговля и торговый капитал в Московском государстве / В.Н. Кашин. — Л.: Издательство «Кубуч», 1925. — 294 с.
3. *Логофет, Д.Н.* На границах Средней Азии: Путевые очерки. — В 3-х кн. — Кн. 3: Бухарско-афганская граница. — СПб.: В. Березовский, 1909. — 208 с.
4. *Магомедов, Н.А., Магарамов, Ш.А.* Индийское купечество в развитии торговых контактов Дербента с Астраханью в XVII в. / Н.А. Магомедов, Ш.А. Магарамов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2014. — № 8 (46). — Ч. 2. — С. 105–108.

1.2. Российско-индийские торговые связи в XVIII веке

Индийское направление отечественной внешней торговли оставалось актуальным на протяжении всего XVIII века. Петр Великий, стремившийся упрочить торгово-экономические отношения как с ближними, так и с дальними государствами мира, рассматривал Индию как важнейшего потенциального торгового партнера России. Российский государь собирал всю имеющуюся информацию о далекой стране. Порой ему приходилось выслушивать невероятные истории об Индии, граничащие с выдумками. Так, к примеру, было в случае с сибирским воеводой князем Гагариным. Определенную информацию об Индии ему сообщал гвардейский поручик князь А. Бекович-Черкасский. В июне 1714 г. Петр I подписал указ о направлении капитан-поручика А. Бековича-Черкасского «для отыскания устьев реки Дарьи». Одной из целей экспедиции было установление прямого торгового пути в Индию через территории среднеазиатских ханств. Несмотря на трагический финал миссии, само ее осуществление имело большое значение для реализации дальнейших планов российских властей.

До конца своей жизни Петр Великий не оставлял мысли об установлении прямых торговых связей с Индией. Не случайно его планы часто становились предметом обсуждения политиков и прессы в последующие десятилетия. При этом в Европе часто говорили о некоем завещании российского императора, «мечтавшего покорить Индию». Особенно часто об этом стали говорить в Англии в первой половине XIX в. в связи с обострением англо-российского торгово-экономического соперничества в Средней Азии.

В конце августа 1735 г. у места слияния рек Ор и Яик была заложена Оренбургская крепость — новый форпост восточной политики Российской империи. Начальник экспедиции И.К. Кириллов изначально рассматривал будущий город как место «для отворения» путей в далекие страны Азии, включая Индию. Эту же цель преследовали и последующие начальники оренбургской экспедиции В.Н. Татищев и И.И. Неплюев. Привлечению внимания отечественных и азиатских купцов к новому оренбургскому торгу способствовало освобождение местной торговли на три года от всяких пошлин (1736–1738 гг.; затем этот срок был увеличен до 6 лет).

В 1744 г. Оренбург становится административным центром вновь образованной Оренбургской губернии. С этого времени с большим трудом, постепенно, поэтапно российские торговцы начинают продвижение вглубь Азии, через казахские степи в ханства Средней Азии, Афганистан и иные сопредельные

владения. На границу из стран Востока ежегодно прибывали торговые караваны. Причем главным предметом торга стала индийская золотая монета, которую в большом количестве доставляли в Оренбуржье. Как отметил первый историк внешней торговли России М.И. Чулков, «со умножением золота и серебра, в индийской монете состоящего, у упомянутых купцов, а особливо у бухарцев, начали уже появляться индийские товары, а именно хорошие и широкие кисеи и другие бумажные полотна, шелковые и полушелковые парчицы, что к восстановлению и умножению коммерции с жительствоющими в Восточной Индии народами подает несомненную надежду» [Чулков М.Д., с. 27]. Автор отметил частые приезды индийских купцов в Балх, а также то, что у индийцев и других купцов единственная возможность приобрести европейские товары может быть только при условии поставки их с Оренбургской линии в ханства Средней Азии. Из пределов России в середине XVIII в. сюда доставлялись следующие товары: сукно разных сортов, красители, олово и оловянные изделия, котлы медные и чугунные, мишура, сахар, мех бобров и выдры, юфть, лисьи шкурки, бархат, бисер, иглы, наперстки и пр. Вместе с тем, россиянам было запрещено вывозить за границу оружие, золото и серебро в деньгах, свинец, сталь, медь и железо (кроме изделий из этих металлов).

Особенно привлекательными для отечественных торговцев были индийские золотые и серебряные монеты. Впервые серебряные монеты из Индии в Оренбуржье были доставлены в 1748 г. общим весом около 70 пудов [Там же, с. 38].

В 1749 г. в Правительственном сенате неоднократно рассматривался вопрос «о распространении оренбургской коммерции» на территории Балха, Бадахшана и во все прилегающие к Восточной Индии местности. Именно с этой целью в эти отдаленные страны были направлены татары Каргалинской слободы.

Индийские товары поступали на Оренбургскую пограничную линию на протяжении 40-х гг. XVIII в. Сюда доставляли непрозрачный минерал лазурит (его называли в России ляпис-лазурь. — В.Ш.), «сверх хороших индийских товаров и тамошние дорогие каменья в нарочитом числе у бухарцев являются» [Там же, с. 45–46]. Только золота (преимущественно индийские монеты. — В.Ш.) к 1755 г. в пределы России было доставлено около 50 пуд, а серебра — 4 600 пуд [Там же, с. 46]. В целях поощрения торговцев к развитию оренбургского торга в это время было разрешено записываться восточным купцам в состав оренбургского купечества и селиться на территории Сеитовой (Каргалинской) слободы. Также иностранные купцы, которые везли для продажи «алмаз-

ные вещи» (украшения с драгоценными камнями. — В.Ш.), могли быть пропущены для въезда вглубь России и проезда к городам Москва и Санкт-Петербург.

В 1750 г. оренбургский губернатор И.И. Неплюев инициировал снаряжение двух торговых караванов из Оренбурга в Индию (через Бухару). Это была удачная попытка установления прямых торговых связей. Два каравана с товаром на 8 тыс. руб. достигли пределов Индии, выгодно продали весь товар. Более того, сопровождавшие караван российские татары (в должности приказчиков) смогли из Индии попасть в Мекку. Так была предпринята попытка создания и функционирования Русско-индийской компании, которая просуществовала недолго: по истечении 15 лет после удачной торговой экспедиции компания прекратила свою деятельность.

Внешнеторговые операции на оренбургском направлении сдерживали частые грабежи торговых караванов в пути следования от пограничной линии до столиц среднеазиатских ханств. Поэтому в Оренбурге рассматривали альтернативные варианты доставки товаров, включая их транспортировку по реке Яик, затем по Каспийскому морю до юго-восточного берега, а оттуда — через Бухару в Балх и Бадахшан. Рассматривались также варианты снаряжения военных конвоев для сопровождения купцов и их товара.

Информации об Индии и сопредельных странах в России не хватало. Вот почему в середине XVIII века такая информация черпалась из самых разных источников: опрашивались купцы и приказчики, побывавшие в странах Азии, а также отечественные путешественники, бывшие пленные и т.д. Так, вся возможная информация была получена от слуги Семена Маленького Ильи Исаева — единственного человека, вернувшегося из дальнего путешествия в Индию. Вполне естественно, человек необразованный, Илья Исаев многое перепутал, перепутал, тем не менее, его рассказ — это свидетельства очевидца, человека, проделавшего огромный путь по Индии.

На рынках Средней Азии, в Бухаре, Хиве, Коканде, Ташкенте, в Балхе и иных местах российские торговцы имели возможность приобретать индийские товары, в том числе «из первых рук». В торговых центрах ханств проживали индийские ростовщики и торговцы. Ежегодно из Индии в Бухару и другие города приходили индийские торговые караваны. Во второй половине XIX в. отмечены приходы индийских торговых караванов и непосредственно на Оренбургскую линию, где на меновых дворах происходил товарообмен между ними и российскими купцами. Не вызывает сомнений утверждение, что к концу XVIII в. объемы российско-индийской торговли выросли кратно. Индийские

товары можно было встретить на ярмарках ведущих российских торговых городов.

На протяжении всего XVIII века существовало несколько каналов поставки индийских товаров. Назовем основные. Первый канал поставки — морские порты Балтийского, Белого и Черного морей, куда товары из Индии реэкспортом доставляли купцы из европейских стран (Великобритании, Франции, Португалии, Нидерландов и др.). Эти товары стоили дорого с учетом их доставки из Индии в Европу и из Европы в Россию. Они были ориентированы на исключительно богатых и знатных людей. Второй канал поставки — реэкспорт из Османской империи и Ирана. В структуре их экспорта в Российскую империю на протяжении практически всего XVIII в. встречаем индийские товары. Третий канал — вывоз индийских товаров из ханств Средней Азии и Афганистана, а также прямая поставка товаров к Оренбургской пограничной линии. Четвертый канал — реэкспорт индийских товаров из Тибета и Синьцзяна к Семипалатинску и другим пограничным центрам Западной Сибири и Южного Приуралья. Пятый канал — Астрахань и Каспийское море (в первой половине века отмечалась активная торговая деятельность местной индийской диаспоры). Шестой канал поставки индийских товаров — Закавказье (деятельность армянских купцов и торговцев иных национальностей, доставлявших индийские товары к южным рубежам России и в крупные торговые центры).

Известный отечественный исследователь, военный востоковед и историк М.А. Терентьев писал в журнале «Вестник Европы» в 1874 г.: «Надо сказать, что в прежнее время, вслед за голландцами, французами и англичанами, мы не думали добраться когда-нибудь до Индии. Попытка Петра I может служить доказательством, что мысль об Индии занимала умы русских государственных людей. В 1800 году чуть не осуществилась другая попытка Павла I, попытка проникнуть в сердце Индии, и притом не «под видом купчины» [Терентьев М., с. 81].

Как мы уже неоднократно отмечали в своих работах, с расцветом ярмарочной торговли в Российской империи в XVIII веке значительно увеличились объемы ввоза восточных товаров. В Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Астрахани, Архангельске, Одессе, Таганроге, Иrbите и в других городах в ярмарочных рядах всегда можно было встретить товары из далекой Индии. В повседневную жизнь россиян прочно вошли индийские специи и пряности. Православные монастыри и храмы закупали в больших объемах ладан, благовония, дорогие ткани, жемчуг и драгоценные камни для своих нужд.

В свою очередь, в Индии большим спросом пользовались российские сундуки, металлические и прочие изделия. Многие отечественные товары упа-

ковывались в сундуки и в таком виде нагружались на верблюдов. В этом случае сундуки оборачивались кошмами или рогожей. По прибытии в ханства Средней Азии после продажи товаров в реализацию пускались и сами сундуки, которые пользовались огромным спросом по всей Азии. Кроме этого, на Восток российские купцы привозили и специальные сундуки, предназначенные исключительно для продажи. Российский историк, этнограф и экономист Павел Иванович Небольсин писал: «Этого рода сундуки в русском быту к употреблению почти во все негодные составляют необходимую потребность жителей Азиатской Турции, Персии, Афганистана, Хивы, Бухары, Коканда, западных областей Китая, мелких среднеазиатских владений и почти всей Индии. Народы Турана и Индустана крупными сундуками обставляют свои жилища, как мы украшаем их мебелью, хранят в них свои пожитки, а в мелкие сундуки укладывают драгоценности и употребляют их для подарков и для помещения подарков» [Небольсин П.И., с. 109]. По сведениям этого же автора, через Астрахань, Оренбург, Троицк и Петропавловск ежегодно из России в страны Востока вывозилось около 200 тыс. сундуков [Там же, с. 110].

Сундуки для сбыта их в Индию и другие страны Востока делали в Российской империи в нескольких местах. Больше всего славились сундуки, изготовленные в Муромском уезде Владимирской губернии, в Горбатовском и Макарьевском уездах Нижегородской губернии, в Тагиле и в Москве. Некоторые сундуки представляли самые настоящие произведения искусства и стоили дорого: до 75 руб. Были и дешевые, так называемые «шестерики» (т.е. 6 сундуков) по цене 4 руб. за штуку. В селе Лысково было налажено производство уникальных замков для сундуков (замки имели 20 язычков, «которые входят в двадцать отверстий личинки, привинчиваемой к крышке») [Шелгунов Н., с. 5–6].

В 1777 г. был утвержден «Тариф для пограничных Оренбургской и Троицкой крепости таможен». Данный документ примечателен не только особым подходом российских властей к регулированию внешнеторговых операций по Оренбургской линии, но и перечнем товаров. Среди них мы встречаем товары явно индийского происхождения (алмазы, бязь индийская «тонконитная», выбойка индийская, занавесы индийские, пряности и специи, золото, кисея индийская, индиго, ладан росный, одеяла из индийской выбойки, покрывала, рубашки шелковые, полушелковые из индийской выбойки, сандал, чай (включая зеленый), штучки шелковые полосатые индийские, штучки флеровые индийские и пр.) [Чулков М.И., с. 270–321]. Как видно из этого перечня, к последней четверти XVIII в. значительно расширился ассортимент индийских товаров, достав-

лявшихся как отечественными, так и восточными купцами на Оренбургскую линию.

Отечественный исследователь М.Д. Чулков в своем знаменитом сочинении дал подробное описание торговли в Индии и в сопредельных странах Азии (включая Цейлон, Бирму, Бутан, Мальдивы и др.). Несмотря на некоторые фактические ошибки и опечатки, в этом описании содержатся ценные сведения о торговле стран Востока в конце XVIII в.

Примечания

1. *Небольсин, П.И.* Рассказы проезжего / П.И. Небольсин. — СПб.: Типография Штаба военно-учебных заведений, 1854. — 343 с.

2. *Терентьев, М.* Торговая политика Англии / М. Терентьев // Вестник Европы. — 1874. — Т. 5. — С. 73–108.

3. *Чулков, М.Д.* Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной Государя Императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей Государыни Императрицы Екатерины Великой / М.Д. Чулков. — Т. 2, кн. 3. — М.: Университетская типография, 1785. — 646 с.

4. *Шелгунов, Н.* Чему научила нас Всероссийская выставка? / Н. Шелгунов // Дело: журнал литературно-политический. — 1870. — № 7. — С. 1–22.

ГЛАВА 2. ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ С КАШМИРОМ, ПЕНДЖАБОМ И ТИБЕТОМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В середине XVIII века российские власти и купцы, активно осваивавшие новое направление внешней торговли по Оренбургской линии, прилагали усилия к продвижению не только на рынки Средней Азии, но и проявляли интерес к более отдаленным районам — Пенджабу, Кашмиру, Тибету. При посредничестве индийских, иранских, афганских и среднеазиатских купцов товары из этих стран доставлялись в ханства Средней Азии, Иран, Восточный Туркестан и Афганистан, а оттуда реэкспортировались в Россию. С этого времени традиционные кашмирские, пенджабские и тибетские изделия и сырье практически ежегодно занимали видное место в российском импорте. Основными каналами их доставки были традиционные торговые пути из Ирана через Закавказье и Астрахань, из Бухары, Хивы, Ташкента, Кашгара — к Оренбургской линии и из Кашгара и Яркенда — к Семипалатинску.

Уже в начале 50-х гг. XVIII в. некоторые российские торговцы выезжали для торговли в Индию. Так, в 1750 г. свои товары на общую сумму 8 тыс. руб. на двух караванах отправил российский купец Абдулла Хаялин, в 1751 г. для торговли в Индию выехал каргалинский купец Исмаил Бикумахамет-улы, в 1753 г. также каргалинские купцы Надыр Саферов и Якуб Ягоферов [Терентьев М.А., 1876, с. 25; Матвиевский П.Е., 1963, № 1]. Таким образом, со времени зарождения оренбургского торгового оборота российские купцы, еще не знавшие путей, на свой страх и риск отправлялись в далекую Индию, Пенджаб и Кашмир. Эти торговцы везли традиционные российские товары, которые пользовались спросом в далеких странах.

Развитию торговых связей России с Кашмиром и Пенджабом способствовало и упрочение политических и экономических отношений между Бухарским ханством и местными правителями. В середине XVIII века и в последующие десятилетия эмир Бухары и правители Кашмира, Пенджаба и Индии неоднократно обменивались дипломатическими посольствами. Так, к примеру, по сообщению чиновника при балхском наместнике Мухаммеда Юсуфа Мунши, от бухарского эмира Имам-Кули к индийскому Джехангиру был направлен посол «с дорогими подарками и подношениями». Падишах гостеприимно встретил бухарского посланника, обсудил с ним межгосударственные отношения и, спу-

стя некоторое время, отправил к эмиру ответное посольство [Мухаммед Юсуф Мунши, 1956, с. 88]. Таких взаимных миссий до конца века было несколько.

Об уровне развития торговых связей России с Кашмиром, Пенджабом и северными районами Индии (в том числе опосредованных) свидетельствует количество индийских рупий, доставлявшихся на Оренбургскую линию.

В журнале «Всемирный труд» в 1867 г. была опубликована статья М. Михайлова «Наша среднеазиатская торговля» [Михайлов М. Наша среднеазиатская торговля // Всемирный труд. — 1867. — Февраль. — С. 235–244]. Автор кратко остановился на основных этапах истории торговых связей России с народами и странами Средней Азии, отметив периоды их подъема и спада. С самого начала оренбургского торгового направления внешней торговли России показало свою перспективность и исключительную выгодность: только за период с 1748 по 1755 гг. на Оренбургскую линию было доставлено (кроме товаров) до 50 пуд. золота и до 4 тыс. пуд. серебра в монете (в основном индийские рупии). [Там же, с. 235] Это было золото и серебро шаха Надира. Видный государственный и общественный деятель, историк и дипломат А.И. Левшин заметил: «Случайное и удивительное явление сие было кратковременным следствием смерти шаха Надира, после которой разграбленные сокровища его разошлись по всей почти Азии...» [Левшин А.И., 1832, с. 390] Спустя столетие ситуация резко изменилась. М. Михайлов заметил: «Теперь, напротив, золото и серебро увозят от нас, и, следовательно, с неплюевских времен среднеазиатская наша торговля мало-помалу приняла другой оборот, т.е. ныне у нас более нужды в среднеазиатских произведениях, чем у среднеазиатцев в наших» [Михайлов, с. 236]. Общий же вывод автора заключался в том, что на всем протяжении столетия (с середины XVIII до середины XIX вв.) торговля с ханствами Средней Азии имела для России большое значение.

Ценные сведения о Кашмире, его жителях и торговле привел выходец из Кабула Мехти Рафаилов, которые на протяжении длительного времени осуществлял торговые операции в Северном Китае, Индии, Кашмире и Пенджабе, куда он отправлялся из Семипалатинска. В своих «записках» автор заметил, что Кашмир в начале XIX в. был центром торговли. Сюда стекались купцы из Турции, Ирана, Индии, Афганистана, Бухары и Яркенда. Главным богатством края были знаменитые на весь мир кашмирские шали, которые отсюда расходились по всему Востоку и вывозились в Европу и Российскую империю. В начале XIX в. здесь насчитывалось до 20 000 станков, на которых выделывались шали и материи. Эта важнейшая отрасль кашмирской экономики приносила ежегодно до 1,2 млн руб. дохода [АВПРИ, ф. Санкт-Петербургский Главный архив,

II-26, 1811 г., д. 4, л. 11–11 об.]. Со всех экспортных и импортных товаров (за исключением золота и серебра) в Кашмире взималась пошлина по установленному тарифу. Все таможенные платежи зачислялись в казну.

Тот же Мехти Рафаилов в 1813 г. заметил, что богатые кашмирские купцы были заинтересованы в установлении прямых торговых связей с Россией и выражали желание «завести торг на границах российских и внутри оных не временный, а постоянный» [Там же, II-3, 1811–1819 гг., д. 5, л. 54]. Однако попытки кашмирцев установить прямые торговые связи с Российской империей встречали немало препятствий. Главными среди них были следующие: частые междоусобицы в Средней Азии, грабежи купеческих караванов в казахских степях, большие издержки в пути (в том числе на уплату таможенных пошлин и подношения местным феодалам и чиновникам), поверхностные представления о России, ее законах и внутренней торговле и др. То же самое, впрочем, можно сказать и о российских купцах. Многие из них, отправляясь в Кашмир, ехали туда на свой страх и риск. Тем не менее поездки отечественных торговцев в эту далекую страну не прекращались. В 1809 г. в Кашмир для торговли выезжали из Семипалатинска приказчики купца Семена Мадатова, товар которого оценивался в 1 млн руб. [ГАОО, ф. 6, оп. 1, д. 199, л. 103]. Сам Мадатов был в Индии в 1809–1813 гг. Во время этого путешествия богатый семипалатинский купец побывал и в Кашмире, где был принят правителем княжества. Из Кашмира он привез шали и знаменитую кашмирскую шерсть, которые выгодно сбыв в России [Россия и Индия, с. 101].

Побывавший в Средней Азии в 1833–1834 гг. переводчик Оренбургской пограничной комиссии П.И. Демезон отмечал, что кашмирцы вели активную торговлю в Бухаре. Здесь они проживали чаще всего в караван-сараях «Бадреддин» (караван-сарай богатого афганского купца Бедрутдина. — В.Ш.), где останавливались также купцы из Кабула и Пешавара. Российский посланник в своем отчете сообщил, что из Кашмира в Бухару и другие торговые центры Средней Азии доставлялись самые разнообразные шали и указал их ассортимент: ризаи, рахдар, бутедар, кусе, шамли, алван. [Записки..., с. 79]. Кроме шалей, из Кашмира доставлялись джурабы (полусапожки), достгуш (перчатки из кашемира), каламдан (чернильницы), ложки из позолоченного золота, рукописи и т.д. [Там же]. Многие богатые вельможи в Средней Азии носили халаты, сшитые из красивых кашмирских материй. Российский подданный Р. Данибегашвили, побывавший в Кашмире во время своего третьего путешествия в Индию (1822–1827 гг.), отмечал, что ежегодный доход от фабричного производства шалей доходил до 3 тыс. рупий, а общие доходы государства простирались

до 1 млн рупий [Путешествия, с. 19]. Также купец описал путь от Кашмира до Семипалатинска, указав, что его длина составляет 3 тыс. верст. Описание Хайдарабада, его производительных сил и торговли российскими товарами на его рынках оставил татарин Абдулла Амиров, волею судьбы более 20 лет странствовавший по Индии [Шкунов В.Н., с. 354–357].

Прапорщик И.В. Виткевич, побывавший в Бухаре в 1836 г., заметил, что кашмирцы также жили в бухарском караван-сараяе «Абдулла-Джан» [Записки, с. 101]. О влиянии кашмирцев в Бухаре свидетельствует пример, приведенный российским посланником. В столице ханства жил кашмирец Низаметдин, который под видом купца с 1833 г. фактически осуществлял разведывательную деятельность в пользу англичан. Он сумел войти в доверие к бухарским сановникам, которым часто преподносил подарки. Для этого британцы (агент Масон, живший в Кабуле) снабжали его деньгами. Через индийских банкиров, живших в Бухаре, Низаметдин получал ежегодно 20 тыс. рупий (40 тыс. руб. в год). Практически еженедельно он отправлял для британцев с нарочными письма в Кабул. Узнав о приезде Виткевича, кашмирец добился встречи с ним и попытался выведать у него сведения об Оренбургской пограничной линии, о Новоалександровске, о российско-хивинских отношениях и т.д. Виткевич проявил осторожность, зная о том, что перед ним не купец, а британский резидент. Тем не менее буквально на следующий день Низаметдин вновь отправил своего посыльного в Кабул с очередным письмом [Там же, с. 105–106]. Данный пример свидетельствовал о растущем англо-российском соперничестве в Средней Азии.

Кашмир, находившийся на перекрестке важнейших торговых путей, использовал выгоды своего положения. Через его территорию шли караванные дороги из Тибета, Индии, Пенджаба, Афганистана, Китая, ханств и небольших владений Средней Азии. Часть товаров, доставляемых в Кашмир из соседних государств, реэкспортировалась в ханства Средней Азии, а уже оттуда — в Россию.

Уже упоминавшийся выше Мехти Рафаилов (Мяхтие Рафо, кстати, скончавшийся в Кашмире в 1820 г. во время очередной торговой поездки. — В.Ш.) был не просто купцом. Тонкий знаток Востока, он нередко привлекался российскими властями и для выполнения официальных поручений. Так, при посредничестве М. Рафаилова управляющий Министерством иностранных дел К.В. Нессельроде передал письмо магарадже Пенджаба Ранджит Сингху (от 17 (29) января 1820 г.). В послании, в частности, говорилось о том, что российские власти заинтересованы в развитии двусторонних торговых связей:

«...дабы купцы российские и Ваши имели свободный приезд во взаимные области» [АВПРИ, ф. СПб Главный архив. П-11, оп. 50, 1819, л. 137]. Сам М. Рафаилов не раз бывал в Пенджабе, доставлял туда российские товары и вывозил оттуда традиционные пенджабские изделия. Бывал в Лахоре и другой российский подданный, грузинский купец Рафаил Данибегашвили. Он отмечал, что в Пенджаб стекается немало иностранцев, край этот славится шелководством и земледелием [Путешествия..., с. 59–60]. Можно предположить, что отечественным купцам хорошо были известны товары из этого государства, поскольку они находили широкий сбыт в Иране, Афганистане, доходили и до Средней Азии. В 30-е гг. XIX в. на рынках среднеазиатских городов сбывалось огромное количество пенджабского индиго, а из окрестностей Лахора привозился сахар-сырец [Записки, с. 79].

Из-за большого привоза индиго в Бухару и другие города его сбыт вызвал затруднения. Доставлявшие краситель из Пенджаба афганцы-логани намеревались в 1834 г. отвезти большую партию индиго на Оренбургскую линию. Однако бухарские торговцы, боявшиеся потери прибыли и установления прямых торговых связей между афганскими и российскими купцами, всячески отговаривали кочевников. Вместе с тем расширявшееся отечественное производство требовало значительного количества красителей, поэтому и российские власти, и торговцы, и фабриканты были заинтересованы в увеличении импорта пенджабского индиго.

Побывавший дважды в Индии в 1841–1843 и 1845–1846 гг. князь А.Д. Салтыков также оставил подробное описание Пенджаба, его природных богатств. Автор «Писем об Индии» заметил, что магараджа и его вельможи утопали в роскоши, а сам дворец, в котором его принял Шер Сингх (1842–1843 гг.), произвел на князя неизгладимое впечатление [Русско-индийские отношения, с. 81–83]. Встреча магараджи Пенджаба с русским князем способствовала расширению представлений о России, а также продемонстрировала стремление властей азиатского государства к развитию торговых связей с северным соседом.

Одной из важных статей российского экспорта в Пенджаб являлись сундуки. Этот традиционный отечественный товар можно было встретить в разных уголках Индии, вплоть до Калькутты. Только через Оренбург ежегодно вывозилось до 9 тыс. сундуков [ГАОО, ф. 339, оп. 1, д. 29, л. 33, об. 34]. В России в них загружались мелкие, хрупкие и скоропортящиеся товары, а во время торга в Пенджабе продавали вместе с товаром или как отдельное изделие. Производство сундуков на Урале учитывало вкусы и запросы народов Востока. Вот по-

чему эти изделия отличались большим разнообразием: сундуки были разного объема, цвета, имели уникальную резьбу, металлическую инкрустацию и т.д. Подобного рода дифференцированный подход в производстве сундуков был нацелен на максимальный учет потребительского спроса.

Заметную роль в российско-пенджабских торгово-экономических отношениях играли индийские торговцы, жившие в среднеазиатских городах. В начале 20-х гг. XIX в. их число значительно выросло в Бухаре. По свидетельству Е.К. Мейендорфа, только в этой столице их было около 300, «часть которых прочно осела там, часть же уезжает и приезжает с караванами из Кабула» [Мейендорф, 1975, с. 90]. Эти индийские купцы были родом из Мултана, Кабула и Шикарпура, откуда они привозили индиго, кашмирские и персидские шали.

В рассматриваемый период возрастает интерес российских предпринимателей и к далекому Тибету. Укрепление позиций России на юге Сибири, активное развитие торговли по Сибирской линии с соседними азиатскими народами способствовали продвижению отечественного торгового капитала не только в Восточный Туркестан (Джунгарское ханство, затем Синьцзян и Кашгария), но и дальше — за Памир в Тибет. Безусловно, определенную роль сыграли и тесные связи российских подданных-буддистов с Лхасой. Паломники из России практически всегда отправлялись в далекий путь, прихватив с собой товар (собственно так же поступали в то время мусульманские паломники, следовавшие в Мекку, и православные — в Иерусалим. — В.Ш.). С буддистскими паломниками в Россию попадали традиционные тибетские товары, в том числе культовые изделия.

Тибет, с конца XVIII века полностью включенный в состав Цинской империи, вызывал повышенный интерес российских властей. Особенно он усилился после приема в Москве Екатериной II бандидо-хамбо-ламы Доржи Заяева в 1767 (по некоторым данным в 1768 г. — В.Ш.), который бывал в Лхасе. Среди вопросов, которые императрица обсуждала с духовным лидером российских бурят-монголов, были и вопросы развития российско-тибетской торговли. Это желание косвенно подтверждается и свидетельством британского посла в Лхасе капитана С. Тернера, который утверждал, что российская императрица предпринимала попытки завязать прямые торговые связи с внутренними областями Тибета [S. Turner, p. 272].

В одной из лучших отечественных работ по истории российско-тибетских отношений петербургского историка А.И. Андреева, опубликованной в 2006 г., утверждается, что в конце XVIII — начале XIX века «попытки завязать отношения с Тибетом... с помощью азиатских купцов, отправлявшихся с торговыми

караванами в Восточный (Китайский) Туркестан и далее в Северную Индию из «Семиполатной крепости» (Семипалатинска) — форпоста русской торговли в Средней Азии, также не имели успеха» [Андреев, с. 52]. Мы не можем согласиться с таким выводом автора по следующим причинам. Во-первых, сомнительно называть Семипалатинск форпостом русской торговли в Средней Азии: подобного рода определение справедливо (и по важности, и по объемам торговли) к Оренбургу. Семипалатинское направление имело особое значение для развития российской торговли, прежде всего, с Синьцзяном, Кокандом, Кашмиром. Во-вторых, при отсутствии прямых российско-тибетских торгово-экономических отношений именно среднеазиатские, кашгарские и монгольские торговцы становились посредниками торговых связей России и Тибета. Это подтверждается многочисленными фактами. Купить тибетские товары российские торговцы могли на рынках Синьцзяна, в Кашгаре, Яркенде, отчасти, в Ташкенте, Коканде, Бухаре, Хиве, Кабуле и других городах.

После разгрома Китаем Джунгарского ханства цинские власти стали проводить ту же политику изоляционизма в покоренных землях, которая была характерна для Поднебесной. В соответствии с указами императора Цяньлуна от 1768 и 1790 гг., была запрещена торговля российскими товарами на всей территории Синьцзяна [Гуревич, с. 174–175]. Это привело к изменениям в направлениях торговых потоков. При этом товары из Тибета по-прежнему поступали в Синьцзян (поскольку обе территории номинально являлись неотъемлемыми частями Цинской империи) и, в то же время, через земли Кашмира — в ханства Средней Азии. Кроме этого, российские торговцы прибегали и к разного рода уловкам, которые позволяли им обходить запретительные законы китайских властей. К примеру, татарские купцы, заручившись письмами от султанов Среднего и Старшего жузов о якобы казахской принадлежности товара, вывозили с Оренбургской и Сибирской линии отечественный товар непосредственно в Кашгар, Кульджу, Чугучак и другие торговые города. Российские товары попадали в Синьцзян и с бухарскими караванами. Таким образом, у российских торговцев сохранялась возможность приобретения тибетских товаров в Синьцзяне даже в период запрета отечественным купцам вести торговые операции на северо-западе Китая. Такое положение сохранялось вплоть до середины 20-х гг. XIX в., когда торговые связи России с Синьцзяном были сильно подорваны вследствие участвовавших нападений на караваны в Семиречье. Однако внешняя торговля, встречая на своем пути препятствия, всякий раз находила либо обходные пути, либо прокладывала новые. Это непреложный закон разви-

тия всемирной торговли. Так, российские товары, встречавшие препятствия для сбыта в Синьцзяне, все в больших объемах стали сбываться в ханствах Средней Азии и в землях киргизов — вплоть до Памира и Ладака.

Знания россиян о Тибете, Кашмире, Пенджабе в конце XVIII — начале XIX в. значительно расширились. Это стало возможным благодаря увеличению числа переводной литературы, а также публикации «странствований», «записок» и иных мемуаров россиян, волею судьбы оказавшихся в этих далеких землях. Среди них особо следует выделить «Странствование Филиппа Ефремова, российского унтер-офицера...» [Странствование]. Он, как и Абдулла Амиров, о вынужденном путешествии по Востоку которого мы писали, во время пугачевского восстания на Урале волею судьбы оказался в Средней Азии, откуда под видом татарина отправился из Маргелана с местными купцами в Кашгар. Из Яркента его путь вместе с другими купцами лежал в Тибет. В 3-м издании «Странствования...», подготовленного Петром Кондыревым, наряду с воспоминаниями Ф. Ефремова в разделе «Тибет» добавлены сведения об этом районе Азии из иных, в том числе европейских, источников. Кроме собственно Тибета в разделе приведены сведения о Непале и Бутане. Филипп Ефремов заметил, что в Тибете разводят особый вид овец, шерсть которых «подобна шелку» и употреблялась в Кашмире для выделки знаменитых шалей. В разделе упоминаются и иные богатства этого высокогорного края: золото, горный хрусталь, медные, железные и ртутные руды и т.д. Особую ценность представлял ремень, который считался одним из лучших в Азии и представлял важную статью тибетского экспорта. Предметом тибетской торговли являлась и струя кабарги, которая ценилась выше, чем сибирская, поскольку обладала особым ароматом. Центрами торговли в Тибете являлись города Ладак и Лхаса. В независимом владении Ладак жило много купцов из Кашмира, которые вывозили отсюда местные изделия и продукты. Ладак являлся и центром транзитной торговли, через который проходили пути из Тибета, Кашмира, Бадахшана, Синьцзяна, Средней Азии и Индии.

Далее в «Странствованиях...» дано описание Кашмира и его торговой жизни. Автор отмечает, что в этом крае выращивались разнообразные фрукты, овощи, зерновые культуры, хлопок, выделялись шелк и знаменитые на весь мир кашмирские шали. Далее П. Кондырев счел необходимым добавить повествование Ф. Ефремова сведениями о торговле: «...кашемирцы — народ довольно торговый, часто ездят в Индию и Тибет, также и Бухарию...Серебро достают из Тибета, где его в горах находится довольно количество; деньги по-

всюду видны почти одни серебряные» [Ф. Ефремов]. Несколькими годами позже (1792 г.) в Тибете и Кашмире побывал другой вынужденный путешественник — греческий митрополит Хрисанф Неопатрасский. В «Объяснениях...», подготовленных им для графа В.А. Зубова, содержатся ценные материалы, характеризовавшие торговые связи в государствах Востока. И хотя некоторые сведения явно преувеличены и неточны, тем не менее увиденное митрополитом и отображенное им на бумаге представляет несомненный интерес для исследователей истории торговых связей России с народами и странами Азии. Автор заметил, что в Кашмире торговля сосредоточена в руках богатых индийских купцов: «Богатства их и сокровища превосходят, наверно, всякого богатого государства» [Хрисанф, Объяснения]. Говоря о Лхасе, митрополит заметил, что это многолюдный и богатый город, жители которого «занимаются знатною торговлею с Китаем, Индией и с мунгалами (калмыками). Далай-лама покровительствует торговых людей, если они не христиане, и таковые пользуются совершенною свободою; всякие товары менять позволяют со взятием пошлины» [Там же].

Один из крупнейших отечественных исследователей истории внешней торговли России Г.П. Неболсин отмечал: «Шерстяные платки и шали вывозятся из Кашемира и Тибета и доставляются к таможенным или индийцами, или персиянами, бухарцами, а иногда русскими купцами: татарами и армянами» [Неболсин Г.П., Статистические записки о внешней торговле, т. 1, с. 179]. Автор заметил, что кашмирские шали и материи, привозившиеся в Россию из государств Востока, в основном находили сбыт на Нижегородской ярмарке, а также Москве и Санкт-Петербурге. Во втором томе своей знаменитой работы Г.П. Неболсин уточнил, что почти все шерстяные изделия, доставлявшиеся бухарскими купцами на Оренбургскую линию, были кашмирскими: «Это единственный товар, доставляемый в Россию сухопутно из Индии; азиатцы берут кашемирские шали потому, что в случае нападения на караван удобнее скрыть их, дабы высокая ценность этого изделия могла вознаградить их убытки» [Неболсин Г.П., т. 2, с. 178–179].

О количестве кашмирских шалей, привозимых на Оренбургскую линию, можно судить по статистическим данным Оренбургской таможни за 1818 по 1825 гг. (см. таблицу 1).

**Динамика привоза кашмирских шалей
на Оренбургскую линию**

Показатель	1818	1819	1820	1822	1823	1824	1825	1826	1827
Количество	987	288	369	261	96	159	528	298	138
На сумму	378360	157460	193475	145300	29550	46570	393230	264600	99325
Средняя цена одной шали	383	547	524	556	308	293	745	887	719
% стоимости шалей в общем годовом приводе	9,6	4,6	6,7	13,8	24,8	5,7	16,2	22,6	11,2

Источник: ГАОО, ф. 339, оп. 1, д. 29, л. 270, об. 280 (Подсчитано нами. — В.Ш.)

Все доставляемые через территорию Средней Азии и казахские степи кашмирские шали и другие изделия подвергались таможенной очистке. В соответствии с тарифом 1822 г., с кашмирских шалей и платков взималась пошлина в размере 8 руб. сер. с фунта, по тарифу 1831 г. произошло увеличение сбора на 12 ½ %, а к середине XIX в. с этого товара стали взимать пошлину в размере 10 руб. 50 коп. сер. с фунта [Неболсин Г.П., Статистические сведения, 1850, т. 1, с. 382]. Повышение таможенных пошлин отчасти было вызвано тем, что в России, как и в Европе, менялась мода; более популярными и востребованными на внутреннем рынке становились отечественные товары из козьего пуха. Кроме этого во второй четверти XIX в. возрос импорт в Россию британских шерстяных изделий; расширилось и отечественное производство, в том числе шалей и платков по качеству практически не уступавших кашмирским.

Оренбуржье было не единственным местом импорта кашмирских шалей. Значительная их часть экспортировалась в Иран, а оттуда расходилась в другие страны, включая и Россию. При этом следует заметить, что спрос на кашмирские шали в Иране оставался достаточно высоким на протяжении всего рассматриваемого периода. С купеческими караванами шали расходились по всему Среднему и Ближнему Востоку. К примеру, в Решт в 1847 г. из Багдада и Ши-раза было привезено 200 кашмирских шалей на общую сумму 10 тыс. руб. асс. [АВПРИ, ф. Гл. архив 1-9, 1847–1854, л. 193]. А в 1848 г. только из Тебриза бы-

ло вывезено шалей на общую сумму 177 100 руб. [Там же, л. 57]. В 1849 г. в Россию из Тебриза было доставлено шалей на сумму 1 150 руб., а в 1850 г. — 8 314 руб. [Там же, л. 321]. В 1850 г. в Константинополь было доставлено из Тебриза шалей на сумму 409 924 руб. Таким образом, товары из Кашмира попадали в Россию разными каналами: через Синьцзян, ханства Средней Азии, Афганистан, Иран, Османскую империю.

К середине XIX века торговые связи Российской империи с Кашмиром, Пенджабом и Тибетом значительно расширились. Это стало возможным, в частности, за счет увеличения импорта восточных товаров через европейские границы. Великобритания, усилив экспорт из Индии, большую его часть реэкспортировала в государства Европы и Россию. Как заметил русский исследователь Н.И. Тарасенко-Отрешков, характеризуя российско-индийские торгово-экономические связи в середине XIX века, «ныне торговля России, как непосредственно чрез страны, отделяющие Индию от России, так преимущественно посредством англичан, значительна» [Тарасенко-Отрешков Н.И., с. 9]. Более того, автор отметил, что Индия «в некоторых статьях заграничного нашего отпуса становится нашею соперницею в Европе» [Там же].

Таким образом, на протяжении второй половины XVIII — первой половины XIX века торгово-экономические связи России с Кашмиром, Пенджабом и Тибетом расширились. Все страны были заинтересованы во взаимной торговле. И хотя прямые контакты между их торговцами были редкими, тем не менее, при посредничестве среднеазиатских купцов товары из России находили сбыт на рынках северной Индии и Тибета. Кроме этого, возросший английский экспорт сырья и изделий из Южной Азии в Европу способствовал увеличению притока восточных товаров в Россию через европейскую границу, черноморские и балтийские порты.

Примечания

1. Архив внешней политики Российской империи (далее АВПРИ), ф. Санкт-Петербургский Главный архив, П-26, 1811 г., д. 4, л. 11–12 об.

2. АВПРИ, Санкт-Петербургский Главный архив, П-3, 1811–1819 гг., д. 5, л. 54–55.

3. АВПРИ, Санкт-Петербургский Главный архив, П-11, оп. 50, 1819 гг., д. 4, л. 136–138.

4. АВПРИ, Санкт-Петербургский Главный архив, I-9, 1847–1854 гг., оп. 8, д. 11, л. 57–382.

5. Государственный архив Оренбургской области, ф. 6, оп. 1, д. 199, л. 103.

6. *Андреев, А.И.* Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. — СПб., 2006. — 464 с.

7. *Гуревич, Б.П.* Международные отношения в Центральной Азии в XVII — первой половине XIX в. — М., 1979. — 311 с.

8. Записки о Бухарском ханстве (Отчеты П.И. Демезона и И.В. Виткевича). — М., 1983. — 148 с.

9. *Левшин, А.И.* Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. — Алматы, 1996. — 656 с.

10. *Матвиевский, П.Е.* Сношения оренбургских татар с Индией в XVIII веке // Аннотированный перечень докладов и сообщений, поступивших на учредительный съезд историко-архивного общества. — Казань, 1961. — С. 39–40.

11. *Мейендорф, Е.К.* Путешествие из Оренбурга в Бухару / Пер. Е.К. Бетгера. — М., 1975. — 183 с.

12. *Михайлов, М.* Наша среднеазиатская торговля // Всемирный труд. — 1867. — Февраль. — С. 235–244.

13. *Мунши, Мухаммед Юсуф.* Муким-ханская история. — Ташкент, 1956. — 233 с.

14. *Неболсин, Г.П.* Статистические записки о внешней торговле России. — СПб., 1835. — Т. 1: 223 [31] с.; Т. 2: 283 [4] с.

15. Объяснения греческого митрополита Хрисанфа Неопатрасского, бывшего в Турции, Персии, Армении, Бухаре, Хиве и в Индии, представленные в 1795 году Генерал-фельдцейхмейстеру князю Платону Александровичу Зубову: о плодородии, богатстве, народонаселении тамошних стран и о возможности покорения их при успехах российских в Персии войск под председательством Генерала Графа Валериана Александровича Зубова // Цит. По: Путешествия по Востоку в эпоху Екатерины II. — М., 1995. — С. 265–294.

16. Путешествия Рафаила Данибегашвили в Индию, Бирму и другие страны Азии, 1795–1827 / Сост. Л.И. Маруашвили. — М., 1969. — 71 с.

17. Россия и Индия / Отв. ред. Н.А. Халфин, П.М. Шаститко. — М., 1986. — 356 с.

18. Русско-индийские отношения в XIX в. Сборник архивных документов и материалов. — М., 1997. — 374 с.

19. Странствование Филиппа Ефремова в Киргизской степи, Бухарии, Хиве, Персии, Тибете и Индии и возвращение его оттуда чрез Англию в Россию. Третье, вновь переделанное, исправленное и умноженное издание. — Казань, 1811. — 159 с.

20. *Тарасенко-Отрешков, Н.И.* Индия и ее отношение к России. — СПб., 1875. — 142 с.

21. *Терентьев, М.А.* Россия и Англия в борьбе за рынки. — СПб., 1875. — 361 с.

22. *Шкунов, В.Н.* Торгово-экономические отношения Российской империи с сопредельными странами Востока во второй половине XVIII — первой половине XIX века. — Самара, 2007. — 578 с.

23. *Turner, Samuel.* An Account to the Court of the Teshoo Lama, in Tibet, containing a narrative of a journey through Bhutan, a part of Tibet / by Captain Samuel Turner. — L., 1800. — 473 p.

ГЛАВА 3. ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ МИССИИ В СРЕДНЮЮ АЗИЮ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И ИНДИИ

Постоянные грабежи купеческих караванов, незащищенность жизни и собственности купца, произвол ханских чиновников в отношении российских торговцев, таможенные преграды, изготовление в Бухаре фальшивых ассигнаций, обращение в рабов российских подданных, контрабандный вывоз золотой и серебряной монеты из России, начало проникновения английских товаров на рынки Среднего Востока — эти и некоторые другие причины побуждали царское правительство и оренбургские губернские власти добиваться взаимопонимания с правителями среднеазиатских ханств.

В первые десятилетия XIX века по согласованию с Петербургом в Бухару и Хиву направляются дипломатические миссии, которые под официальным прикрытием (передача монарших грамот и подарков и т.д.) были призваны выполнить и секретные задания, в большинстве своем касающиеся и вопросов торговли. Можно сказать, что российские посланники осуществляли на практике не только военно-политическую, но и экономическую разведку. Изучение рынков Среднего Востока, анализ межгосударственных отношений, традиций и обычаев местных народов, выявление потребностей стран региона в российских товарах, а также прогнозирование возможного (или уже имеющегося) торгово-экономического соперничества с другими европейскими державами на местных рынках — эти вопросы находились в центре внимания российских посланников.

Следует отметить, научный интерес к подобного рода миссиям был проявлен уже в прошлом веке. Удовлетворяя его, отдельные посланники опубликовали свои воспоминания в виде статей и очерков [Бларамберг И.Ф., 1853; Залесов Н.Г., 1860; Муравьев Н.Н., 1822; Кайдалов Е., 1827; Ханыков Н., 1843]. И все же состояние торгово-экономических отношений России с сопредельными странами Среднего Востока еще остается во многом неизученным, а проблема «взаимоотношения России с государствами Средней Азии ... представляет», по словам Н.А. Халфина, «интересный и благодарный, хотя и чрезвычайно трудоемкий сюжет» [Халфин Н.А., 1974, с. 5].

Покойный Ханъ Хивинскій Семдъ-Магометъ-Рахимъ-Ханъ.

В первой половине XIX в. в России появились и специальные труды, посвященные описаниям торговых путей и возможным маршрутам, которыми могли пользоваться отечественные торговцы. В этом отношении заслуживает небольшая по объему работа «О торговом пути в Среднюю Азию и Индию через Россию, предлагаемом надворным советником Платоном Голубковым» [О торговом пути, 1848].

В настоящее время в научный оборот вовлечен довольно обширный материал, посвященный деятельности российских посольств в странах Среднего Востока в первые десятилетия XIX века [Апполова Н.Г., 1960; Атаев Х.А., 1991; Бекмаханов Е.Б., 1957; Бунаков Е.В., 1941; Рожкова М.К., 1949, 1963; Семенов А.А., 1951 и др.].

Особое значение для темы нашего исследования имеют работы Н.А. Халфина, основанные на богатом архивном материале [Халфин Н.А., 1974]. Автор, подчеркивавший важность изучения истории связей России с Бухарой, Хивой, Кокандом и Ташкентом в первой половине XIX века, свою монографию посвятил в основном политико-дипломатическим проблемам [Халфин Н.А., 1974, с. 7]. Однако значительное место в данной работе уделено и вопросам торговли. Так, Н.А. Халфин приходит к выводу, что «в первой половине XIX века ... существеннейшим содержанием ее (Российской империи) политических меро-

приятый было обеспечение интересов отечественной торговли. Именно это и стимулировало связи России с ханствами» [Там же, с. 390].

Вместе с тем следует отметить, что работа Н.А. Халфина базируется в основном на документальных материалах центральных архивов, документы же местных архивов (и, прежде всего, Государственного архива Оренбургской области) остались вне поля зрения исследователя.

В настоящей главе проведен анализ торгово-экономических отношений России с сопредельными государствами (ханствами Средней Азии, Ираном, Индией и др.) по материалам российских миссий начала XIX века. Вовлекая в научный оборот новые архивные материалы (в основном Оренбургского архива), мы стремимся уяснить причины повышенного внимания российского правительства к событиям на Среднем Востоке, его стремления к развитию торговых связей с этим регионом, а также роль и место российских миссий в Среднюю Азию в 1803, 1809, 1811 и 1833–1834, 1836 годах в разрешении острейших проблем российского купечества.

3.1. П.Е. Величко и организация экспедиций в Среднюю Азию в первое десятилетие XIX века

В начале XIX века среди членов Оренбургской администрации выделялся, безусловно, талантливый и эрудированный директор оренбургской пограничной таможни и начальник местного таможенного округа Павел Елисеевич Величко. Но мало кто из знавших его в Оренбурге догадывался, что местный таможенный начальник возглавляет тайную масонскую организацию, связанную с Московским новиковским обществом. В его доме бывали самые передовые люди того времени, как жившие постоянно в Оренбурге, так и попадавшие туда в ссылку. В 1801–1806 гг. в доме П.Е. Величко жил ссыльный писатель Г.С. Винский. Нужно было обладать немалым мужеством, чтобы принимать у себя в доме человека, которого царский суд осудил как государственного преступника. Прекрасный семьянин, он дал блестящее образование сыну, ставшему магистром физики и математики. Павел Елисеевич, прожив в Оренбуржье значительное время, не только прекрасно знал свое дело, но и считался одним из лучших знатоков государств Средней Азии, Ирана, Индии и Афганистана. Подготовленные им документы об улучшении торговли России с этими странами находили отклик и высоко оценивались не только оренбургскими губернаторами, но и царским правительством.

Многие документальные материалы, связанные с деятельностью П.Е. Величко, еще не стали предметом специального исследования. Хотя следует признать, что еще в дореволюционной России появились первые публикации, в которых рассказывалось о предложениях этого чиновника и его роли в упрочении торгово-экономических отношений Российской империи с сопредельными странами Среднего Востока в первые десятилетия XIX века, данная проблематика во многом остается открытой [Усов П.С., 1884, с. 147–155; Виды на торговлю..., 1904, с. 631–633].

Как директор Оренбургской таможни, П.Е. Величко играл немаловажную роль в организации торговых связей со среднеазиатскими ханствами и, как об этом свидетельствуют многие источники, проявлял достаточную энергию в данном направлении, чем, бесспорно, заслужил особенную честь и репутацию. Анализ материалов Государственного архива Оренбургской области, посвященные деятельности П.Е. Величко, позволил расширить знания об этом человеке, а также выйти на решение более глобальных вопросов: проследить эволюцию представлений правительственных органов России на развитие торговых отношений со своими южными соседями через казахские земли, оценить степень озабоченности властей активизацией англичан в этом регионе, глубже осмыслить те проблемы, которые волновали российское купечество в его стремлении упрочить свои позиции на рынках Среднего Востока.

Среди архивных документов Государственного архива Оренбургской области есть материалы, посвященные отправке в Бухару в 1803 году особой русской миссии с медицинскими, научными, политическими и торговыми целями, в подготовке которой активное участие принял П.Е. Величко [ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 402], а также рапорт директора Оренбургской таможни князю Волконскому — «Мнение об улучшении торговли Оренбургского края с азиатцами, о прикрытии караванов и о прочем» от 3 марта 1808 г. [ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 394а, л. 10–27].

Многочисленные трудности, препятствовавшие расширению и упрочению торговых связей России с государствами Среднего Востока вызывали беспокойство как у царского правительства, так и у оренбургской губернской администрации. 24 декабря 1803 года оренбургский военный губернатор князь Г.С. Волконский отдал распоряжение П.Е. Величко пригласить купцов из разных российских городов «к будущему весеннему отправлению в Бухарию и Хивию караванов с товарами» [АВПРИ, ф. Главный архив II-3, оп. 34, 1803–1812, л. 2].

В ответ на это распоряжение директор таможни сообщал: «Не бесполезно б было отправиться мне в Москву, Тулу, Ростов, Курск и другие города, которых купечество ведет торговлю с азиатцами, для приглашения лично их к составлению каравана и для внушения сколько, с одной стороны, пользы от бухарской торговли нашему купечеству быть могущей, столько, с другой, видов правительства монаршею волею утвержденных на обеспечение торговли в пути и самой Бухарии» [ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 402, л. 45].

После неудачной миссии поручика Я.П. Гавердовского в Бухару в 1803 г. оренбургский военный губернатор князь Г.С. Волконский по согласованию с правительственными органами принял решение о снаряжении в ханство экспедиции с научными, политическими и торговыми целями. Для участия в этой экспедиции и приглашались российские купцы. Принимал участие в ее подготовке Павел Елисеевич Величко. Главными целями экспедиции были следующие: разведать «о расположении киргизцев по стороне Российской», вскрыть причины войны между киргизцами и каракалпаками и то, «почему хан бухарский вступил в примирение их», получить сведения о фальшивомонетчиках, «узнать, в какой связи, т.е. в дружбе или в войне (состоит) Бухария с Хивой, с Персией, с Кабулом и с другими окружными владениями и кто в Хиве хан» [Там же, л. 9].

О том, что данная экспедиция была инспирирована свыше, свидетельствует тот факт, что российские посланники должны были передать подарки от императора бухарскому хану, его супруге и высшим сановникам. Подарки были размещены в 8-ми специально приготовленных ящиках и состояли из следующих предметов: перстень с изумрудом стоимостью 1500 руб., ювелирное украшение в виде цветка с бриллиантами и рубинами стоимостью 5000 руб., ювелирных изделий на 1740 руб., шуба соболья, подбитая бархатом, ценой в 3224 руб., девять кусков парчи на 2136 руб., большое количество фарфоровой посуды (вазы, чашки, стаканы, подносы, кружки, ковшики) на сумму 1166 руб. и др. [Там же, л. 13–14 об.]

Вместе с караваном должны были отправиться и ученые с различными научными целями, в частности, с геодезическими [Там же, л. 17]. Среди них был адъютант Российской Академии наук надворный советник Лангедорф [Там же, л. 47–48]. Задачей ученых действительно было стремление к изучению неизвестных земель, о чем свидетельствуют «Опись материалов, необходимых на пути в Бухарию» (в перечне — арбы, лодки, палатки, бадьи, горные буры, кирки и т.д.) [Там же] и список астрономических и математических инструментов [Там же, л. 134].

П.Е. Величко составил целый список необходимых в пути вещей, «какие... благовременно приготовлены быть должны для сей экспедиции» [Там же]. Как человек опытный, он советовал: «Арбы удобные и дешевые достать можно на Уральской линии, на коих армяны доставляют товары из Астрахани» [Там же].

Чтобы привлечь российское купечество к торговле в странах Среднего Востока, князь Г.С. Волконский, направил послание нижегородскому губернатору, в котором, в частности, писал: «... и как приближается время Макарьевской ярмонки, существующей в вверенной Вашему превосходительству губернии, куда российское купечество стекается весьма значительным количеством, то я посчитаю необходимым нужным сделать приглашение торгующим на Макарьевской ярмонке к составлению каравана» [Там же, л. 85].

Подготавливая экспедицию, П.Е. Величко изучил и «Записку о сведениях, собранных коллежским советником Бекчюриным в бытность его в 1780–1781 годах в Бухарии относительно удобностей местоположений и других обстоятельств тамошних областей» [Там же, л. 99–102 об.]. Данный документ весьма примечателен. Многие идеи, которые высказывались Мирсалимом Бекчюриным, не потеряли своей актуальности. М. Бекчюрин был переводчиком помощника пакгаузного инспектора оренбургской таможни, хорошо владел восточными языками, знал обычаи и нравы народов Средней Азии. Без сомнения, П.Е. Величко хорошо знал М. Бекчюрина, поскольку последний являлся его подчиненным [АВПРИ, ф. Главный архив I-7, оп. 6, 1802–1812, л. 277]. М. Бекчюрин отмечает, что укреплению торговых связей и безопасности купцов способствовало бы создание крепости при Учургинском урочище на правой стороне Сыр-Дарьи. «По восстановлении в сих интересных местах тишины и спокойствия вся Бухарская область и другие, как-то Кобульская, Балх, Бадахшанская, Индия, Кашемир, часть Персии и вверх по Сыр-Дарье расположенные города могли б обратиться с торговлею к сему месту, а потому не только на содержание войска не было б ни в чем недостатка, но сверх того еще многие тысячи могут быть приобретены к государственным доходам», — заключает автор [ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 394а, л. 101 об.].

Говоря об экономических выгодах торговли России с ее южными соседями, М. Бекчюрин вместе с тем отмечает и политическую заинтересованность в распространении российского влияния: «... со временем вся сия азиатская страна подходила б под руководство России» [Там же].

Как бы в продолжение идей, высказанных М. Бекчюриным, П.Е. Величко составил «Мнение об улучшении торговли Оренбургского края с азиатцами, о

прикрытии караванов и о протчем» от 3 марта 1808 года [Там же, л. 10]. Данный документ был составлен как рапорт на имя князя Г.С. Волконского. В начале своего рапорта П.Е. Величко отмечает важность распространения российской торговли в Бухарском ханстве и других государствах Средней Азии. Он писал также о том, что и восточным купцам не в меньшей мере выгодна торговля с Россией. Далее автор называет цель своего рапорта: «Я хочу пояснить о товарах, в Бухарии производимых, какие европейские там расходятся и о способах, как кажется, могущих дать средство к безопасному прохождению чрез Киргизскую степь наших караванов» [Там же, л. 11].

Говоря о торговле в Бухарском ханстве, П.Е. Величко сообщает, что она «производится всеми состояниями людей, т.е. каждый подданный бухарского правления отправляет ее свободно» [Там же, л. 11 об.]. Здесь, на рынках страны, расходятся не только «природные произведения их страны», но и «привозные из государств всех родов иностранные товары». Среди бухарской продукции автор называет бумагу хлопчатую и пряденую, овчинки высокого качества, бумажные и шелковые изделия, готовое платье, сухофрукты и многое другое.

Кроме этого, по утверждению Петра Елисеевича, в Бухаре реализуются в большом количестве следующие товары: жемчуг, кораллы, парча, бархат, шелковые платки, разные сукна, стамедь, ткани, шитые золотом и серебром, гвоздика, кошениль, сахар, юфть, сафьяны, холсты, немецкие шкурки выдр и бобров, американские котики, беличьи шкурки, зеркала, железо полосное, чугунная посуда, медь, латунь, иглы, бритвы, бумага писчая, иностранная золотая и серебряная монета и многие другие товары [Там же, л. 11–12 об.].

Как отмечает директор таможни, «важные торги в Бухарии начинаются с января месяца и продолжаются по май. К сему времени стекаются купцы из России, Персии, Афганистана, Индии, Тибета, Великой Татарии и со всех окрестных мест бухарского владения» [Там же, л. 12]. Продажа и покупка товаров осуществлялась на золотые, серебряные и медные деньги. Бухарские червонцы выбивались из иностранных монет (в основном, голландских). В целом же иностранная валюта имела свободное хождение на территории среднеазиатских ханств.

Говоря о национальности российских купцов, торговавших на рынках Средней Азии, П.Е. Величко пишет, что «в Бухарию ныне ходят для торговли из российских подданных одни татары» [Там же, л. 12 об.]. Поскольку деятельности татарских купцов в нашей работе посвящена отдельная глава, мы опускаем в настоящем параграфе характеристику, данную этим купцам директором оренбургской таможни.

Переходя к проблемам, сдерживавшим российско-восточную торговлю, заключает: «Судя о всегдашних грабежах киргизцами товаров, натурально ожидать должно было совершенного ослабления торговли с Бухариею и со всею Верхнею Азиею: российское купечество по неоднократном претерпении убытков, сколько от грабежей, столько же и от невыгодной мены с азиатцами на границе, решилось оставить сей торг» [Там же, л. 13]. Да и бухарское правительство, в свою очередь, также приостановило отправку в Россию в 1807 году караванов местных купцов.

Проявляя озабоченность сложившимся положением и основываясь на многочисленных беседах с российскими купцами, П.Е. Величко выражает надежду на то, что правительственные органы примут надлежащие меры к устранению возникших препятствий. Эту мысль директор оренбургской таможни так выразил в своем рапорте: «когда правительству благоугодно будет определить для охранения караванов надежное сопровождение воинским отрядом, вызываясь взять оный на свое содержание, платежом в казну при выходе и возвращении каравана по 2,5 процента со всей капитальной суммы находящейся в товарах каравана, что и составит в оба пути 5%» [Там же, л. 13–14].

Следует заметить, что министр коммерции граф Н.П. Румянцев, ознакомившись с рапортом П.Е. Величко, одобрил его предложение: «... согласно с вашим изложением, брать по 5% с цены товаров под военным прикрытием отправляемым» [Там же, л. 9].

В конце своего рапорта директор оренбургской таможни приводит «Правила о составлении вольного купеческого общества», «О должности караванного начальника» и «О прикрытии караванов военным отрядом» [Там же, л. 14].

Первый проект, составленный совместно Г.С. Волконским и П.Е. Величко, предусматривал создание Российско-Азиатской компании по торговле с государствами Средней Азии и Индии. Ряд крупных купцов высказывали свои идеи о создании этой компании с начальным капиталом в 1 млн рублей. В этом проекте предусматривалось право торговли российских купцов в большом регионе Азии; в Бухарском и Хивинском ханствах, Кашгаре, Ташкенте, Бадахшане, Индии и других местах, кроме Ирана и Китая. В компании предусматривалось наличие трех директоров, конторы которых должны были размещаться в разных местах; две в России и одна в Бухаре.

Как отмечал П.С. Усов, эта компания должна была обладать правом монопольной торговли на Востоке (в том числе монопольным правом сбыта железа и меди) [Усов П.С., 1884, с. 150]. Купцы предлагали направить в Бухару российского консула, а с ханством заключить торговый договор.

По всей видимости, проект создания Российско-Азиатской торговой компании был направлен князем Волконским в Санкт-Петербург. Н.А. Халфин отмечает, что, «судя по отсутствию предусмотренного в те годы «высочайше» утвержденного устава этого сообщества, оно вероятно, не получило официального признания» [Халфин Н.А., 1974, с. 98]. Однако это не так. К проектам П.Е. Величко приложен документ, в котором значилось: «Его Величество в полной мере изволил ободрить (одобрить. — В.Ш.) такие намерения» [ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 394а, л. 35]. Более того, император Александр I своим Указом от 27 апреля 1808 года утвердил «Предложения оренбургского военного губернатора генерала от кавалерии князя Волконского «Об улучшении оренбургской торговли с Верхнею Азиею, рассматриваемый Министерством Коммерции и Высочайше одобренные» [Там же, л. 47]. Причем, на документе в конце текста есть такая запись: «Уведомить господ губернаторов тех губерний, где купечество занимается оренбургскою торговлею, с препровождением к ним по несколько экземпляров предположений» [Там же, 52 об.].

Эти «предположения» были отпечатаны в уфимской типографии Оренбургского губернского правления и отправлены в адрес губернаторов многих российских губерний. А с ведома министра коммерции Н.П. Румянцева вскоре должен был отправиться в Бухару первый вооруженный караван возникшей Российско-Азиатской компании. Вместе с караваном в качестве посланника к бухарскому Хайдар-хану должен был выехать и директор оренбургской таможни П.Е. Величко. Эту кандидатуру утвердил Александр I, о чем Н.П. Румянцев сообщил губернатору Г.С. Волконскому в письме от 19 марта 1808 года [Усов П.С., 1884, с. 148].

Однако караван, к подготовке которого П.Е. Величко приложил очень много усилий, так и не вышел из Оренбурга. Главная причина была в том, что организаторы и торговцы, по словам П.С. Усова, «не могли набрать товаров на миллион рублей, известный процент с которого в состоянии был бы покрыть расходы по этой экспедиции, военно-политической и коммерческой» [Там же, с. 154].

Вместе с тем, следует заметить, что, несмотря на неудачную попытку организации экспедиции, идеи и предложения директора оренбургской таможни не утратили своей актуальности и значения. В «Предложениях ... об улучшении оренбургской торговли с верхней Азией» П.Е. Величко изложил «Правила о должности караванного начальника» и «Правила о прикрытии караванов военным отрядом» [АВПРИ, ф. Сношения России с Бухарой, оп. 1091, д. 1, л. 1–6; ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 394а, л. 14–47]. По предложению автора, вооруженный

караван должен был ежегодно собираться в Оренбурге, а все купцы, желающие принять в нем участие, были обязаны за четыре месяца до выхода каравана известить оренбургскую таможенную о стоимости товаров, предназначенных для вывоза.

Для сопровождения каравана предусматривалось выделять конвой из 300 вооруженных казаков с двумя полевыми пушками, причем начальник конвоя призван был строго следить за дисциплиной своих подчиненных и не мог вмешиваться ни в торговые дела, ни в порядок движения каравана. Особенно обращалось внимание на недопустимость пьянства во время пребывания в Бухаре, за которое в Бухарии было положено строгое наказание.

Руководителем самого торгового каравана, по замыслу П.Е. Величко, должен был быть караванный начальник [Там же, л. 14]. Эта должность предусматривалась как выборная. В подготовленном проекте четко обозначены обязанности и права караванного головы, который призван был следить за строгим соблюдением общих правил торговли всеми купцами. Так, купцы не имели права без договоренности менять цены на однородные товары, а также завышать закупочные цены на восточные товары. Караванный начальник должен был не допускать самовольных отлучек купцов и следить за тем, чтобы торговцы ни под каким предлогом не брали с собой из России золотых и серебряных монет, а также не ввозили запрещенных вещей. Сам же караванный начальник в соответствии с «Правилами» должен был вести себя «в глазах азиатцев с крайним благоразумием и пристойностью, в чем и товарищи его должны ему последовать: дабы азиатцам не подать причин к заключению о худой их нравственности» [Там же].

К сожалению, замыслам П.Е. Величко не суждено было сбыться. По-прежнему на протяжении всех предыдущих десятилетий собственность и сама жизнь российского купца оказывалась незащищенной. Благие намерения остались на бумаге.

Тем не менее стремление российских купцов к упрочению своих позиций на рынках Средней Азии не только не ослабло, а напротив, возросло. Да и желание царского правительства быть в курсе событий, происходивших у южных границ страны, с каждым годом возрастало. Неудавшаяся попытка снаряжения торгового каравана с военным сопровождением в 1808 году вызвала необходимость подготовки новых миссий, которые и были осуществлены в 1809 и 1811 годах поручиком башкирского войска Абдулнасыром Субханкуловым.

3.2. Миссии поручика Абдулнасыра Субханкулова в Бухару и Хиву в 1810 и 1818 годах

Среди документальных материалов Государственного архива Оренбургской области (ГАОО) есть документы, представляющие значительный интерес для исследователей стран Среднего Востока. Речь идет о документах, связанных с секретными миссиями ханского письмоводителя, поручика башкирского войска Абдулнасыра Субханкулова в Бухару [ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 291] и Хиву [ГАОО, ф. 6, оп. 3, д. 7034; АВПРИ, ф. Главный архив II-3, л. 1–69].

К сожалению, мы очень мало знаем о поручике А. Субханкулове. Но за сухими строчками его рапортов просматривается яркая личность. Полиглот, эрудит, разведчик, аналитик — таким предстает перед нами Субханкулов.

Поездка поручика в Бухару была задумана оренбургской губернской администрацией и согласована с царским правительством. А. Субханкулов по прибытии в столицу ханства должен был передать грамоту российского императора бухарскому эмиру Хайдар-хану. Кроме этого поручик вез с собой письма из министерства иностранных дел и министерства коммерции. Однако это было лишь внешнее, официальное прикрытие иных целей. Письмоводителю предписывалось выполнить следующие задания:

1. Передать грамоту и письма и убедить бухарскую сторону в отсутствии иных причин поездки [ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 291, л. 101].

2. Говорить, что «Российское правительство быть всегда располагает с дружбою к Бухарии, имеет одну только цель, чтобы торговля между обеими державами процветала, чтобы киргизцы больше не дерзали подвергать грабёжам купеческие караваны» [Там же].

3. Выяснить, из каких стран и какое количество купцов приезжает для торговли в Бухару, «долго ли продолжается торговля и в какое время» [Там же, л. 101 об.].

4. Узнать об образе жизни и занятии бухарских евреев.

5. Разведать, не желает ли бухарское правительство «завести судоходство по рекам Аму- и Сыр-Дарье, и вообще о торговле» [Там же].

6. Выяснить, где находится фальшивомонетчик Валит Хамитов.

7. Узнать, кто «из киргиских родоначальников надежнее, благомыслящее и способнее к препровождению караванов», а также в пути записывать все урочища, станции и переправы [Там же].

8. Разведать «о всех народах, какие есть до Бухарии и в том числе по каракалпакам» [Там же].

9. Узнать, в каких отношениях между собой находятся Хива и Бухара, не ведут ли они войну друг с другом или с соседними странами.

Задания, данные Субханкулову, подтверждают повышенный интерес российского правительства к Средней Азии, его желание быть в достаточной мере информированным о событиях, происходивших в этом регионе.

Выехав из Орской крепости, А. Субханкулов вместе со своими спутниками (в основном купцами) прибыл в 1810 г. В Бухару. По пути поручик тщательно фиксировал особенности местности, стоянки, урочища, описывая рельеф. По прибытии в Бухару он после выполнения ряда поручений отправил рапорт в Оренбург.

После вручения грамот и писем А. Субханкулов сумел выяснить интересные факты о жизни местного народа и об отношениях Хивы и Бухары. Автор отмечает обострение отношений между ними: «Между хивинцами и бухарцами существует сильная вражда, но торговля продолжается» [Там же, л. 136]. Любопытные факты автор приводит о бухарском хане [Там же, л. 137].

Узнав о российском подданном, фальшивомонетчике Валите Хамитове, Субханкулов докладывает, что фальшивые ассигнации «делает он без позволения бухарского начальства» и что отдает их потом российским и бухарским купцам, отправляющимся в Россию, но чаще всего казанским купцам [Там же, л. 140 об.]. Любопытно, что поручик встречался с Хамитовым, причем разговор с ним состоялся в присутствии ханского министра Хаким-бия.

Преступная деятельность Валита Хамитова очень беспокоила российские власти. Еще 2 сентября 1802 года министр коммерции граф Н.П. Румянцев доложил императору Александру I о том, что через Троицкую крепость нелегально выехал в Среднюю Азию тептярь из деревни Иштеряповой Уфимской области В. Хамитов. А вскоре купцы, побывавшие в Бухаре, претили его там, где он наладил производство фальшивых денег, изготавливая их по 8 тысяч фальшивых ассигнаций в неделю. На просьбу выдать преступника эмир Хайдар ответил тогда отказом. Российское правительство, проявляя настойчивость в этом вопросе, приняло решение снарядить специальную экспедицию в Бухару во главе с поручиком Я.П. Гавердовским.

12 августа 1802 года Александр I отдал Высочайшее повеление «создать комиссию для подготовки миссии Гавердовского в Бухарское ханство» [АВПРИ, ф. Главный архив I-7, оп. 6, 1802–1812, л. 3–4]. Министр коммерции граф Н.П. Румянцев подготовил специальное письмо бухарскому визирю с просьбой выдать Хамитова «для сохранения всеобщей тишины» [Там же, л. 45–46]. Однако, как мы уже отмечали выше, экспедиция Я.П. Гавердовского не

увенчалась успехом: в 780 верстах от российской границы его караван был почти полностью разграблен казаками-чиклинцами [Там же, л. 389–394].

Не удалось выполнить поручение и поручику А. Субханкулову. Бухарские власти не выдали преступника. Появление фальшивых ассигнаций в России, изготовленных в Бухарском ханстве, еще долгие годы беспокоило царское правительство. Валит Хамитов был не единственным фальшивомонетчиком в Бухаре. А. Субханкулов называет также татарина Хасимутдина, отправившегося в 1809 году в Мекку, крестьянина Муртазу, жившего в Урданчике, Муллу Ахмета, часового мастера Муллу Хамзу и др. [ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 291, л. 140 об.]. Эти и многие другие, бывшие российские и иностранные подданные, не только сбывали фальшивые ассигнации купцам, но и сами выезжали в пределы империи (чаще всего по подложным паспортам). Так, например, Субханкулов сообщает о бухарском купце Шалуртжане, который взяв с собой несколько фальшивых ассигнаций, намеревался проехать в Москву, а также о жителях Ургенча, отправившихся с фальшивыми деньгами в Астрахань [Там же, л. 142].

Говоря о составе иностранного купечества, поручик пишет: «В Бухарию приходят караваны из городов: Кукана (Коканда. — В.Ш.), Кашемира, Индостана, Мешета (Мешхеда. — В.Ш.), в декабре, январе, феврале производят самый большой торг, даже по 15 апреля, после того караваны разъезжаются по удобным местам» [Там же, л. 146].

Ценные сведения приводит А. Субханкулов о занятиях местных жителей. По его словам, евреи разводят «шелковичных червей, ткут шелковые платки и другие материи», но земледелием не занимаются. Индийцы, афганцы и армяне ведут торговлю, земледелием не занимаются. Туркмены отправляют военную службу, возделывают землю, «а прочие (занимаются) хлебопашеством и другими жизненными потребностями» [Там же].

Особое место в своем рапорте Субханкулов отводит межгосударственным отношениям в регионе. Он сообщает о нападении в 1807 году кокандского Алим-Хана на пограничный с Бухарским ханством г. Ура-Тюбе. 5 января 1810 года кокандский хан вторично напал на город. 15 января бухарское войско взяло в плен 150 кокандских воинов, которых доставили в столицу. 20 и 24 января бухарский хан направил 18-тысячное войско против Коканда, однако последнее, «дошед до города Бухарского Джизака, на куканцев нападение учинить не осмелилось, и осталось в сем городе» [Там же, л. 147 об.]. В апреле того же года кокандский хан овладел Ташкентом.

Поручик информирует власти о проникновении англичан в Среднюю Азию. Он сообщает о том, что «начальник города Кабула именем Шежла Ул-

мулюк (Шуджа уль-Мульк. — В.Ш.) по притеснению кабульских сограждан ушел оттуда и познакомился с англичанами» [Там же].

А. Субханкулов, видимо, имел в виду переговоры афганского шаха с главой английского посольства М. Эльфинстоном, которое было к нему направлено английскими колониальными властями [Там же]. В начале весны 1810 года англичане, предоставив уль-Мульку войско, прибывшее через Кашмир в Кабул, помогли ему вновь утвердиться «в том городе начальником» [Там же, л. 147 об.].

Пользуясь межгосударственными противоречиями в регионе, англичане активизировали здесь свою деятельность. А. Субханкулов докладывал: «Слух носится, что англичане, покупая дорогою ценою разные вещи в городах Кандагар и Пушаур, продают оные в народ с значительным для себя убытком. Такими коварными оборотами привлекли к себе народ, который отдал оба города Кандагар и Пушаур англичанам на аренду» [Там же, л. 148].

Поддержка англичанами шаха Шуджи уль-Мулька имела далеко идущие цели. По договору 1809 года афганский шах, надеявшийся на поддержку Англии в своей борьбе за престол, должен был выступить на ее стороне в случае, если Франция и Иран предпримут поход против Индии [Там же]. С другой стороны, англичане опасались усиления российского влияния в Афганистане. По мнению А. Конолли, хорошие отношения Афганистана с Российской империей могли создать серьезную опасность британскому владычеству в Индии.

В это же время кокандский хан, овладевший Ташкентом, вновь напал на город Ура-Тюбе, «сразился с бухарским войском и победил его» [Там же, л. 152]. В ответ на это бухарский Хайдар-хан 19 июня 1810 года во главе войска в 3 тысячи человек выступил к Ура-Тюбе, имея на вооружении 15 мелкокалиберных пушек и 10 пушек «посредственной» величины. Однако его замыслам не суждено было сбыться. Войско, испытывавшее острую нужду в провианте, жалованье и лошадях, начало роптать: хан вынужден был отступить.

А. Субханкулов сообщает о стихийном бедствии, постигшем Бухарское ханство. В период с 1 апреля по 18 мая «свирепствовал в бухарской области жестокий ветер, от которого многие селения, дома и сады занесло песком» [Там же, л. 151 об.]. От зимней стужи вымерз хлеб, опустели рынки, замерла торговля, в селениях резко возросли случаи воровства, грабежей и убийств. Началось волнение в народе. Поручик пишет, что «гибель угрожала разрушением Бухарии». Пытаясь прекратить волнение, хан приказал «разломать амбары с хлебом и пустить оный в продажу». Голод и волнение побудили всех иностранцев вернуться к себе на родину. Да и треть бухарцев, по словам Субханкулова, «удали-

лись в Кукан, Самарканд, Шарзьябвь, в Хиву и в прочие Азиатские города» [Там же].

Интересные сведения сообщает поручик о кочевых народах Средней Азии. В своем рапорте он приводит список 74 родоначальников Чиклинского рода, кочующих вдоль большой караванной дороги (тех, кто разграбил караван Я.П. Гавердовского) [Там же]. Автор пишет о частых нападениях казахов и каракалпаков на купеческие караваны. Так, караван в 200 верблюдов, вернувшийся в Оренбург 17 июля 1810 года из Бухары, по пути подвергся нападению со стороны каракалпаков во главе с Аккучкаром [Там же, л. 155 об.]. «Но был отражен, схвачен, вразумлен и раскаялся в преступлении. И обещал не отваживаться впредь на подобные дерзости» [Там же, л. 156 об.].

Субханкулов сообщает, что 4 каракалпакских рода, находящихся в зависимости от Бухары, просят принять их под покровительство России и «изъявляют готовность на препровождение караванов» [Там же, л. 157]. Поручик пишет о другом крупном караване в 800 верблюдов, который сопровождали состоящие на российской службе киргиз-кайсаки во главе с майором Султан Шергазы Каиповым [Там же, л. 160].

Автор ничего не пишет о торговых связях России с казахским народом. А полковник Струков, посланный в 1810 году в Оренбуржье в связи с появлением фальшивых ассигнаций в Бухаре, в своих записках отмечал, что в казахские степи вывозились наряду с русскими и иностранные текстильные изделия как азиатского происхождения, так и западноевропейские.

В качестве приложения к рапорту среди документов имеется «Маршрут тракту из Оренбурга до Бухарии, сделанный поручиком Субханкуловым с подробными по пути замечаниями». Этот документ имеет особую ценность. Выполненный рукой опытного разведчика, маршрут очень подробно написан, содержит зарисовки автора.

Сполна выполнив данное ему поручение, несколькими годами позже А. Субханкулов вновь направляется с секретной миссией в Среднюю Азию, в Хиву в 1818 году. Выехав из Иртецкого форпоста 10 июня, поручик прибыл в Хиву 15 августа 1818 года, преодолев путь длиной в 1932 версты. Во время поездки он вел подробный дневник, отмечая особенности местности (описывая рельеф, реки, озера, колодцы, почвы, животный и растительный мир), сообщая о населенных пунктах, кладбищах и т.д.

Официальным поводом для снаряжения экспедиции послужило стремление правительственных органов России достичь договоренностей с хивинским ханом о взаимной охране торговли. Участвовавшие случаи грабежей российских

купеческих караванов хивинцами, а также народами, находящимися в зависимости от этого ханства, очень беспокоили оренбургские губернские власти. Оренбургский военный губернатор П.К. Эссен в письме к К.В. Нессельроде от 6 июня 1817 года писал, что подобного рода грабежи могут «навлечь весьма важные последствия на торговые наши сношения с Азией» [АВПРИ, ф. Главный архив П-3, 1817-3, л. 2]. Целью поездки А. Субханкулова было по возможности добиться от хивинского правительства возмещения убытка российским купцам, а также разведывательные задачи.

В Хиве в отличие от Бухары А. Субханкулов был встречен крайне недружелюбно. По сути дела с ним даже не беседовали, а допрашивали в присутствии палача. Во время этих «переговоров» поручику дали понять, что хивинские власти противятся появлению в своем ханстве христиан. На просьбу к Мухаммеду Рахим-хану дать письменный ответ на послание оренбургского военного губернатора А. Субханкулов получил категорический отказ [Там же, л. 52]. На просьбу же о возмещении убытков пострадавшим купцам поручик, по его словам, получил дерзкий ответ [Там же].

Подобного рода реакция ханского правительства вызвала недовольство прежде всего у оренбургских губернских властей. В качестве выхода из создавшегося положения П.К. Эссен предлагал несколько вариантов: строительство укреплений к югу от Оренбурга, снаряжение военной экспедиции для устрашения Хивы, настойчивость в заключении соглашения с хивинским ханом о покровительстве торговли и др. После поездки А. Субханкулова П.К. Эссен планировал еще несколько миссий в Хиву. Уже в 1819 году губернатор собирался направить в ханство своего адъютанта Гормана. Однако Петербург не дал своего согласия на эту экспедицию [Там же, л. 53]. Была санкционирована миссия коллежского советника Мендияра Бекчюрина. Но и его миссия не увенчалась успехом. Самого посланника в Хиве держали на скотном дворе [Там же, л. 117].

Вскоре последовали другие экспедиции: капитана Н.Н. Муравьева и майора М.И. Пономарева (июль 1819 — январь 1820 гг.) и др. [Халфин Н.А., 1974, с. 104].

В докладной о своей поездке А. Субханкулов рассказывает о Хиве, занятиях хивинцев, а также о событиях, происходивших в это время в регионе. Сообщая о занятиях хивинцев, автор пишет о том, что они сеют пшеницу, просо, кунжутное семя, чечевицу, хлопок, бахчевые, получают хорошие урожаи.

Хивинцы вели активную торговлю с соседними странами. Даже в периоды межгосударственных конфликтов торговля не прекращалась. Поручик отме-

чает, что «из Бухарии в город Хиву товары провозят по Аму-Дарье, а из Хивы до Бухарии сей же рекой противу воды бечевой» [ГАОО, ф. 6, оп. 3, д. 7034, л. 39]. И даже с Россией, к которой хивинское правительство относилось открыто враждебно, местные купцы вели, по словам А. Вамбери, «самую большую торговлю» [Вамбери А., 1867, с. 300]. Караваны в 100–2000 верблюдов идут весной в Оренбург, осенью в Астрахань, несут хлопок, шелк, кожи, ногайские и татарские халаты, шагреновую кожу и плоды на ярмарку в Нижний (называемый ими Мэкэрия) и берут оттуда котлы или другую посуду из чугуна, ситец (тех сортов, которые употребляются у нас для мебели) для передних полотниц в женских рубашках, миткаль, сукно, сахар, железо, дешевые ружья и некоторые галантерейные товары», — пишет Вамбери [Там же, с. 300–301]. Документы Оренбургского архива подтверждают, что практически ежегодно в Оренбуржье прибывали хивинские купцы.

Некоторые из них приезжали в Россию с фальшивыми ассигнациями. Субханкулов докладывал по этому поводу: «... прошлого 1809 г. в декабре месяце хивинские жители приезжали в г. Бухарию, выменяли множество фальшивых ассигнаций с тем, чтобы променять или продать оные в России» [ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 291, 134 об.].

Непростые отношения складывались порой у хивинцев и с соседними кочующими народами. Поручик сообщал в своем отчете о случае, происшедшем в начале весны 1809 года. Группа хивинцев отправилась для торговли к казакам Чиклинского рода. По возвращении из степи торговцы подверглись нападению со стороны каракалпаков под предводительством Тюри Мурат Суфия. Несколько купцов были убиты. «По получении о сем сведения, хивинский хан Мухамед-Рахим послал против каракалпаков войско, разбил их, до 300 человек с семействами взял в плен, приказал каракалпам с устья Яны-Дарьи переселиться или в Хиву, или в киргиз-кайсацкую орду. Но каракалпаки ханское предложение отвергли и остались на прежних местах» [Там же].

Одной из острейших проблем, волновавших правительство России, было положение пленных в Хивинском ханстве. По словам А. Субханкулова, «в Хивинском владении ныне находится, как поговаривают, только российских пленных до 1000 человек, персиан до 3000; чиновники, окружающие тамошнего хана, большею частью из персиан, российские же подданные употребляются в разные работы» [ГАОО, ф. 6, оп. 3, д. 7034, л. 37]. Эта проблема волновала российские власти на протяжении всего рассматриваемого нами периода. Позже А. Вамбери оценивал количество невольников следующим образом: число выходцев из России, находившихся в неволе, превышало 8 тысяч человек, а

персидских невольников — около 40 тысяч человек [Вамбери А., 1867, с.306]. Среди невольников было немало купцов, приказчиков, работников, захваченных хивинцами или кочевниками при нападениях на караваны. «Развитие феодальных отношений в Средней Азии не уничтожило института рабства. Рабство здесь юридически продолжало существовать до последней четверти XIX века, а фактически и позже», — пишет узбекский исследователь А.Х. Хамраев [Хамраев А.Х., 1966, с. 31].

За время пребывания А. Субханкулова в Хиве ему стало известно об ограблении богатого каравана купца Ниязбая. Ниязбай, по-видимому, был из самых состоятельных торговцев в Средней Азии. О случившемся было доложено местным российским властям. Майор Султан Ширгазы Каипов по этому поводу направил письмо кази Бектемиру, а посланник бухарского диван-беги Мурза Газиможан Мухинжанов подал донесение на имя оренбургского военного губернатора П.К. Эссена [ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 291, л. 158 об.]. М.Г. Мухинжанов сообщал: «... разграбленный товар был навьючен слишком на 1000 верблюдах; в числе коем было разного высокой цены товара, именно самолутчие сукна, шелковые материи, ситцы, гвоздики, цепочное золото, иглы, высокой цены канцелярное семя» [Там же, л. 35].

В завершение своего рапорта Субханкулов пишет о том, что хивинский хан весной 1817 года с 12 тысячами войска ходил весной в Иран «для завоевания части земли, но возвратился без всякого успеха, потеряв до 500 человек» [Там же, л. 38 об.]. Спустя несколько месяцев в Хиву пришло известие о том, что «в персидском владении собирается немалое число войска, но неизвестно, куда отправляется, хивинский хан оттого большую имеет опасность» [ГАОО, ф. 6, оп. 3, д. 7034, л. 38 об.].

1 сентября 1818 года поручик вместе со своими спутниками выехал из Хивы. В Оренбуржье (Илецкая защита) он прибыл 13 октября, преодолев 329 верст.

Рассмотренные нами документы свидетельствуют о том, что российское правительство и оренбургские губернские власти проявляли серьезную озабоченность состоянием торгово-экономических отношений с Хивинским ханством в первые десятилетия XIX века. Открытая враждебность Хивы, постоянные грабежи российских, бухарских, индийских и других караванов хивинскими подданными вынуждали российское правительство к поиску эффективных контрмер. Попытки наладить дружественные отношения с ханством — ради чего и направлялись миссии — не увенчались успехом. Считая Хиву «Российским в великой Татарии Гибралтаром» [Небольсин П.И., 1855, с. 1], царские власти

видели в ней не только выгодного торгового партнера, но и важный стратегический пункт своей восточной политики.

Не будет преувеличением сказать, что Петербург видел в Хиве и опасного соперника в борьбе за влияние на казахов. Когда дипломатические меры не принесли желаемого результата, в ход была пущена военная сила, тем более что российское правительство стало опасаться возможности вовлечения Хивы в арену британского влияния.

Вместе с тем, безусловно, миссии поручика А. Субханкулова в Бухару и Хиву способствовали расширению представлений российских властей о событиях в сопредельных странах Среднего Востока, решению конкретных вопросов, связанных и с развитием торговых связей России со своими южными соседями.

3.3. Миссия поручика П.И. Демезона в Бухару в 1833–1834 годах

К 30-м годам XIX века возрастает внимание российского правительства к развитию событий в среднеазиатском регионе. Наряду с торгово-экономическими интересами, на одно из первых мест выходят интересы политические и военно-стратегические. Российское правительство, желая быть в курсе событий в странах Среднего Востока, а также с целью расширения российско-восточной торговли, направляет в Бухару и Хиву дипломатические миссии. Особое место среди них занимала полусекретная миссия Петра Ивановича Демезона в Бухару в 1833–1834 годах.

Кандидат восточной словесности, обучавшийся в Казанском и Санкт-Петербургском университетах, П.И. Демезон отличался высокой эрудицией, глубоким знанием культуры, традиций и обычаев Востока. Блестящий переводчик, педагог, он владел арабским, персидским, татарским, турецким языками. 24-летним юношей Демезон приезжает в Оренбург для преподавания арабского и персидского языков в Неплюевском военном училище; а с 4 сентября 1831 года назначен кроме этого переводчиком в Оренбургскую комиссию.

В 1833 году по решению оренбургского военного губернатора В.А. Перовского П.И. Демезон был направлен с важной дипломатической миссией в Бухарское ханство. Результаты этой миссии были изложены посланником в рапорте на имя генерал-лейтенанта Перовского [АВПРИ, ф. Главный архив IV-3, 1833–1835, оп. 120, д. 1] и записках, приложенных к рапорту («Бухария», «Батур-хан», «Военные силы Бухарии», «Торговля Бухарии») [Там же]. В фондах Государственного архива Оренбургской области сохранились также другие ра-

порты на имя В.А. Перовского о состоянии дел в Бухарском ханстве [ГАОО, ф. 6, оп. 7, д. 778, л. 40–41, 62].

Архивные документы, содержащие сведения о миссии Демезона, свидетельствуют о разных сторонах жизни не только Бухарского ханства, но и соседних с ним государств. Судя по секретной инструкции, содержащей 25 пунктов, российское правительство интересовали многие вопросы: это и состояние торговли, военных сил, межгосударственные отношения, действия англичан на Среднем Востоке и многое другое. Следует отметить, что и рапорт, и записки П.И. Демезона составлены с исключительной добросовестностью: это не просто сухие официальные документы, а живое свидетельство вдумчивого, талантливого человека, сумевшего уловить в увиденном и услышанном самое главное, не пропуская при этом и весьма любопытные детали.

Петр Иванович, переодевшись татарским муллой, под именем Мирзы Джафара отправился в путь 10 ноября 1833 года из Орска с последним караваном. При нем было письмо оренбургского военного губернатора В.А. Перовского к ханскому кушбеги, а также подарки.

Лишь накануне нового года, 29 декабря, караван прибыл в столицу ханства. Многочисленные встречи с ханскими сановниками, купцами, личные наблюдения позволили П.И. Демезону проанализировать происходящие в Средней Азии события. Результатом его наблюдений стали аналитические рапорты на имя В.А. Перовского, которые были получены в Оренбурге в апреле 1834 года. Основываясь на данных Демезона, военный губернатор в мае, затем и в июле отправил в Санкт-Петербург подробное письмо о положении дел в Средней Азии [Там же]. А Демезон по возвращении 26 июня 1834 года в Оренбург составил два отчета (в июле и октябре 1834 г.) [АВПРИ, ф. Главный архив IV-3, 1833–1835, оп. 120, д. 1, л. 28–43, 44–98 об.]. Оба эти документа опубликованы в книге «Записки о Бухарском ханстве. Отчеты П.И. Демезона и И.В. Виткевича» [Записки..., 1983, с. 17–83]. Исследователи не раз обращались к этим документам [Чабров Г.Н., 1957; Халфин Н.А., 1974, с. 236–243 и др.]. Н.А. Халфин писал: «Несомненно, публикация и введение в научный оборот подготовленного П.И. Демезоном важного документа о бухарском ханстве явится полезным пополнением источников по истории этого ханства первой трети XIX века» [Халфин Н.А., 1974, с. 240].

Вместе с тем необходимо заметить, что вопросы торговли, которые затрагивает в своих отчетах П.И. Демезон, до сих пор не стали темой самостоятельного исследования, а, значит, эти материалы сохраняют первоначальный интерес.

Одна из записок П.И. Демезона озаглавлена «Продукция Бухарии». В ней автор дает характеристику ведущих отраслей бухарской экономики, в которой особую роль играет шелководство. Шелковичных червей разводили во многих местах, где было достаточно воды. Шелк из окрестностей Бухары и Кермана считался лучшим. Приводятся цены сырца: в Бухаре он стоил 13–14 (1 тилла — 15 руб. 12 коп.), а пряжа — 30–32 тилла за пуд. Несколько дороже стоила окрашенная пряжа [Записки..., 1983, с. 74]. Шелк-сырец, ввозившийся в Бухару из Коканда и Ходжента, вывозился в Кабул, где продавался по 15–16 тилла за пуд, так как кокандский и ходжентский шелк считался более качественным.

П.И. Демезон отмечает, что в ханстве производились самые разнообразные ткани из шелка. «Из чистой шелковой материи (дераи) делают платки, шарфы, пояса, тюрбаны» [Там же]. Из дераи в Бухарском ханстве шили платья.

Рассказывая о выращивании хлопка, автор называет сроки его вегетации: засевали его обычно с 15 по 25 апреля, а собирали с 15 августа по 10 ноября. Хлопчатобумажные ткани, изготовленные в ханстве, продавались по цене от 4 до 20 таньга за 20 аршин (1 таньга — 72 коп. — В.Ш.). Однако, судя всему, высококачественных хлопчатобумажных тканей в Бухаре производилось мало. И состоятельные узбеки предпочитали приобретать русскую катаяку (вид ткани — В.Ш.), поскольку она была более прочной, красивой и практичной.

Кроме этого, в Бухарском ханстве производилось большое количество черных каракулевых шкурок, которые составляли «богатую отрасль торговли» [Там же, с. 75]. Каракулевые шкурки вывозились в Иран, Герат, Хиву, Китай и в земли туркмен. Часть шкурок (худшего качества) экспортировалась в Россию. Из других важных предметов торговли П.И. Демезон выделяет лисьи шкуры (в Бухарское ханство их ввозили из Кабула и Герата. — В.Ш.), лошадей местной породы (карабаир), рис.

Интересен перечень сельскохозяйственных культур, выращиваемых в стране. Это пшеница, джугара, кунжут, овес, ячмень, чечевица, горох, фасоль и «вообще все овощи, какие можно встретить в теплых странах Европы ...». Любопытны цены на эти культуры. Так, зимой 1834 года пшеница в Бухаре продавалась по 12–14 таньга за батман (1 батман — 8 пудов), кунжут — по 32–40, чечевица — по 18–19, ячмень — по 10, джугара — по 11, горох — по 20, овес — по 10,5 таньга. Автор отмечает также, что в ханстве выращиваются табак, виноград, абрикосы, миндаль, вишня, персики, груша, слива, яблоки, орех, тутовники, айва, гранат, зизифус [Там же, с. 77].

Другая записка посвящена торговле Бухарского ханства. По перечню товаров, доставлявшихся в Бухару из разных стран, можно судить о том, что сто-

лица ханства действительно являлась одним из важнейших торговых центров Среднего Востока. Сюда стекались караваны из многих стран: «Этот пестрый хаос — бухарцев, хивинцев, кокандцев, киргизов, кипчаков, туркмен, индийцев, евреев и афганцев — встречается тут на всех главных базарах ...» [Вамбери А., 1867, с. 150].

П.И. Демезон называет государства, с которыми Бухарское ханство связывали прочные торговые связи. Рассматривая данный документ, мы придерживаемся принципа, которым пользовался сам автор: анализируем ассортимент товаров, вывозившихся в Бухару из каждой страны, с которой ханство поддерживало торговые связи. Кроме этого, используя другие источники, мы приводим список товаров, доставлявшихся из Бухары в другие государства, что дает достаточно полную картину товарного ассортимента.

Из Индии через Кабул в Среднюю Азию вывозились многочисленные товары: нашатырь (в Бухаре зимой 1834 г. его продавали по цене 66 тилла), кими-каб (шелковая материя, тканная серебром или золотом по цене от 10 до 5 тилла за 8–9 аршин), дака (английский муслин, из которого делали, в частности, тюрбаны стоимостью от 12 до 25 руб.), хайдар шаха (ткань-калектот: 12 аршин стоили от 9 до 11 таньга), чит (набивные английские ткани из хлопка), нассирхане (набивная хлопчатобумажная ткань индийского производства; кусок в 12 аршин стоил от 6 до 7 таньга), английские шали (набивные и гладкие ценой от 3 до 6 тилла за кусок), чакан (белые платки из хлопка с вышитыми шелком цветами), мурчи (перец по цене 20–21 тилла за 8 пудов), зинджибал (сассапарель по цене 12–16 тилла за 8 пудов), дальчин (корица по цене от 3 до 4 тилла за пуд), чуби сандал (сандаловое дерево), рога носорогов, шекер (сахар-сырец по цене 17–20 тилла за 8 пудов), нават (леденцы по цене 26–30 тилла за 8 пудов), хна, сина (александрийский лист), усма (пастель голубого цвета), зарчуба («желтый корень, употребляемый в пищу», по цене тилла за 8 пудов), хакик (хайдарабадский сердолик). Из приведенного списка видно, что значительное место среди товаров, привозимых из Индии, занимали различные ткани, часть из которых была английского производства (шали, чит, дака) [Записки..., 1983, с. 77–78].

Путь из Индии в Среднюю Азию через Кабул был освоен купцами давно и являлся, по-видимому, весьма оживленным. По мнению Н.М. Гуревича, в Афганистане преобладали индийские товары [Гуревич Н.М., 1959]. По пути из Индии в Бухару купцы вынуждены были платить таможенные и транзитные пошлины [Борнс А., 1894, ч. 3, с. 547].

Особое место среди товаров, привозимых из Пенджаба, занимало индиго (ниль). Оно доставлялось афганскими кочевниками-логами. Во время пребывания П.И. Демезона в Бухаре его цена составляла «2 тилла и 4–5 таньга за пуд» [Записки..., 1983. с. 78]. В связи с большим привозом и невысоким спросом «афганцы не знали, куда им поместить огромное количество индиго» [Там же]. Афганские торговцы были намерены отвезти его в Россию, обменять на товары, «которые они повезут прямо в Кабул и которые сейчас они должны купить у бухарцев» [Там же, с. 78]. Однако их сдерживали следующие причины: сомнение в торговом успехе в России, которой они совсем не знают» и, «с другой стороны, их отговаривают бухарцы, опасавшиеся установления прямых торговых отношений Афганистана с Россией, что повредит их (бухарцев. — В.Ш.) торговле» [Там же]. П.И. Демезон замечает, что в Бухару больше не доставляется индиго из британских владений, так как Ост-Индская компания запретила сухопутный экспорт и, если Пенджаб станет английским владением, то цены на индиго в Бухаре возрастут.

Кроме индиго, из Пенджаба в Бухару доставлялся сахар-сырец, который производился в окрестностях г. Лахора.

Из Кашмира на рынки Среднего Востока доставлялись самые разнообразные шали. П.И. Демезон приводит их перечень: ризаи (одноцветные с широкой каймой), рахдар (полосатые — для платья), бутедар («с пальмами, цветами, букетами»), куссе (однотонные с узкой каймой: из них шьют тюрбаны), шамли (для поясов), алван (одноцветные для пошива платьев и поясов), джурабы (полусапожки), достууш (перчатки), чернильницы (каламдан), легкие элегантные ложки из позолоченного дерева, рукописи и др. [Там же, с. 79].

Незначительное количество товаров доставлялось в Бухару из Пешавара. Автор называет следующие товары: лунги (тюрбаны из хлопка, белого и голубого цвета). Как отмечал А. Вамбери, тюрбаны (чалмы) белого цвета в Средней Азии носили муллы и лица благородного происхождения, а голубого цвета — купцы, ремесленники и слуги [Вамбери А., 1867, с. 149]; в небольшом количестве рис высокого качества («в основном в подарок хану, кашбеги или каким-нибудь высокопоставленным лицам»), нюхательный табак, балагун (табакерки из кокосового ореха), весы, сделанные из верблюжьей кожи (терауи чарми), сахар-сырец и в небольшом количестве готовый сахар, изготовленный в Джелалабаде и Сукмане.

Далее П.И. Демезон приводит совсем короткий список товаров, доставляемых на рынки Средней Азии из Кабула: усма, зарчуба, афганские ружья, саб-

ли, кинжалы, луки и в небольшом количестве рис и лисьи шкуры [Записки..., 1983, с. 80].

Малое количество товаров, привозимых из Афганистана, объясняется, по видимому, высокими пошлинами и сборами. А. Вамбери замечал, что «при грабительской таможенной системе афганцев, здешней торговле и промышленности не предстоит блестящей будущности: пошлины, взимаемые при продаже с покупателя и продавца, почти невероятны; к тому же для сбора не положено никакой таксы» [Вамбери А., 1867, с. 237].

Из Китая в Среднюю Азию через Кашгар и Коканд ввозилось большое количество кирпичного (туктачай) и зеленого (аккуйрюк) чая, серебряные деньги в небольших слитках, фарфор, «черный корень, приятный на вкус, хотя и немного горький» [Записки..., 1983, с. 81].

Участник российского посольства в Бухару 1821 г. Е.К. Мейндорф высказывал мысль о том, что торговля с Восточным Туркестаном и Кашгаром занимала второе место (после торговли с Россией) во внешнеторговом обороте Бухарского ханства [Мейндорф Е.К., 1975, с. 128]. П.И. Демезон о торгово-экономических отношениях Средней Азии с Китаем пишет очень мало. Он отмечает, что «торговля Бухарии с китайским Туркестаном, почти полностью разоренная в результате происшедших в Кашгаре волнений, в течение последних лет начала оправляться. Но до прежних размеров ей еще далеко».

Непросто складывались торговые связи Бухарского ханства со своими соседями — Кокандским и Хивинским ханствами. П.И. Демезон в своем рапорте докладывал: «Бухара имеет разногласия со своими соседями: Кокандом, Шахрисябзом, Кундузом и Хивой — и оказалась в течение многих лет втянутой во всяческие распри с ними, несмотря на постоянные старания кушбеги всеми силами ликвидировать разрыв» [Записки..., 1983, с. 18–19].

Тем не менее, торговля между ханствами не прекращалась. В том же рапорте П.И. Демезон, описывая бухарские караван-сарай, сообщает о наличии в них торговцев из Коканда (Сарайи Эмир), Хивы (Сарайи Ургенч) [Там же, с. 59–60].

Из Коканда в Бухару ввозили следующие товары: небеленый шелк, коноплю (ее затем переправляли в Афганистан), рис (из окрестностей Коканда и Ходжента) [Там же, с. 81].

Из Шахрисябза доставлялись карабахские жеребцы, рис («более высокого качества, чем бухарский»), гранаты [Там же]. Из Хивы экспортировалось большое количество конских, бычьих и верблюжьих шкур, полушелковые полоса-

тые ткани, яблоки, уголь. А в конце марта — апреле туркмены привозили жеребцов-аргамаков.

По поводу торговли с Бадахшаном П.И. Демезон замечает, что она «совершенно разорилась с тех пор, как несколько лет назад эта местность была опустошена Мухаммед Мурад-беком (афганский хан. — В.Ш.). А торговля с киргизами остается по-прежнему весьма значительной, и, как отмечает автор, особенно выгодна бухарцам» [Там же]. В Бухарское ханство киргизы ввозили скот (овец, лошадей, верблюдов) в обмен на товары местного производства.

В записке есть населенный пункт или область, упоминаемая П.И. Демезоном как Кермез. В.Г. Воловникову и Н.А. Халфину не удалось идентифицировать этот пункт. Можно предположить, что речь идет об одном из районов Ирана, название которого автор искажил. Товары, которые вывозились из Кермеза в Бухару: ковры, перец, сассапарель, корица, гвоздика (микхак), шафран, опиум, жевательная резинка, лисьи шкуры, шали из Кермана, платки красного и черного шелка, тюрбаны для письма (изготовленные в Тегеране), бирюза (из окрестностей Нишапура) и некоторые изделия из английских тканей [Там же].

Являясь одним из крупнейших торговых центров Среднего Востока, Бухара была не только важным транзитным городом, но и значительным экспортером самой разнообразной продукции. Так, из Бухары в Кабул вывозили следующие товары: кокандский шелк, шелковые и полшелковые платья, китайский фарфор, кокандскую коноплю, туркменские коджари, попоны лошадей. Значительным был вывоз российских товаров: золотые и серебряные нити, нанка, олово, медь, железо, сукно, воск, шелковые ткани, сундуки, русский фарфор, бумага, маленькие зеркала, иглы, подносы, выделанная кожа и некоторые мелкие товары из стекла [Там же, с. 80]. Кроме этого, как отмечает Демезон, в Кабул вывозилось «большое количество золотых чеканных монет: тилла бухарские и голландские дукаты; чеканные деньги или в слитках» [Там же, с. 80].

В Герат из Бухары доставлялись в основном российские товары: железо, медь, выделанная кожа, нанка, зеркала. Здесь происходил товарообмен между купцами. Из Герата же вывозили следующие товары (кроме тех, которые мы уже упоминали): ковры различного качества по цене от 6 до 40 тилла, лисьи шкуры, ягнята («некоторые из них продают в Россию»), фисташка, бузгунч (используют для красок. — В.Ш.), сухой чернослив, опиум [Там же].

Из Бухары в Иран через Мешхед доставлялось большое количество каракулевых шкур, чеканное золото, кашмирские шали («которые торговцы предпочитают доставлять из Кабула в Бухару, а оттуда переправлять в Персию»). П.И. Демезон замечает, что «дорога из Кабула в Мешхед через Герат кажется им (торговцам. — В.Ш.) очень трудной и ненадежной, особенно в последние годы» [Там же]. Сложные межгосударственные отношения сказывались на бухарско-иранских торговых отношениях. Следует заметить, что, несмотря на большие трудности, торговля между странами не прекращалась.

Из-за сложных отношений Бухарского ханства с Шахрисябзским бекством торговля между ними в эти годы значительно упала. Летом 1833 года бухарский хан предпринял экспедицию против Шахрисябза. Однако этот поход закончился полным провалом. Бухарское войско потеряло около тысячи человек и вынуждено было отступить в связи с угрозами кокандского ханства [Там же]. В Шахрисябз ввозилось только индиго, «какая-то продукция из Индии и небольшое количество русских товаров» [Там же].

В Хиву из Бухары доставляли большое количество индиго, зеленый чай, туктачай, табак, сухофрукты, шелковые пояса, шелковые и хлопчатобумажные ткани, сахар-сырец, английский муслин, хлопчатобумажные платки, вышитые шелком, рис, джугару, большое количество пшеницы (в начале 1834 года в Хиве она стоила 3,5 тилла за батман, а в Бухаре в это время ее цена составляла 1 тилла) [Там же].

П.И. Демезон приводит не только ассортимент экспорта и импорта в Бухарском ханстве, но и анализирует причины изменения динамики торговли в странах Среднего Востока в первой половине XIX века. Автор отмечает, что «благодаря своему географическому положению, Бухария должна быть, казалось бы, кладовой всех азиатских и европейских товаров, поступающих в Туркестан» [Там же, с. 82]. Однако на протяжении нескольких лет эта торговля в значительной мере ослаблена. Например, индийские, логанийские и афганские торговцы, доставлявшие в Бухару товары из Индии, Пенджаба и Афганистана, вывозили из ханства небольшое количество товаров. А вырученные деньги обменивали на бухарские тилла и голландские дукаты, которые затем перепродавали в Кабуле и Индии».

В значительном количестве иностранные подданные вывозили из Бухары золото, серебро в слитках и русские целковые: «В этом году (1834. — В.Ш.) они вывезли их на значительную сумму» [Там же]. Кроме индийских, логанийских и афганских купцов вывозом бухарского золота и серебра занимались также мервские, мешхедские и некоторые бухарские торговцы. Кто-то осме-

лился посоветовать нынешнему хану запретить вывоз золота из его государства [Там же]. Однако хан заметил, что «его отец Мир Хайдар не запрещал экспорт золота, и что все соседние народы считали Бухарское ханство богатой страной» [Там же].

П.И. Демезон пишет о том, что волнения, происшедшие в Кашгаре, а также поход принца Аббаса-Мирзы в Хорасан «поставили в последние годы новые препятствия торговле Бухарии с Персией и китайским Туркестаном и нанесли бухарским торговцам большие потери» [Там же]. Характеризуя российско-бухарскую торговлю, автор замечает, что бухарские и другие восточные купцы, торгующие с Россией, в течение многих лет не меняют ассортимента экспорта, вывозя «одни и те же товары, не думая ни об улучшении, ни о создании других отраслей торговли, и в результате успешного развития русской промышленности цены на их товары быстро снижаются» [Там же, с. 82–83].

П.И. Демезон в своем рапорте докладывает также о событиях, происшедших в Индии и Пенджабе. Часть информации он получил от доктора Хонигбергера, который 4 года состоял на службе у короля (магараджи. — В.Ш.) Пенджаба Ранджит Сингха в качестве врача. В начале июля 1834 года Хонигбергер прибыл в Россию с последним караваном. В Орске он поведал Демезону о «всех своих путешествиях и посвятил ... во многие детали, связанные с Афганистаном, Пенджабом и четырьмя европейцами — Аллардом, Вентурой, Куртом и Авитабелем, занимающими очень высокие посты при дворе очень доверяющего им Ранджит Синга» [Там же, с. 24].

В своем рапорте автор подчеркивает большое влияние англичан на пенджабского правителя и положение дел в этом государстве: «...королевские сановники заключили договор с Ост-Индской компанией, согласно которому они обязываются признать после смерти Ранджит Сингха господство англичан» [Там же].

Демезон сообщает и о других англичанах, побывавших в государствах Среднего Востока за последние годы с различными целями. Так, миссионер Джозеф Вольф, побывав в Иране, в 1831 году прибыл в Бухару, а затем через города Кабул и Лахор отправился в путешествие по Кашмиру. «Его поездки по Азии имеют не только религиозные цели, но и политические», — заключает Петр Иванович [Там же].

Вслед за Дж. Вольфом в Бухару прибыли Александр Берне и доктор Жерар. Пробыв в столице полтора месяца, они отправились в Мешхед. «Цель поездки — добиться для Ост-Индской компании разрешения бухарского правительства открыть в Бухаре торговый дом» [Там же].

И, наконец, Демезон пишет о Муркрофте и его двух спутниках, приехавших из Индии в Бухару в 1825 году и отравленных на обратном пути. Часть их бумаг оказалась в руках правителей г. Мазара. «Англичанам пока не удалось заполучить бумаги своих погибших в Бухаре посланцев. Попытки, предпринятые доктором Хонигбергером во время его поездки в Балх, также были безуспешны» [Там же, с. 25]. Эти бумаги представляли значительный интерес и для российских властей.

В «Записке о предметах, долженствующих обратить на себя внимание господина Демезона при проезде его в Бухарию», в п. 25 значилось: «В 1825 году был в Бухарии англичанин Муркрофт, прибывший туда из Индии и убитый на обратном пути в Хульме. Пожитки его и товарищей сделались добычей местного начальника и продавались публично. Бумаги его, не имеющие никакой цены для тамошних жителей, могут сохраниться, и вероятно даже, можно достать оные за современные подарки и обещание будущих наград. Правительство, вероятно, не откажется пожертвовать несколькими тысячами рублей, если представлены все записки сего путешественника» [АВПРИ, ф. Главный архив IV-3, 1833–1835. оп. 120, д. 1].

В первые десятилетия XIX века правительство Англии проявляет повышенный интерес к ханствам Средней Азии. Как отмечает О.И. Жигалина, Англия «стремится помешать продвижению русского царизма в среднеазиатские ханства, используя как предлог опасность возможного покорения Индии Россией» [Жигалина О.И., 1990, с. 14].

Итак, миссия П.И. Демезона в Бухару явилась очередным шагом российского правительства по укреплению своих позиций в Средней Азии, развитию взаимовыгодных торгово-экономических отношений с ханствами, а также вносила значительный вклад в расширение представлений российских властей о народах и государствах Востока. П.И. Демезон дал, на наш взгляд, объективную картину не только внутривосточного и экономического положения в этих государствах, но и вскрыл причины затруднений в развитии торговли между Россией и этими землями, высказал убедительное предположение о перспективах экономических связей между соседними государствами, уделил особое внимание в своих отчетах состоянию торговых отношений в регионе.

3.4. Миссия прапорщика И.В. Виткевича в Среднюю Азию в 1836 годах

Важным источником знаний о Бухарском ханстве и сопредельных с ним владениях стала «Записка, составленная по рассказам Оренбургского линейного батальона № 10 прапорщика Виткевича относительно пути его в Бухару и обратно». Данная «записка» была составлена В.И. Далем со слов самого прапорщика. Некоторые отечественные исследователи полагают, что в Бухару И.В. Виткевич отправился по собственной инициативе, и его миссия никем из официальных лиц не была инспирирована [Записки..., 1983, с. 13]. Полагаем, что это не совсем верно. Во-первых, сам И.В. Виткевич в начале своего отчета четко обозначил цели своей миссии: «Цель и предмет отправления моего в Степь состояла собственно в том, чтобы вникнуть в положение и отношение дел, отдаленных от Линии родов киргизских, действовать внушениями на умы и дух ордынцев, доставить возможно верные подробные сведения по делам этим, проведать о влиянии бухарцев, хивинцев и англичан и, наконец, стараться о вырубке захваченного в прошлом году в плен казака Степанова с женою» [Там же, с. 84]. Думается, вряд ли человек, состоящий на военной службе, мог по собственной инициативе самовольно отправиться в соседнее государство, с которым у России отсутствовали дипломатические отношения, чтобы заниматься чисто разведывательными целями. Такая миссия могла быть согласована только с высокопоставленными государственными чиновниками. Тем более что в перечне задач, обозначенных прапорщиком, содержатся наиболее значимые для российских властей вопросы (подобного рода задания давались и другим российским эмиссарам, направляемым в ханства Средней Азии). Во-вторых, вряд ли бы В.А. Перовский отправил отчет Виткевича (если бы он самовольно отправился в Бухару) К.К. Родофиникину, который прочитал его «с величайшим вниманием и любопытством» и даже ознакомил с текстом начальника канцелярии военного министерства В.Ф. Адлерберга [Там же, с.12]. Сам директор Азиатского департамента, признавая важность сведений, полученных в материалах Виткевича, заметил оренбургскому военному губернатору, что не рискнул представить отчет прапорщика императору только по одной причине: записка была слишком большой по объему [АВПРИ, ф. Главный архив I-6, 1836 г., оп. 5, д. 2, л. 39]. Не следует забывать и то, что Виткевич через год после своей экспедиции был направлен с аналогичной миссией в Кабул для переговоров с афганским Дост-Мухаммедом. К этому времени он уже был адъютантом оренбургского губернатора В.А. Перовского. Опять же сомнительно, чтобы

прапорщик, отправившийся в Бухару самовольно, сделал за очень короткий срок столь стремительную карьеру. Все это косвенно подтверждает, что миссия Виткевича в ханство была спланирована оренбургскими губернскими властями и согласована с Петербургом. Отчет прапорщика интересует нас с точки зрения его анализа и приведенной информации о торгово-экономических отношениях в государствах Средней Азии.

Виткевич отмечает, что хивинцы совершают самый настоящий произвол в отношении казахов рода чумекейцы, которые являются подданными России. Если ранее закят с казахов брали только в том случае, если они близко подходили к границам ханства, то теперь (в 30-е гг. XIX в.) это стало нормой: «...будучи с нашей стороны освобождены от всякой подати и в то же время подвергаясь, по беззащитности своей, всем произвольным притеснениям и поборам хивинцев, поневоле повинуются им более чем нам и считают себя более или менее подведомственными хивинскому хану» [Там же, с. 86–87]. Хивинцы увеличили закят с казахов: кроме так называемой сороковины (1 баран с 40 голов отары. — В.Ш.), они стали собирать кура-баши (1 баран «с каждого загона, с овчарни, со стада»). По подсчету прапорщика, в течение года, таким образом, хивинцы собирали до 28 тыс. баранов, что в денежном выражении превышало 300 тыс. руб. [Там же, с. 87]. С некоторой наивностью Виткевич полагает, что с созданием российского укрепления на реке Сыр-Дарья «кайсаки наши были бы в безопасности, и между Сыром и Уралом водворилось бы совершенное спокойствие и повиновение» [Там же, с. 88]. Совсем иные взаимоотношения у хивинцев были с туркменами, которые, по словам прапорщика, «закята не платят никакого, исправляют только казачью службу и привозят иногда подарки, коли приезжают в Хиву» [Там же, с. 90–91]. По отношению к России отношение Хивы скорее враждебное, нежели лояльное. Хан, по-видимому, как, впрочем, и другие правители в Средней Азии, не обладал достаточно объективной информацией как о положении дел в Российской империи, так и о межгосударственных отношениях в Азии. Виткевич замечает по этому поводу: «Сами владельцы Средней Азии, по невежеству своему и глупости, не имеют никакого понятия о силе и могуществе России, презирают в душе все немусульманское и коснеют в черством и однообразном невежестве своем, не заботясь о будущем, не занимаясь прошедшим» [Там же, с. 92]. Простим автору отчета его категоричность, но к такому выводу его, в частности, побудила та ирония, с которой в Бухаре восприняли его рассказ о победе русского оружия в войнах с Ираном и Турцией.

Говоря о порядке взимания пошлин в Бухарском ханстве, Виткевич заметил, что в Кагатаме караваны, как правило, делят на части: «на бухарцев городских (видимо, сартов. — В.Ш.), деревенских и татар». На тюках сартов ставилась печать таможи, и грузы сразу отправлялись в столицу ханства, где купцы и оплачивали пошлину. У вторых торговцев товары досматривались, а пошлину они вносили здесь же, в Кагатаме. А вот в отношении татар, как говорит И.В. Виткевич, «как случится, но обыкновенно обирают их также на месте». В Кагатаме находился дом, принадлежащий кушбеги. Сюда он нередко навещался сам. Как мы уже отмечали выше, кушбеги зачастую лично осматривал товары, доставляемые российскими купцами, и отбирал лучшие из них в счет таможенных пошлин (при этом цена товарам устанавливалась самим кушбеги произвольно). Иноверцы оплачивали пошлину в двойном размере по сравнению с мусульманскими торговцами. К примеру, армяне и индийцы, как и русские, платили пошлину «по 5 со ста».

Описывая бухарские базары, И.В. Виткевич отмечает, что в столице было три главных торжища: «*Тим*, где продаются ткани, ковры и шелковые изделия; *чар-су*, где продается всякая мелочь, шитое платье, утварь, сбруя; *саррафан*, где есть и продажа, но большей частью сидят менялы, индийцы» [Там же, с. 99]. Торговля осуществлялась также вблизи караван-сараев, где находились розничные торговцы. Сам прапорщик остановился в караван-сараях Раджиб-Бик-Диван-Беги, где, как правило, жили андижанцы, хивинцы и другие жители Средней Азии. В силу традиции каждый бухарский караван-сарай принимал торговцев из конкретных городов или стран. Прапорщик, по-видимому, обратил особое внимание на постояльцев бухарских караван-сараев, что позволило ему судить о составе купечества, принимавшего участие в торговле ханства. В караван-сараях Ногай жили в основном российские татары: «два сарая Ходжа, оба одних хозяев, а именно родственников ханских, из коих один живет ныне в Оренбурге» [Там же, с. 100]. В одном из этих караван-сараев жили только индийцы. Караван-сарай Пахта был местом складирования тюков с хлопком, который привозили из разных уголков ханства. В сарае Аяз останавливались российские татары, афганцы, гератцы, менялы-бухарцы. Прапорщик пишет о том, что во время его пребывания в Бухаре в караван-сараях Аяз жил астраханский купец, армянин Мартын Егорович Берхударов. В сарае афганского торговца Бедрутдина жили в основном его соотечественники. Афганцы и жители Мерва жили также в караван-сараях Мирза-чуль, а иранские купцы — в Кушбеги. Три постоянных двора в Бухаре назывались ургенческими, и жили в них только хивинцы. Ташкентцы и кокандцы облюбовали караван-сарай Филь-Хана. Хан-

ский караван-сарай Эмир специализировался на торговле каракулевыми мерлушками. Следующие постоянные дворы были заселены: Абдулла-Джан — кашмирцами и афганцами; Карши — индийцами и бухарцами, торгующими тулупами; Бера и Дамулля-Шир — кокандцами и ташкентцами; Исмаил-ходжа — туркменами; Паяс-Таны — кундузцами (здесь продавали невольников). Виткевич замечает, что «почти каждый купец бухарский держит комнату в сарае; ему негде более складировать и держать товары свои, негде торговать, при этом взаимные сношения жителей и приезжих, все дела производятся только на базаре, да в сараях» [Там же, с. 102].

В своем отчете И.В. Виткевич особое внимание уделил вопросам работорговли в Бухаре. Автор пишет: «Невольники эти: газаря, каферы, чатрар, бадахшанцы, а иногда и русские, гератцы, персиане» [Там же, с. 101]. Работоторговля была выгодной для туркмен и хивинцев, казахов и других жителей региона. Все попытки России дипломатическим путем урегулировать вопрос о захвате в плен и продажу на среднеазиатских рынках российских подданных оказывались безуспешными. Более того, когда Виткевич завел разговор с бухарским кушбеги по поводу положения российских пленников-рабов, тот ответил ему, «что пленных они не выдадут, тем более что русские сами держат мужиков своих в рабстве, что правоверные выдавать рабов кафырам, неверным, не могут» [Там же, с. 107]. Прапорщик замечает: «Эмир Мухаммед Мурад-бек, нынешний владетель кундузский, непрестанно делает набеги на окружные народы, берет пленных, и купцы их привозят в Бухару. Платят за них 20–50 тилла или бухарских червонцев...» [Там же, с. 102]. Виткевич рассказывает о тех россиянах, которые уже давно находятся в Бухаре. С некоторыми из них ему удалось встретиться, побеседовать. Среди них — тифлисский житель, грузин Мукуртум, 97 лет, который прожил в столице ханства 40 лет, Григорий — бывший житель Кизляра, Михальский, который с татаринцом Исмаилом «произвели чеботарным промыслом своим в Бухаре переворот», а также отлили для хана пушку и другие. Как отмечает сам прапорщик, «русских пленников знал я в Бухаре до 25 человек. Большая часть их принадлежит хану, человек до 20. По ханству русских немного: может быть, наберется еще до 50, и то старики, прежнего привоза. Ныне с Линии не увозят, а увозимые с моря все продаются хивинцами» [Там же, с. 115]. Прапорщик приводит фамилии и имена своих соотечественников, которых он встретил в Бухаре, а также отмечает род их занятий. Некоторые из соотечественников сумели достичь высокого положения в ханстве. Так, И.В. Виткевич рассказывает о бывшем рядовом Сибирского казачьего

войска, который с женой сбежал в Бухару и с течением времени стал управлять артиллерией бухарского хана [Там же, с. 116].

В своем отчете Виткевич обращает внимание на межгосударственные отношения в Средней Азии, а также на то, как обострение двусторонних отношений между странами отражается на развитии торговли. В частности, он пишет: «Хивинцы с осени уже рассорились и подрались с ташкентцами за сбор податей с кайсаков. Ходжа-Нияз посылал в Китинский род за закятom, и посланный воротился с известием, что и ташкентцы приехали к китинцам за податью, и что толпы их пустились на разбой и на грабежи» [Там же, с. 120]. Поскольку ташкентцы практически всю зиму занимались грабежом в степи, от которого страдали не только казахи, но и торговые караваны, «бараны были в Бухаре в большой цене». Виткевич отмечает и постоянную угрозу торговцам со стороны хивинцев. По его мнению, устранить эту угрозу можно только путем укрепления военных позиций России в среднеазиатском регионе. В качестве российского форпоста прапорщик предлагает построить крепость на берегу Сыр-Дарьи, где можно было бы содержать военный отряд. Это подразделение обеспечивало бы безопасность торговым караванам, а также собирало бы закят с казахов, не давая их в обиду ни хивинцам, ни ташкентцам: «Здесь для отряда баранов и хлеба будет довольно. Этим одним Хива сделается совершенно ничтожною; а, присоединив к себе кайсаков и другие племена, в удобном случае не трудно занять и разорить и Хиву». Виткевич даже строит проекты по поводу военной экспедиции российского войска против Хивы. В своем отчете он дает пояснения по поводу того, каким путем сподручнее продвигаться. Почувствовав себя стратегом, прапорщик порой впадает в составление сомнительных проектов: он предлагает соединить Сыр-Дарью и Яны-Дарью каналами и «идти в Хиву водою». Любопытны и описания происков бухарцев против прапорщика, которые, по его мнению, хотели его отравить. Но он разгадал «козни эти» и избежал гибели.

Отчет Виткевича больше напоминает приключенческий роман. Отчасти, такое впечатление, наверное, складывается потому, что составлял его со слов прапорщика В.И. Даль, который подверг отчет некоторой литературной обработке. Да и некоторую романтичность, и авантюризм отчету придает молодость российского посланника, которому в это время было всего 27 лет. Тем не менее, его отчет представлял, безусловно, интерес для оренбургских властей, которые получили самые последние сведения о положении дел в Средней Азии. Наблюдательность прапорщика, его природная смекалка не остались незамеченными. Он получил продвижение по службе и, более того, возглавил российскую мис-

сию в Кабул в 1837 г. Важные для России и Афганистана переговоры были прерваны под давлением англичан. В 1839 г. И.В. Виткевич возвращается в Петербург, где 8 мая 1839 г. его обнаружили мертвым в гостинице «Париж». Самым странным в этой трагедии оказалось исчезновение всех документов прапорщика. По другой версии Виткевич покончил жизнь самоубийством, и сам сжег все документы.

Таким образом, на протяжении рассматриваемого периода российские власти не только проявляли повышенный интерес к положению дел в сопредельных странах Востока, но и стремились к накоплению проверенных материалов о реальных событиях в них. Отрывочные, часто недостоверные данные, которыми располагали правительственные круги Российской империи (не говоря уже о знаниях простых россиян), порой приводили к ошибочным решениям и нереальным планам. В этом отношении характерны проекты правительства Павла I (1800–1801 гг.) о снаряжении военной экспедиции донских казаков в казавшуюся легко достигаемой Индию. Первые разрозненные сведения о положении дел в государствах Востока российские власти получали от торговцев, которые на свой страх и риск отправлялись в дальние путешествия. Определенную информацию давали те российские подданные, которые оказывались в восточных странах не по своей воле (бывшие пленники, рабы и т.д.). Но все эти сведения носили фрагментарный и разрозненный характер, из которых невозможно было получить объективную картину. Скорее складывалась причудливая мозаика из отрывочных данных, порой собственных домыслов, а иногда и явных ошибок. Ситуация стала меняться в начале XIX в., когда по инициативе российского правительства или губернских властей в страны Востока стали направляться специальные миссии с официальными и разведывательными целями. Это, в первую очередь, касалось ханств Средней Азии и Афганистана. В Иране, Турции и Китае была несколько иная ситуация: нахождение в этих государствах постоянных консульств позволяло получать достоверную информацию от опытных российских дипломатов. Рассмотренные проекты П.Е. Величко по развитию торговли с государствами Востока, а также отчеты российских эмиссаров в ханства Средней Азии А. Субханкулова, П.И. Демезона и И.В. Виткевича свидетельствуют об особом внимании российских властей к вопросам развития российско-восточной торговли. Ценная информация, содержавшаяся в отчетах посланников и разведчиков, давала возможность Петербургу и губернским властям пограничья определять основные ориентиры своей восточной внешнеполитической доктрины, а также находить механизмы расширения и упрочения российско-восточной торговли.

ГЛАВА 4. РОССИЙСКО-ИНДИЙСКИЕ ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ НА РЫНКАХ СРЕДНЕГО ВОСТОКА В КОНЦЕ XVIII — НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

На протяжении всего рассматриваемого периода в отчетах, донесениях, рапортах, дневниках путешественников и официальных российских посланников в государства Востока особо подчеркивается мысль о необходимости развития торговли Российской империи с Индией. Идея проложить прямые торговые пути с Оренбургской линии до самой Индии оказалась очень живучей: она в равной мере актуально звучит и в указах императрицы Анны Иоанновны 40-х гг. XVIII в., и в работах А.Е. Снесарева, который уже в Советской России в работах, посвященных Афганистану, писал, что «сам по себе Афганистан ни в экономическом смысле, ни в финансовом, ни в каком-либо другом значения не имеет; но, являясь постоянным преддверием к Индии, значение которого он не утерял и поныне и никогда не утерять, он является существенным политическим фактором и значительной политической величиной» [Снесарев А.Е., 2002, с. 202].

Торговые связи России с Индией до основания Оренбурга осуществлялись в Астрахани, на рынках Средней Азии и в Иране. Основание в Астрахани индийской колонии имело огромное значение для развития прямых контактов индийских и российских торговцев, которые получали большие выгоды от торговли без посредников. Н. Рыбушкин в «Записках об Астрахани» писал о том, что «в 1619 г. торговые люди из армян, персиян и индийцев проложили себе дорогу в Астрахань через Моздок и степи около Терека» [Рыбушкин Н., 1841, с. 57]. Уже в 1625 г. в Астрахани индийцы основали свой караван-сарай, где складировались товары, привезенные из Индии, и откуда они расходились вглубь Российского государства. При этом сами индийские купцы выезжали для торга в Казань, Ярославль, Тверь и другие города [Siddiq S.M., 1938, p. 1]. Голландец де Бруин в своем «Путешествии в Московию» писал о том, что в окрестностях Астрахани проживает около 40 семей армян, а «индийцы живут там в своем караван-сараяе, где и совершают свои торговые дела. Число их не меньше армян, но жен или женщин у них нет» [К. де Бруин, 1989, с. 168]. В начале XVIII в. они построили каменный магазин, строение которого, по словам де Бруина, «довольно обширно и поместительно, в сорок квадратных футов» [Там же]. Торговые сделки индийские купцы совершали в своем караван-

сарая. Со временем индийские торговцы были ограничены торговлей только на территории Астрахани. Но и эти ограничения не помешали дальнейшему развитию российско-индийской торговли. Как замечал Н.М. Гольдберг, даже те индийские купцы, которые приезжали из Ирана, старались вести свои дела в Астрахани, где было более безопасно заниматься торговлей, и где они были избавлены от произвола иранских властей [Гольдберг Н.М., 1948, с. 141]. По данным, которые приводит А.И. Юхт, в 1734–1745 гг. годовой объем торговли индийских купцов в Астрахани достигал почти 130 тыс. руб. [Юхт А.И., 1994, с. 49–51].

С основанием г. Оренбурга открылись новые перспективы для развития торговых связей между Россией и Индией. Основатель города И.К. Кириллов, человек дальновидный и практичный, по прибытии в г. Уфу основал здесь Компанию русско-индийскую. Этому решению в определенной мере способствовала и встреча Кириллова с индийским гостем Марвари Барайя, находившимся в это время в Уфе. В 1750 г. в Петербург был вызван Неплюев, где среди прочих обсуждаемых в правительстве вопросов был и вопрос о развитии торговли России с Индией. Сам Неплюев по этому поводу писал: «В 1750 г. дозволено мне было, наконец, у двора на время явиться, дабы трактовать со мною по представлениям моим о начатии торга в Индию; почему я в Петербург и приехал» [Неплюев И.И., 1998, с. 429]. Россия с выгодой для себя начинает использовать сложившиеся на протяжении веков прочные торгово-экономические отношения ханств Средней Азии с Индией. По согласованию с Коллегией иностранных дел Неплюев вместе с основателем Сеитовой слободы Сеитом Хаялиным решили создать торговую компанию с капиталом до 20 тыс. руб., чтобы распространить российскую торговлю до самой Индии. Поскольку этот проект имел очень важное государственное значение, его решением Сената утвердили в 1751 г. Но еще годом раньше, не дожидаясь решения Петербурга, купец Абдулла Хаялин отправил в Индию два купеческих каравана с товаром на общую сумму в 8 тыс. руб. Торговая операция прошла удачно, если бы не одно обстоятельство: возвращаясь уже из Индии и находясь на территории Бухарского ханства, приказчики двух российских караванов решили изменить маршрут следования и направились в Мекку для совершения хаджа. Назад они уже не вернулись. Торговые караваны тем не менее снаряжались в Индию и в последующие годы: в 1751 г. — каргалинского купца Исмаила Бикумахаметулы и в 1753 г. — каргалинских же торговцев Надыра Саферова и Якуба Ягоферова [Терентьев М.А., 1876, с. 25; Матвиевский П.Е., 1963, № 1.]. Таким об-

разом, уже в первые годы с начала оренбургского торго с государствами Востока российские торговцы, еще не знающие путей, на свой страх и риск отправлялись в далекую Индию. Эти первопроходцы везли традиционные российские товары, которые с успехом сбывались в далекой стране.

Проекты Кириллова и Татищева по развитию российско-индийской торговли, хотя и не были реализованы, тем не менее само открытие нового направления восточной торговли России на Среднюю Азию создавало предпосылки для продвижения отечественного купеческого капитала вглубь Азии. Здесь, на рынках среднеазиатских ханств и Ирана, устанавливаются прямые торговые контакты между российскими и индийскими торговцами. Между государствами Средней Азии и Индией существовали не только торговые связи, но и поддерживались достаточно тесные межгосударственные отношения. Так, по сообщению Мухаммеда Юсуф Мунши, от бухарского хана Имам-Кули к Джехангиру был направлен посол «с дорогими подарками и подношениями», а падишах, «с почетом приняв ханского посла, оказал ему полное внимание и ласку» [Мухаммед Юсуф Мунши, 1956, с. 88.]. Вскоре в Бухару прибыл посол от правителя Индии с дорогими подарками. Как пишет автор, «видевшие (эти подарки) говорили, что, по их суждению и оценке, их стоимость равнялась одногодишному хараджу со (всех) областей Индии» [Там же, с. 89]. Взаимными посольствами Бухара и Дели обменивались и в последующие десятилетия при уже других правителях.

В конце 40-х — первой половине 50-х гг. XVIII в. на Оренбургскую линию в большом количестве поступали индийские рупии, а также слитки золота и серебра. Их, по свидетельству Левшина, буквально мешками доставляли казахи, а также бухарские и хивинские купцы: «Случайное и удивительное явление сие было кратковременным следствием смерти шаха Надира, после которой разграбленные сокровища его разошлись по всей почти Азии...» [Левшин А.И., 1832, с. 390]. За сравнительно короткий промежуток времени через оренбургские таможни прошло значительное количество золотой и серебряной монеты, а также слитков из драгметаллов: «В течение сих пяти или шести лет на одну Оренбургскую линию, по таможенным ведомостям, привезено до 50 пудов золота и до 4 600 пудов серебра. Сколько сверх того тайно ввезено монет, зашитых в пояса и платья?» [Там же]. Таким образом, часть индийского золота и серебра Надир-шаха осела в России. Но пройдут годы, и индийские ростовщики и купцы начнут в большом количестве вывозить назад в Индию российские и иностранные золотые и серебряные монеты, накопленные ими в

результате торговых и ростовщических операций в Бухаре, Ташкенте, Коканде и других городах Средней Азии.

Развивавшаяся быстрыми темпами российская хлопчатобумажная промышленность в конце XVIII в. требовала большого количества сырья, значительная часть которого (прежде всего красители и хлопок) ввозилась из Индии. Устойчивым спросом на отечественном рынке пользовались и традиционные товары индийского экспорта, среди которых были украшения, кашмирские шаали, разнообразные ткани, чай и т.д.

Следует заметить, что индийские торговцы были немногочисленными гостями в Оренбурге. На то были свои причины, главные среди которых — грабежи, разбои и убийства в пути, большие издержки в дороге, протекционистская политика российского правительства в отношении своих купцов и запретительная политика британских колониальных властей, не поощрявших торговлю индийских купцов в России.

Вместе с тем, можно предположить, что индийские торговцы не прекращали торговли в Оренбурге как во второй половине XVIII в., так и в первые десятилетия XIX в. Причем даже в периоды крайней нестабильности в России купцы из Индии вели торг в Оренбуржье. Так, во время пугачевского восстания в Красногорской крепости были ограблены 4 купеческих каравана, следовавших из Бухары в Оренбург, а купцы были убиты пугачевцами. Судя по именам убитых и ассортименту разграбленного товара, эти купцы были индийцами [ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 154. л. 18]. Бухарский посланник И. Махмутов подал жалобу на персидском языке цесаревичу Павлу. Этот интересный документ содержит в себе «Реестры разным товарам в караванах, которые бунтовщик Пугачев в Красногорской крепости разграбил» [Там же, л. 21–24]. Данные реестров мы свели в таблицу 2.

Пугачевцами было убито 139 купцов и их работников, а сумма разграбленного товара составила 193801 руб. 45 коп. — величина по тем временам солидная. Для сравнения назовем цены на муку в Оренбуржье. В это время (сер. 70-х гг. XVIII в.) мука ржаная стоила здесь от 13 до 43 коп. за пуд, мука пшеничная — от 20 до 60 коп. за пуд. [ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 104. л. 190 об.].

**Список товаров индийских купцов, подвергшихся ограблению
пугачевцами в Красногорской крепости в 1775 г.**

№	Наименование товара	1-й караван Баба Надыра		2-й караван Ашура Джана		3-й караван Незера Али		4-й караван Вали Чекана	
		кол-во	сумма в руб.	кол-во	сумма в руб.	кол-во	сумма в руб.	кол-во	сумма в руб.
1.	Пряденая бумага	159 пуд.	4306	145 пуд.	3861	8 верб.	3240	43 верб.	16834
2.	Шитые халаты	10 верб.	7320	1083 шт.	3498	2 верб.	1470	5 верб.	3660
3.	Индийский товар	-	-	-	1500	-	-	4 верб.	3000
4.	Индийская выбойка	8 верб.	3220	50 шт.	250	3 верб.	1210	5600 шт.	250
5.	Бязь	6050 шт.	6050	7620	7610	5 верб.	1750	15 верб.	5600
	Всего товара		45391		53050		9995		63495

Источник: ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 154, л. 21–24.

Индийские товары, привозимые в Оренбург, продавались, как правило, оптом, на местной ярмарке, а также вывозились российскими купцами в разные уголки страны. Сюда, в Оренбург, приезжали купцы и приказчики из близких и дальних губерний России, поступали заявки на приобретение товара. В оренбургском архиве есть любопытный документ «О покупке для Высочайшего двора шалей», датированный 17 марта 1809 г. По поручению императора Александра I граф Н.А. Толстой обратился к оренбургскому губернатору князю Г.С. Волконскому с просьбой о покупке шалей для императорской семьи (письмо от 23 февраля 1809 г.) [ГАОО. ф. 6, д. 2642]. В Санкт-Петербург было отправлено 15 шалей, купленных у бухарского купца Банкшиева [Там же, л. 5]. Судя по «Реестру кашмирским широким шалям» [Там же, л. 7], в Оренбург доставлялись шали самых разных расцветок и размеров.

В России этот товар ценили высоко, и он пользовался постоянным спросом. Шали можно было увидеть на ярмарках самых разных городов. Цены на них зависели от качества товара — от 400 до 1000 рублей и выше.

С поручением же императора вышел конфуз. Волконский пишет, что, видимо, шали императору не понравились, так как он выбрал всего 6 штук, хотя князь и «выбирал из оных самая лутчия, а притом и недорогою заплатил за них цену (400 руб. — В.Ш.)» [Там же, л. 7]. Чтобы исправить положение, князь купил шали в очередной привоз: «В последнее время вывезено в караванах гораздо более сих шалей. И теперь я выбрал 6 шалей разных цветов гораздо лучше прежних, и каждой цена полагается свыше тысячи рублей» [Там же]. Но и на этот раз князь не угодил. В письме от 20 февраля 1810 г. Толстой пишет о том, что получил от князя 6 шалей и 10 азиатских барашков. Император взял 2 шали и «... заметил, однако ж при выборе оных, что продаваемые здесь (в Санкт-Петербурге. — В.Ш.), хотя дороже, но лутче» [Там же].

Торговые пути из Индии в Россию шли разными маршрутами: 1) часть индийских товаров доставлялась через западные границы империи (порты); 2) через территории Ирана и Закавказья; 3) большая же часть товаров привозилась через афганские и среднеазиатские владения, причем предметы торга из далекой страны переходили из одних рук в другие. Определенную часть товаров привозили непосредственно индийские и среднеазиатские торговцы.

Среди городов Средней Азии ведущим центром торговли являлась, безусловно, Бухара. Бухарский посланник в своей «Записке ...» на имя Екатерины II в 1775 году отмечал; «В соседстве Бухарского владения ... находится Персицкой, Индийской и Китайской народе, и со всеми оными народами при наблюдении дружества и согласия производится коммерция, и продолжается между купцами из государства в государство взаимные переездка и сообщение» [ГАОО, ф. 3. оп. 1, д. 154, л. 33 об.].

Путь из Индии в Среднюю Азию был освоен и являлся, очевидно, весьма оживленным. Да и позиции индийских торговцев и ростовщиков в афганской державе шахов Дуррани (1747–1819 гг.) были весьма прочными. И.М. Рейснер отмечает: «Если таджики составляли основную прослойку ремесленников и торговцев в городах, то индусам принадлежало первенствующее место в ростовщичестве, финансировании транзитной торговли и средневековых банковских операциях» [Рейснер И.М., 1954, с. 340]. Индийцы, обладавшие значительными капиталами, состояли на службе при дворе шаха, являясь его кредиторами. Среди купцов-индийцев были в Кабуле и такие, которые, по свидетельству митрополита Новопатрасского Хрисанфа, имели капитал до 10 млн руп.: «Вся торговля тамошних краев состоит в руках Индейцев, кои в промыслах своих имеют всевозможную защиту и охранение от Авганских начальников и от самого государя их» [Хрисанф Неопатрасский, 1875. Кн. 2.

Вып. 5, стлб. 872]. Значительные позиции индийских купцов были и в Кашмире, где пошлинные сборы, по оценке митрополита, превышали 3 миллиона. Оценить общие объемы торговых оборотов не представлялось возможным, поскольку «Индийцы тамошние стараются всячески скрывать свои обороты коммерческие» [Там же, стлб. 873]. В самой же Индии «ныне наибольшую силу имеют Англичане» [Там же, стлб. 876].

Во время поездки через афганскую территорию купцы должны были заплатить таможенные пошлины и дорожные сборы («гумрук» и «рахдари»), что составляют от 2,5 до 5% и выше стоимости товара. Однако сборы взыскивались неоднократно по всему пути следования через земли Дуррани. Так, Дж. Форстер писал, что между Джамму и Кашмиром таможи располагались по дороге через каждые 10–12 миль [ForsterG., 1798, p. 301]. Кроме таможенных пошлин с купцов, следовавших через афганские земли, собирали и другие мелкие поборы.

Откупщиками налогов в Афганистане чаще всего были индийские купцы и ростовщики. Это не только обогащало их, но и, по мнению Ю.В. Ганковского, давало возможность забирать «в свои руки многие видные должности в финансовом ведомстве и налоговом аппарате государства как в центре, так и на местах» [Ганковский Ю.В., 1958, с. 106].

Российский посланник П.И. Демезон отметил, что большинство узбекских и таджикских купцов, обремененных долгами и «чрезвычайно стесненные в делах», вынуждены часто обращаться к услугам индийцев, которые в то время были, по словам поручика, единственно богатым слоем в Бухаре. Индийские торговцы, обладая значительными капиталами и скупая оптом товар, порой придерживали его на время, чтобы потом выгоднее продать: «в ущерб бухарцам они копят богатство, переправляемое ими в Индию, где они затем обычно и оседают после нескольких лет спекуляций в Бухаре, и увозят те немногие деньги, которые здесь еще остаются» [Записки..., 1983, с. 83].

Индийцы прибегали к разным ухищрениям и в торговле с Ираном. К примеру, в Астрахани многие индийские торговцы в 70-е гг. XVIII в. отправляли «на многие суммы...на имена российских подданных товары, кои присваивают те товары весьма несправедливо принадлежащими будто им, и по многим спорам и раздорам пошлин не платят...» [АВПРИ, ф. Сношения России с Персией, 1762–1767 гг., оп. 77/6, кн. 10, л. 417].

Ассортимент товаров, привозимых из Индии в Бухару, на протяжении рассматриваемого периода, по-видимому, менялся с учетом потребительского спроса. Приведем список индийских товаров, которые перечисляет бухарский посланник в письме на имя Екатерины II в 1775 г.: «из Индии (привозят) всяких

манеров и разборов коленкоры, полосатые с нашивными травками, кисеи, полосатые и гладкие миткали, золото, серебро, драгоценные вещи, как-то: алмазы разных цветов, яхонты, лалы (рубины — В.Ш.), изумруды, жемчуг, медикаменты, ароматы и пр.» [ГАОО, ф. 3, оп. 1. д. 154, л. 33 об.].

Товмас Ходжамалян в своей «Истории Индии» замечает, что в самой Индии было немало очень богатых купцов, которые имели торговые дома и разменные пункты. Среди них особенно выделялся предприниматель Джксет: «В Индии было много таких купцов-разменщиков денег (сарафов), но никто не мог сравниться с Джксетом богатством и знаменитостью. Говорили, что только деньгами он имел 15 или 25 крор рупий, не считая драгоценных камней. Он всегда имел наготове войска, число которых доходило до 4 000» [Товмас Ходжамалян, 1968, с. 157].

Для службы в оренбургской администрации привлекались лица, которые волею судьбы пожили в странах Востока и, изучив местные языки, вернулись в Россию. Среди них было немало пленников, добившихся свободы, путешественников, да и просто людей необычной судьбы. Особое место среди них занимали лица татарской национальности. Так, к примеру, выходец из деревни Старлибаш Оренбургской губернии татарин Абдулла Амиров в середине 70-х годов XVIII века со всем своим семейством отправился «для снискания себе проживания по протчим местам», вследствие «народного в здешнем крае замешательства (имеется в виду восстание под предводительством Е. Пугачева. — В.Ш.), т. к. многия селения были опустошены и повсюду существовал голод» [ГАОО, ф. 6. оп.10, д. 654, л. 1 об.].

По пути в Среднюю Азию в долине рек Урал и Сакмара семья Амирова попала в плен к кочевникам — киргиз-кайсакам. Поскольку он был мусульманином, в Бухаре его отпустили на свободу. А дальше жизнь сделала резкий поворот. А. Амиров вспоминал: «Не имея никакой собственности, скитался я без единого куска хлеба по разным местам тамошняго владения. Наконец, судьба позволила мне быть в Индии, где я имел с лишним двадцать лет в виде обыкновенного дервиша. Там я обучился разговору трех индийских языков и авганскому» [Там же, д. 209, л. 1 об.].

Но его всегда тянуло на родину. Он перебрался в Бухару и вместе с бухарским купеческим караваном выехал в пределы империи. Достигнув крепости Св. Петра на Оренбургской линии, он линейным трактом в марте 1806 года выехал в Оренбург.

Вернувшись на родину, А. Амиров подал прошение на имя кн. Г.С. Волконского с просьбой определить его на службу. К этой просьбе отнеслись со

вниманием. Комендант Оренбургской таможни позже докладывал князю: «... определил татарина Абдуллу Амирова в число толмачей при комиссии (имеется в виду Оренбургская пограничная комиссия. — В. III.), знающие индейский и персидский разговоры люди необходимы со временем бывают нужными, особливо же для переводов письменных и словесного толмачества по словию персидскому, в знании которого татарин Абдулла признает себя достаточным, да и по испытанию сведущих оной оказывается он действительно умеющим» [Там же, л. 3 об.].

Приступив к исполнению обязанностей переводчика, по поручению властей, А. Амиров вместе с казанским купцом Шахмуратовым, который жил в Индии, занимался описанием «Об индейском владении и народе, в оном обитаемом» [Там же, л. 5 об.].

Практически во всех работах, где упоминаются «Странствования Габдуллы Амирова», авторство этого сочинения приписывается одному человеку. Описание же, как мы отметили, составлено совместно Амировым и Шахмуратовым, воспоминания одного дополняются рассказом и впечатлениями другого. Да и искаженное имя странника с легкой руки Генса перекачывало на страницы журналов того времени и в труды российских ученых.

В вышедшей в 1990 г. «Истории отечественного востоковедения до середины XIX века» содержится ошибка. Приведем цитату: «В первом выпуске «Азиатского вестника» за 1825 год под рубрикой «Путешествия» было напечатано «Странствие Габайдуллы Амирова по Азии», составленное из записок и устных рассказов пленного перса о его путешествии по Бухарии в Восточный Иран, Афганистан и Индию» [История отечественного востоковедения..., 1990, с. 210] С большим трудом можно оценить странствования А. Амирова как путешествие. А национальная принадлежность Амирова в книге вызывает недоумение. В монографии Х.А. Атаева приведена цитата из воспоминаний А. Амирова, заимствованная у А.М. Амирова [Амиров А.М., 1959, с. 227], где татарский странник обезличивается до «некоего Габайдуллы Амирова». [Атаев Х.А., 1991, с. 73]. Очевидно, что вокруг имени этого, безусловно, удивительного человека накопилось немало противоречий и явных ошибок. Устранению их способствовало бы специальное исследование, посвященное А. Амирову, основанное на архивных документах.

К необычной судьбе этого замечательного человека обращались историки как прошлого, так и настоящего времени [Халфин Н.А., 1956, с. 107–110; Соловьев О.Ф., 1958, с. 38–39; Люстерник Е.Я., 1966, с. 9–11; Странствования..., Кн. 1, с. 26–37, кн. 2, с. 102–120, кн. 3, с. 180–189, кн. 4, с. 241–256; Записки

русского географического общества, кн. 10, с. 3–53; Небольсин П.И., с. 18–37 и т.д.]. Обнаруженные нами новые архивные документы проливают свет на отдельные вопросы, оставшиеся без ответа у некоторых исследователей. Так, Е.Я. Люстерник в своей монографии отмечает: «Пока остается неизвестным, был ли Шахмуратов в Индии, какова его доля участия в составлении записей Амирова, в чьи руки попало это произведение Амирова» [Люстерник Е.Я., 1966, с. 11]. Мы проливаем свет на эти вопросы, делая ссылку на документы ГАОО, выпавшие из поля зрения ученых. Во-вторых, ошибка в дате возвращения Амирова в Россию, допущенная Г.Ф. Генсом в своем «Описании...» (около 1805 года), перешла в работы других исследователей. Как пишет сам Амиров, вернулся он в Оренбург в марте 1806 года [ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 738, л. 1].

Амиров и Шахмуратов дают живой, интересный рассказ об увиденном ими в Индии. Особый интерес для нас представляют страницы их повествования, посвященные российско-индийским торговым связям.

Авторы пишут о том, что российские товары встречаются в разных городах Индии. Они видели их в лавках Хайдарабада, Джайпура, Калькутты [Люстерник Е.Я., 1966, с. 26]. Причем «здесь очень любят русские блестящие вещи» [Там же]. Далее они отмечают: «Многие путешественники заметили, что русские товары в величайшем уважении, а именно юфть, которую тамошние жители по одному запаху с удовольствием покупают, козлы и сафьяны, тонкий холст, разные изделия стальные и железные, полированные, разные хрустальные вещи, хорошие часы разных видов и мастеров, тонкие армячины, делаемые в городе Уральске и в Оренбургском уезде, бить, пряденое золото и другие товары» [Там же, с. 34–35]. Данное наблюдение косвенно подтверждает мысль о том, что российско-индийские торговые связи в рассматриваемый период развивались в большей мере через Оренбуржье.

Как и в отчете А. Субханкулова, так и в описании А. Амирова и Шахмуратова, приводятся пути (тракты) из Оренбуржья до Калькутты с подробным описанием и перечислением населенных пунктов, указанием расстояния между ними, времени в пути и т. д.

Лучшим маршрутом они считали путь из Оренбурга через Бухарское ханство вдоль индийско-иранской границы, затем через Западную Индию и на Калькутту. Авторы делают важный вывод о том, что с наступлением мира и безопасности в казахских степях «можно доставлять индийские товары в Россию, а русские в Индию, с большой выгодой, которой одни только англичане пользуются» [Там же, с. 25].

Важные сведения об Индии были почерпнуты во время встречи в Оренбурге председателя Оренбургской пограничной комиссии Г.Ф. Генса с Р. Данибегашвили. Генс, со слов грузинского путешественника и дипломата, составил запись о пятом путешествии Данибегашвили. Описание длительного и протяженного путешествия грузинского дворянина, безусловно, расширяло знания россиян не только об Индии, но и о сопредельных с ней стран (Цейлоном, Бирмой, Афганистаном, Тибетом и т.д.) [Путешествия Рафаила Данибегашвили..., 1969]. Ценные сведения о далекой Индии были изложены основателем отечественной индологии Г.С. Лебедевым, который в 1785–1797 гг. жил в этой стране. В 1797 г. перед отправкой на родину он обратился к российскому послу в Лондоне графу С.Р. Воронцову и своим лондонским знакомым А.А. Самборскому и Я.И. Смирнову с предложением выслать деньги для снаряжения двух кораблей с индийскими товарами. По мнению Лебедева, в случае удачи, можно было наладить постоянный торговый путь российским судам из России в Калькутту, где по очень низким ценам закупать индийские товары. Но в деньгах было отказано, хотя знакомые индийские купцы готовы были продать свой товар Лебедеву по очень выгодным ценам [Антонова К.А., 1965, с. 168–175]. В 1805 г. вышла в свет книга «Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии Брагменов, священных обрядов и их народных обычаев», 7-я глава в которой полностью посвящена вопросам торговых связей Индии с европейскими государствами и, прежде всего, с Англией [Лебедев Г.С., 1805]. Накоплению сведений об Индии и ханствах Средней Азии способствовала и кропотливая работа Ф.П. Аделунга, историка, востоковеда, археолога, наставника и учителя великих князей Николая и Михаила Павловичей. Изучивший материалы Петербургского архива Коллегии иностранных дел, Аделунг систематизировал те разрозненные, но очень ценные сведения, которые касались Индии, а также ханств Средней Азии. Среди материалов, обнаруженных Федором Павловичем, были и записи «О путях в Индию, о Бухарии и Хиве», которые в 1750 г. были составлены татарским купцом Абдуллой Сеитовым (по всей видимости, татарский купец из Сеитовой слободы. — В.Ш.) [История отечественного востоковедения..., 1990, с. 343]. Таким образом, в России в первые десятилетия XIX в. интерес к Индии, ее уникальной культуре, поэзии, драме, стремление к развитию с этой далекой страной тесных торгово-экономических отношений резко возросли. Появилась целая плеяда талантливых отечественных востоковедов, знатоков санскрита, хинди, бенгальского и других языков. В России стали печататься переводы Шудраки, Калидасы, Кришна Мишры и других индийских драматургов. Среди тех, кто стоял у истоков российской индологии, —

Р.Х. Ленц, П.Я. Петров, Б.А. Дорн, О.Н. Бётлингк, К.А. Коссович, а также земляк автора настоящего исследования прекрасный русский поэт, востоковед и переводчик Д. П. Ознобишин. Публикация научных материалов об Индии, переводы на русский язык произведений древнеиндийской литературы, популяризация разносторонних знаний о далекой стране способствовали не только расширению представлений об Индии в российском обществе, но и к развитию взаимовыгодной российско-индийской торговли. В самом начале XIX в. в России все чаще возникают проекты по торговле с Индией. Среди них особо следует выделить записку генерал-поручика В.А. Зубова, предложения Д.Б. Мертваго [Зубов, 1829, т. 6, № 35 и 36; Записки Дмитрия Борисовича Мертваго, 1867, № 8–9]. В них авторы обосновывают идею продвижения России в Азии, а также важность развития торговли с Индией как в Астрахани, так и через Оренбург. Так, граф В.А. Зубов полагал, что самый лучший торговый путь в Индию лежит через Каспийское море на Астрабад, а уже оттуда через Хорасан и Кандагар «до пределов Индостана». Полагая, что торговля с Индией «весьма удобовозможна для России», автор записки был убежден, что «торговлю сию к чрезвычайным пользам России» нужно усилить, а «правительству обратить на оную деятельное внимание» [АВПРИ, ф. Главный архив II-3, оп. 34, д. 7, л. 15]. Были и положительные примеры торговых операций российских купцов в северных районах Индии и, в частности, в Кашмире. Так, в 1809 г. для торговли в Кашмир отправился из Семипалатинска известный в то время купец Семен Мадатов. Товар купца оценивался в 1 млн руб. [ГАОО, ф. 6, оп. 1, д. 199, л. 103]. Для торга в Кашмир выезжал в 1807, 1808 гг. Мехти Рафаилов (Рафо. — В.Ш.), который доставил товар в Петербург. В 1837 г. в журнале Министерства народного просвещения была опубликована статья профессора Казанского университета М. Лунина «Индия. Взгляд на жизнь индостанского народа» [Лунин М., 1837, ч. 15, № 7, с. 1–86]. В этой обстоятельной статье М. Лунин дает не только общие сведения об Индии, но и характеризует ее природные богатства, местное производство, торговлю как внутреннюю, так и внешнюю.

В 20-е гг. XIX в. Петербург обращает пристальное внимание на Каспийский регион. В целях развития торгово-экономических отношений России с государствами Востока по Волго-Каспийскому пути рассматривается вопрос о необходимости присоединения восточного побережья Каспия. 21 апреля 1820 г. главнокомандующий на Кавказе в своем письме на имя вице-канцлера отмечал: «Если к чему-нибудь служить может мое о сем предмете рассуждение, я обязываюсь изложить следующее: торговля с Хивой, Бухарией и далее, как говорит г-н адмирал Мордвинов, с северной частью Индии есть бесспорно главней-

шая цель устройства заведения на восточном берегу Каспийского моря, и для того почитаю необходимым в обеспечение привозимых товаров и хлеба устроить в Красноводском заливе крепостицу с достаточным гарнизоном и артиллерией» [АВПРИ, ф. Главный архив II-18, 1819–1869 гг., оп. 8, д. 1, л. 16–19 об.]. Таким образом, продвижение России на восточное побережье Каспия рассматривалось Петербургом не только как средство укрепления торгово-экономических связей с ханствами Средней Азией и Ираном, а также с живущими на побережье туркменами, но и как важный вектор развития российско-индийской торговли: «Допустив, таким образом, возможность овладеть Хивой и Бухарой, ничто не может воспрепятствовать иметь выгодную и непосредственную торговлю с северной Индией, не разделяя оной с обладателями полуострова, которые мнят, что все богатства должны принадлежать им исключительно...». [Там же, л. 19 об.] Для продвижения российской торговли в северную Индию, по мнению есаула Лалаева, можно было бы воспользоваться услугами туркмен. Во время встречи Лалаева с правителем Гокленского ханства хан заметил, что при желании российские купцы могут в качестве проводжатога обратиться к туркменскому Сатлых-хану: «Хан сей говорил мне, что с Сатлых-ханом можно пройти в Хиву, Бухару и даже проникнуть в Индию» [АКАК, т. VII, 1878, с. 860].

Как отмечает Е.Я. Люстерник, в начале XIX века «английские посредники все более вклинивались в торговый оборот между Россией и Индией» [Люстерник Е.Я., 1966, с. 25]. Россия, экономически заинтересованная в развитии прямых торговых связей с Индией, оказалась перед проблемой: как относиться к ввозу английских колониальных товаров из этой страны. Канцлер Н. П. Румянцев в письме № 994 от 25 июня 1810 г. писал в оренбургскую администрацию «о нестрогом прикладывании запретительных постановлений против английских колониальных товаров, привозиться иногда могущих бухарцами в караванах, но о беспрепятственном пропуске на первый раз оных» [ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 738, л. 1–2]. Директор оренбургской таможни П.Е. Величко отмечал, что «восточная часть Персии и Северной Индии обильно снабжены от англичан сукнами, кошенилью и гвоздикой, которые прежде привозимы были из России через Бухарию» [Там же, л. 2]. Вместе с тем мы не можем согласиться с общим выводом Е.Я. Люстерник о том, что «английские торговцы становились монополистами не только в экспорте и реэкспорте индийских товаров в другие страны, в частности в Россию, но и в торговле русскими товарами в Индии» [Люстерник Е.Я., 1966, с. 45–46]. Данный вывод справедлив лишь к морской торговле, в которой Англия, действительно, контролировала почти весь экспорт из

Индии. Но это совершенно несправедливо в отношении сухопутного экспорта индийских товаров. Многочисленные архивные документы, отчеты и записки путешественников того времени свидетельствуют, что индийские товары в большом количестве вывозились из северных районов Индии в Иран, Среднюю Азию и Сибирь. И не английские купцы занимались этой торговлей, а торговцы из Ирана, ханств Средней Азии, афганцы, кашмирцы и некоторые российские купцы. Даже английские хлопчатобумажные и другие изделия на рынки Средней Азии попадали через индийских, афганских и среднеазиатских торговцев, а не через англичан. Не можем мы принять и другой вывод автора о том, что «Англия по существу монополизировала ввоз товаров в Индию, преградив путь другим импортерам, в том числе и России. Более того, обладая выгодными стратегическими позициями в Индии, английские капиталисты действовали все активнее в борьбе за овладение среднеазиатскими рынками, что должно было, по их замыслам, проложить путь к завоеванию этих земель» [Там же, с. 63]. Делая такой вывод, автор опять-таки подразумевает исключительно морскую торговлю, забывая о существовании разветвленной сухопутной торговли Индии практически со всеми соседними народами. Англичане не выставляли военные заградительные кордоны на торговых путях. Естественные, сложившиеся веками торгово-экономические связи Индии с соседними государствами и народами сохранялись и во времена британского владычества в Индостане. К примеру, на протяжении всего рассматриваемого периода не прекращалась индийско-среднеазиатская торговля. А поскольку, как мы уже замечали выше, торговые связи российских и индийских купцов осуществлялись на рынках Средней Азии, ввоз индийских товаров на Сибирскую и Оренбургскую линии не прекращался. Думается, что делать вывод о том, что «ограниченная торговля с Индией через азиатские границы России занимала очень небольшое место в общем балансе внешней торговли России», равно как и вывод о том, что Россия ввозила лишь 5 % всего хлопка-сырца по азиатской линии, пока рано [Люстерник, 1966, с. 65–66]. Все исследователи, приходящие к таким выводам верят (не только Люстерник Е.Я., но Рожкова М.К. и др.) данным Г. Неболсина и ссылаются на работы этого автора, а также на статистический материал «Государственной внешней торговли». Нам представляется, что в анализе российского импорта во второй четверти XIX в. еще рано ставить точку. Необходимо провести сравнение данных, приводимых Неболсиным с данными архивных документов, содержащих отчеты за соответствующие периоды. Приведем лишь несколько примеров таких «нестыковок». Так, по данным «Государственной внешней торговли», в 1825 г. экспорт шерстяных изделий в Азию составил

36 тыс. руб. асс. [Рожкова М.К., 1949, таб. 16, с. 69]. По данным же Оренбургской таможни за соответствующий год вывоз шерстяных изделий составлял 83 925 руб. 15 коп. [ГАОО, ф. 339, оп. 1, д. 29, л. 18]. Если же учесть, что вывоз шерстяных изделий из России в государства Востока осуществлялся еще через Астрахань, Закавказье, Сибирскую линию и Кяхту, то разница в цифрах будет еще более разительной. То же самое можно отметить и по экспортно-импортным операциям с красителями. Е. Люстерник в своей монографии, ссылаясь на данные Г. Неболсина, приводит следующие сведения о среднегодовом импорте кошенили в Россию: в 1814–1824 гг. ввоз в Россию кошенили составил 1 276 пуд. [Люстерник Е.Я., 1966, с. 43], а сумма среднегодового импорта индиго, кошенили и крапа (вместе взятых) составила 1 205 220 руб. [Там же]. Однако, по данным Оренбургской таможни за 1818–1824 гг., только кошенили в страны Востока из Оренбурга ежегодно вывозилось на сумму св. 500 тыс. руб. [ГАОО, ф. 339, оп. 1, д. 29, л. 33, об. 34]. Получается, что значительная часть красителей, ввозимых в Россию, затем реэкспортировалась в страны Востока. Это противоречит здравому смыслу, поскольку растущая российская хлопчатобумажная промышленность требовала все больше красителей. По всей видимости, данные, приводимые Г. Неболсиным, на которые ссылаются многие отечественные исследователи, просто неполны.

Канцлер России в беседе с императором в июне 1810 г. обратил внимание Александра I на данное обстоятельство. Решение было следующим: «разрешить ... на первый раз ввоз английских колониальных товаров в Россию». Правительство возлагало надежду на то, что «бухарцы, привозя «колониальные» товары Восточной Индии (могут) проложить к нам новый и постоянный путь, (который) приходит дешевле, нежели как мы покупаем оные, привозимые на кораблях другими державами» [ГАОО. ф. 6, оп. 10, д. 738, л. 2]. Как заметил по этому поводу Мейендорф, «так народные потребности находят средства сбыта и открывают торговле новые пути, которые никогда не могли бы предвидеть самые просвещенные администраторы. Индусы вывозят из Бухары только голландские дукаты; кроме того, они занимаются торговлей деньгами, то есть ростовщичеством, обычным ремеслом банианов» [Мейендорф, 1975, с. 130].

Российские купцы, встречавшие все больше препятствий для выгодной торговли с Индией, активизировали свою деятельность на рынках Среднего Востока, которые были более реальными и достигаемыми⁵. Развивавшаяся российская промышленность и, прежде всего, хлопчатобумажная, была заинтересована в хлопке и естественных красителях, поставляемых из Индии. К концу

20-х годов XIX века индийское сырье становится яблоком раздора между Россией и Англией.

В первые десятилетия XIX века торгово-экономические отношения России и Индии получили новый импульс в своем развитии. Укрепление российской промышленности, с одной стороны, позволило обогатить ассортимент вывозившихся товаров, а, с другой, требовало увеличения ввоза сырьевого материала. На это обстоятельство обратили внимание и британские колониальные власти, не желавшие укрепления экономических позиций России на рынках Индии.

Вместе с тем, в самой России падает спрос на традиционные индийские товары (кашмирские шали, парчу, кисею и др.) Однако потребность в других товарах (например, специи, красители и т. д.) не только не уменьшилась, но и, напротив, увеличилась. Об этом свидетельствует и тот факт, что в первые десятилетия XIX века часть индийских товаров попадала в Россию по более высоким ценам морским путем — в основном через порты Балтики. При этом значение торгового пути из России в Индию через Среднюю Азию оставалось важным.

В 1829 г. во время приезда в Оренбург афганского принца Магомеда Мустафы вице-канцлер в своем докладе на имя императора Николая I замечал, что визит принца необходимо использовать не только в целях упрочения торговых связей Российской империи с Афганистаном, но и «равно для пользы нашей торговли ... приобрести более обеспечения и развития даже в Индию» [АВПРИ, ф. Главный архив I-1, оп. 781, 1829 г., д. 69, л. 44]. А штабс-капитан В.И. Мочульский полагал, что в развитии торговых связей России с Индией важную роль могут сыграть армяне, которые «во время еще мидян ... были известны своими связями с внутренней Азией и Индостаном». В своем «Описании Западного Индейского полуострова» Мочульский дает подробную характеристику торговой деятельности армян в Индии, описывает торговые пути, а также дает характеристику положения армян как в самой Индии, так и в соседних с ней государствах [РГВИА, ф. 427, оп. 1, д. 251, л. 57, об. 67. — Цит. по Русско-индийские отношения..., 1997, с. 72–76].

К середине XIX в. торговые связи России с далекой Индией не прекращались. По свидетельству капитана Генерального штаба Л. Костенко, в Индии постоянным спросом пользовались российские сундуки. Некоторые из них представляли настоящие произведения искусства: настолько изящно они были сделаны. Сам Костенко пишет: «Для народов Турана и Индустана сундуки имеют важное значение, заменяя нашу мебель и комоды, и служа также для подарков» [Костенко Л. С., 1871, с. 269]. Российские сундуки можно было встретить в разных уголках Индии, вплоть до Калькутты. Только через Оренбург ежегодно вывозилось до 9 тыс. сундуков [ГАОО, ф. 339, оп. 1, д. 29, л. 33, об. 34]. Не прерывался в середине XIX в. и индийский экспорт в Россию. Основными его статьями оставались хлопок-сырец, шелк, различные ткани, специи, красители, шерсть и другие товары. Как замечает тот же Костенко, морским путем индийские товары через Англию попадали в Россию. И даже в Оренбурге можно было встретить английские хлопчатобумажные изделия, доставленные в Россию по морю [Там же, с. 264]. В начале 20-х гг. XIX в. в Бухарском ханстве выросло количество индийских купцов. По свидетельству Мейендорфа, только в столице ханства их было около 300, «часть которых прочно осела там, часть же уез-

жает и приезжает с караванами из Кабула» [Мейендорф, 1975, с. 90]. Эти индийские купцы были родом из Мултана, Кабула и Шикарпура, откуда они привозили индиго, кашмирские и персидские шали [Там же].

Усиливавшееся англо-российское торгово-экономическое соперничество не было столь тягостным для отечественных предпринимателей на рынках Средней Азии, как в Иране. Однако в 30–50-е гг. XIX века англичане значительно активизировали свою деятельность и в ханствах. К своей разведывательной деятельности они привлекали и индийских купцов. Так, по данным Бэрслема и Стэрта, которые проводили топографическую съемку перевалов, шедших через Гиндукуш, они не раз встречали индийских купцов-мусульман, которые возвращались из Бухары, Коканда и других городов Средней Азии с ценными сведениями о положении дел в ханствах. Эти торговцы прошли специальную подготовку в британской школе пандитов [Burslem R., 1846, p. 114–115].

В начале 50-х гг. XIX в. в военных кругах России вновь возникла идея подготовки военной экспедиции в Индию. Главнокомандующий войсками и наместник на Кавказе князь А.И. Барятинский в письме на имя военного министра Н.О. Сухозанета отмечал: «...появление британского флага на Каспийском море будет смертельным ударом не только нашему влиянию на Востоке, не только нашей внешней торговле, но ударом для политической самостоятельности Империи» [РГВИА, ф. 846, оп. 2, д. 3, л. 16, 9–12. — Цит. по: Русско-индийские отношения..., 1965, с. 87–88]. Любопытно, что на документе рукой Александра II было помечено: «Опасения его (Барятинского. — В.Ш.) весьма справедливы, и поэтому нахожу, что нам должно серьезно готовиться на борьбу с Англией в Азии» [Там же]. Однако военный министр был не согласен с мнением князя Барятинского, полагая, что у России нет ни сил, ни союзников, чтобы отважиться на такое предприятие. С ним проявил солидарность и министр иностранных дел А.М. Горчаков [РГВИА, ф. 846, оп. 2, д. 3, л. 75–76 об., 77–99. — Цит. по: Русско-индийские отношения..., 1965, с. 93–100].

Таким образом, в рассматриваемый период торгово-экономические отношения России и Индии продолжали укрепляться, отвечая интересам и потребностям двух великих народов. Товары обоих государств пользовались спросом, становились своего рода связующими звеньями между ними. Несмотря на неудачные попытки установления прямых сухопутных связей с Индией, российские торговцы и предприниматели, заинтересованные в индийском сырье и товарах, искали иные пути и возможности для развития взаимовыгодных связей. Непосредственный товарообмен между Россией и Индией стал происходить на рынках Среднего Востока, куда стекались товары из многих государств региона. Посредниками же в этой торговле стали татарские и среднеазиатские купцы.

ГЛАВА 5. СРЕДНЯЯ АЗИЯ И АФГАНИСТАН В РОССИЙСКО-ИНДИЙСКОЙ ТОРГОВЛЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В отличие от Ирана, где российские торговцы столкнулись с крайне острой конкурентной борьбой, которую начала Англия за овладение рынками Среднего Востока, в Средней Азии ситуация была иной. Терпя убытки и постепенно сворачивая свои торговые обороты в Иране, российские торговцы искали новые рынки сбыта отечественных изделий. И в этом отношении среднеазиатский рынок имел для отечественных торговцев особое значение. Российские власти прекрасно понимали, что, утратив свои экономические позиции на иранском рынке и отдав пальму первенства англичанам, нельзя было допустить потери среднеазиатского рынка, что означало бы окончательный подрыв внешней торговли России на южных рубежах. Действия российских властей в первой половине XIX в. доказывают, что Петербург для решения задачи упрочения своих позиций в ханствах Средней Азии подключил весь арсенал имеющихся средств дипломатического, экономического, политического и, наконец, военного характера.

Многие отечественные и зарубежные исследователи полагают, что начало торгово-экономического соперничества России и Англии приходится на 30–40-е гг. XIX в. [Венюков М.И., 1875; Грулев М.В., 1909; Лейтц А.Ф., 1906; Лякост Д., 1908; Южаков С.М., 1885; Бабаходжаев М.А., 1960; Рожкова М.К., 1963; Халфин Н.А., 1958, № 2; Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В., 1984; Бакшилов С.А., 1965 и др.]. Однако архивные документы свидетельствуют, что российские власти начали проявлять тревогу по поводу сбыта английских товаров как по оренбургской пограничной линии, так и в ханствах Средней Азии уже в самом начале XIX в. В декабре 1800 г. на имя Оренбургского губернатора, тайного советника Глазенапа поступило указание Государственной коммерц-коллегии о запрещении российским купцам торговать английскими товарами [ГАОО, ф. 6, оп. 1, д. 416а, л. 1]. Запрет был настолько строгим и категоричным, что с купцов даже брали расписки «относительно неутаинии английских товаров и об объявлении долгов англичанам» [Там же].

Указом от 22 ноября 1800 г. предписывалось всем губернским властям принять меры к тому, «дабы по всем российским городам запрещении английским товарам были учинены». В случае выявления среди товаров изделий английского производства полицейским чиновникам, которых специально отряжали для проверки купцов, нужно было составлять описи этих товаров: «все

находящиеся у них (российских купцов. — В.Ш.) товары и сколько сих товаров будет описано и арестовано, уведомлять коллегия особенно, а между тем все товары, какие у них будут найдены, запечатать и хранить впредь до будущего сей коллегии распоряжения» [Там же, л. 2 об.]. Кроме указания Коммерц-коллегии 21 февраля 1801 г. в Оренбург поступил «Из Правительствующего Сената Указ о запрещении привоза из-за границы всякого рода европейских шелковых, бумажных, льняных и пеньковых материй» [ГАОО, ф. 6, оп. 2, д. 625/1, л. 7]. Таким образом, уже в начале XIX века, когда англо-российское торгово-экономическое соперничество еще не приобрело фатального характера, Петербург начинает проводить активную протекционистскую политику, нацеленную на защиту отечественных товаропроизводителей. Запретительная таможенная политика российского правительства позволила на время отсрочить торговую экспансию английских товаров на рынки Средней Азии, которая могла быть осуществлена руками российских купцов, выступавших посредниками в торговле английскими товарами в ханствах, и защитить интересы российских производителей хлопчатобумажных, шелковых и суконных изделий.

В 1810 г. российские власти сделали послабление в отношении ввоза английских товаров среднеазиатскими купцами на Оренбургскую пограничную линию. Оренбургским губернским властям из Санкт-Петербурга было направлено специальное указание «О нечинении бухарцам запрещения вывозить в Россию колониальных английских товаров» [ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 732, л. 1]. А канцлер империи Н.П. Румянцев в своем письме № 994 от 25 июня 1810 г. на имя оренбургского губернатора писал «о нестрогом прикладывании запретительных постановлений против английских колониальных товаров, привозимых иногда бухарцами в караванах, и о беспрепятственном пропуске на первый раз оных» [Там же, д. 738, л. 1]. В это же время директор Оренбургской таможни Величко сообщал, что бухарские купцы, прибывшие с караваном, рассказывают о том, что «Восточная часть Персии и Северная Индия обильно снабжены от англичан сукнами, кашенилью, гвоздикою, которые прежде привозимы были из России через Бухарию» [Там же, л. 2]. Бухарские торговцы интересовались у чиновников Оренбургской таможни, можно ли им на будущее привозить колониальные товары. Величко сообщил им, что о подобного рода просьбах оренбургские власти уже информировали Санкт-Петербург и получили согласие, поскольку «чрез таковые опыты бухарцы могут колониальными товарами Восточной Индии проложить к нам новый и постоянный путь, который дешевле, нежели как мы покупаем оные [товары], привозимые на кораблях другими державами» [Там же]. Таким образом, российские власти еще не ощущали острой

конкуренции на рынках Средней Азии, а снятие запрета на ввоз английских колониальных товаров объяснялся стремлением Петербурга при посредничестве бухарских купцов расширить торговые связи с Индией. Пользовавшиеся в России постоянным спросом индийские товары, доставляемые через морские порты, стоили дорого. Расширение торговых путей через ханства Средней Азии, казахские степи на Оренбург открывало новые перспективы для российско-индийской торговли и могло дать выигрыш в цене импортных товаров. В то же время приведенные факты свидетельствуют о том, что в Оренбуржье еще не испытывали опасений по поводу возможного вытеснения российских товаров английскими на рынках Средней Азии.

Ситуация стала меняться уже в 20-е гг. XIX в., когда и российские купцы, и торговцы из ханств Средней Азии стали отмечать активизацию англичан в регионе. В 1825 г. в Бухару прибыло 70 английских торговцев «с предложением начать дружеские торговые сношения, имеющие продолжаться навсегда, подобно как с Константинополем и другими державами» [Внешняя политика России, 1985, с. 822]. Англичане привезли с собой 80 сундуков с образцами товаров, которые были представлены визирю Мир Кушбеги. Они обратили внимание бухарских властей на свою готовность продавать пользующиеся спросом в ханстве товары на 30 копеек с рубля дешевле, чем продают российские купцы. Английские торговцы выразили готовность поставлять в ханство канцелярское семя, лучшие сукна, белую кисею, коленкор, ситец, гвоздику и т.д. Бухарский посланник Бек-Назар Абдулкеримов в личной ноте на имя К.В. Нессельроде от 28 января (9 февраля) 1826 г. отмечал: «Повелитель правоверных (бухарский эмир. — В.Ш.), заметив, что англичане имеют в намерении своим говорить еще многое, сократил то приказанием ответствовать им, что как издревле со времен отцов и дедов, а равно и в его время существует между Бухарией и Россией совершенное дружество и усердие, как бы два государства сии составляют одно, и до сего времени не только не имел с российским императором каких-либо неудовольствий, но даже и самая тень оных не проникала в мысли, и уверен, что впредь также неприятного ничего не случится, то по сему не иначе даст свое решение на предложения их, как предварительно узнав о качествах их от е. в-ва государя императора всероссийского» [Там же]. Если опустить дипломатические дифирамбы, из приведенной цитаты видно, что бухарское правительство хорошо распознало намерения английских торговцев вытеснить российские товары путем удешевления цен на английские изделия. И дело здесь не столько в стремлении Бухары сохранить дружественные отношения с Петербургом, сколько, на наш взгляд, проявление опасения со стороны правительства эмира в

активном проникновении англичан. Вслед за купцами к берегам Амударьи и Сыр-Дарьи могли прийти британские солдаты. В монографии М.К. Рожковой приводится аналогичный пример с приездом английских купцов [Рожкова М.К., 1949, с. 219]. Однако автор, ссылаясь на архивный документ, приводит иное количество прибывших в Бухару британских торговцев — 500 человек. Приведенный нами пример проливает свет на фактическое число купцов: их было 70 человек.

Колонизация Индии, захват китайцами Восточного Туркестана и Кашгара, активные действия англичан в Афганистане после падения империи Дурран и Иране настораживали бухарские власти. Россия, не проявлявшая агрессии по отношению ханства, в первой четверти XIX в. выражала лишь заинтересованность в упрочении торгово-экономических отношений с Бухарой. Это в полной мере отвечало и чаяниям правительства и торговцев ханства.

Вместе с тем, участвовавшие случаи появления в ханствах Средней Азии английских эмиссаров и купцов вызвали повышенный интерес и беспокойство как Петербурга, так и оренбургских губернских властей к их деятельности. Появление англичан в Хиве в 1825 г. рассматривалось Азиатским комитетом как «обстоятельство особенной важности и доказывающее необходимость ныне принимаемых мер к утверждению влияния России на дела Средней Азии» [Там же, с. 748]. Для более подробного выяснения целей приезда англичан в Хиву Азиатский комитет ожидал отчета руководителя экспедиции в Среднюю Азию, которую возглавил полковник Ф.Ф. Берг.

Побывавшие в ханствах Средней Азии капитан Джеймс Аббот, капитан Артур Конноли, полковник Чарльз Стоддарт, Ричмонд Шекспир и другие английские резиденты тщательно собирали сведения о регионе, обращая особое внимание на состояние торговли и отношений среднеазиатских государств с Россией.

Автор книги «Англия и Россия на Востоке» Г. Роулинсон пытается обосновать идею русского вторжения в Индию, которую он связывал с продвижением России в Средней Азии. Более того, автор книги полагал, что упрочение позиций Петербурга на рынках Средней Азии — это и стремление России создать проблемы для Англии в зоне черноморских проливов. Г. Роулинсон полагает, что продвижению России в Среднюю Азию следует противопоставить укрепление (в том числе военно-стратегическое) позиций Англии на афганско-индийской границе, а также расширение влияния как в Иране и Афганистане, так и непосредственно в ханствах Средней Азии. Особое внимание Роулинсон уделяет англо-российскому торгово-экономическому соперничеству на рынках

Средней Азии, отмечая успехи российской торговли в Кокандском ханстве, Кашгаре и Кульдже. Он считает, что на расширение российской торговли в регионе следует ответить торговой экспансией Британии. По его мнению, продвижение России к границам Индии, прочное утверждение на местных восточных рынках неизбежно приведет к возникновению серьезной угрозы экономическим интересам Англии не только в Центральной Азии, но и непосредственно в Индии [Rawlinson H., 1875].

К середине XIX в. резко обострилась ситуация на кокандском рынке. «Все купцы, привезшие сюда в последнее время товары, торгуют в убыток — доказательство, что, несмотря на незначительную долю привоза, он уже превысил спрос и составляет избыток, оставшийся за удовлетворением потребностей» [Кокандское ханство..., 1869, с. 436–437]. Главная причина такого положения — усилившаяся англо-индийская конкуренция, которая фактически вытеснила торговлю чаем, привозимым российскими купцами. Сами торговцы, доставлявшие отечественные товары в Коканд, отмечали, что «английские ситцы лучше и дешевле русских», и их конкуренты имели преимущества, поскольку «индийские купцы всегда продают товары с отсрочкой платежа на год, в то время как наши купцы делают кредит на месяц или на два» [Там же, с. 437]. И вновь российские власти солидарны в выводах, которые уже делали по опыту иранской торговли: «Торговое соперничество с англичанами в тех отдаленных странах представляет несколько шансов в нашу пользу: наши товары уже пользуются некоторой репутацией и, по своему характеру, рисункам и качеству, ближе подходят к требованию и вкусам азиатов, нежели английские; надо только развить то, чему уже положено начало» [Там же, с. 460]. Среди причин, которые непосредственно оказывают воздействие на формирование цен на российские товары, доставляемые в Кокандское ханство, отмечаются значительные затраты на их транспортировку из Москвы и поволжских губерний: это «увеличивает их цену и ставит первое и важное препятствие успешной конкуренции нашей с английскими товарами» [Там же]. В качестве решения проблемы российские власти рассматривали возможность заключения торгового трактата с правительством Кокандского ханства, а в последующем — приближение производства тканей к среднеазиатскому рынку. Английские эмиссары усиленно предпринимают попытки не только установить контакты с правительством Коканда, но и по возможности склонить его на свою сторону. К таким действиям, в частности, прибегал Артур Конноли. Деятельность А. Конноли вызвала подозрение у эмира Бухары. Видимо, подробные расспросы английского резидента о положении дел в регионе, его стремление любыми путями склонить эмира на

свою сторону в противовес торгово-экономическим отношениям ханства с Россией не только раскрыли истинные устремления британского резидента, но и позволили ханскому правительству распознать в нем иностранного шпиона. В 1842 г. А. Конноли был казнен по приказу эмира Насруллы.

Интерес Англии к Средней Азии сопровождается ростом числа публикаций о положении в регионе, что свидетельствует как о накоплении фактических данных, так и о том месте, которое стал отводить Лондон в своей внешнеполитической доктрине ханствам. Из пыльных запасников вновь был поднят вопрос о «завещании Петра Великого» по завоеванию Индии. В некоторых работах английских авторов прямо указывалось на то, что с укреплением торгово-экономических, политических и военно-стратегических позиций в ханствах Средней Азии Петербургом может быть создан плацдарм для дальнейшего продвижения России в Афганистан и Индию. Дж. Макнил, к примеру, полагал, что усиление Российской империи в Средней Азии будет использовано ей для укрепления своих позиций в Восточном Иране и Афганистане, что означает прямой выход России к индийским границам [Жигалина О.И., 1990, с. 43]. Лейтенант А. Бернс, побывавший в Бухарском ханстве в 1831–1833 гг. и давший описание своего путешествия, пишет об успехах английской торговли в Средней Азии и реальной возможности вытеснения британскими товарами российских изделий с рынков региона. Однако часто Бернс выдает желаемое за действительное. В сведениях, которые приводят российские и среднеазиатские купцы, а также в официальных отчетах оренбургских губернских и таможенных властей за 1830–1833 гг. нет даже упоминания о продаже в ханствах английских мануфактурных изделий. Как несостоятельно утверждение лейтенанта о том, что английские сукна поступают в Бухарское ханство через территорию Российской империи. Нам не известны случаи привоза в Оренбуржье товара иностранными (европейскими) купцами, равно как и доставки английских товаров российскими торговцами для вывоза их в Среднюю Азию. Поэтому вряд ли утверждение А. Бернса о том, что английские товары составили «страшное соперничество» российским изделиям имеет под собой реальную основу. Тот же П.И. Демезон, побывавший в Бухаре почти одновременно с А. Бернсом, приводит пример о доставке из Мешхеда в столицу ханства трех больших тюков с английскими тканями — расписными холстами, ситцем, муслином и пр. [Записки..., 1983, с. 25]. Прапорщик признает, что эти товары по качеству превосходят российские и лучше раскупаются, но составить конкуренцию отечественным товарам, которых привозилось многократно больше, они, естественно, не могли. Британские изделия в Бухаре продавались на рынке Тими Сефид

(Белый базар). Демезон приходит к выводу: «Пробная эта торговля, собственно говоря, приносит мало выгоды, но очевидно свидетельствует о постоянных усилиях английских купцов полностью завладеть торговлей в этой части Азии, которая в скором времени может быть наводнена английскими товарами» [Там же]. Автор недооценивал один существенный фактор: отношения ханских властей к активизации британцев в регионе. К этому же следует добавить и те сложности, с которыми предстояло столкнуться английским и индийским торговцам на путях в Среднюю Азию. Тот же Демезон пишет о том, что британцы доставляют из Индии «довольно большое количество английских товаров, таких, например, как золотая парча, муслин, хлопчатая материя, ситец и расписные цветами или в полоску ткани», но в начале в 1830–1831 гг. англичане попытались освоить новый торговый путь — из Ирана. Насколько это сложный путь, на котором торговцев постоянно грабили туркмены, уже отмечалось выше. Поэтому вряд ли британцы смогли бы преодолеть те препятствия на пути расширения торговли со Средней Азией, которые на протяжении целого столетия не удавалось решить России, имевшей, безусловно, более богатый опыт торгово-экономических отношений с ханствами. Это подтверждают и результаты практически всех миссий британских эмиссаров в Средней Азии. Джозеф Вольф, побывавший в Бухаре в 1831 г., лишь собрал сведения о положении в ханстве, практически ничего не добился от правительства эмира по поводу возможного расширения торговли. А. Бернс, предложивший открыть в Бухаре торговый дом Ост-Индской компании, также остался без удовлетворения. Муркрофт и его спутники в 1825 г. были отравлены на обратном пути. Бухарцы, понявшие, что перед ними иностранные шпионы, которые не только занимались сбором сведений, но и вели подробные записи, решили попросту от них избавиться. Документы, включая все записи, которые вел Муркрофт, были доставлены правителям Мазара, где скончались спутники британского резидента. Все попытки доктора Мартина Хонигбергера во время его пребывания в Балхе записать записи Муркрофта не увенчались успехом. Не удалось выполнить поручение по выкупу записей и Демезону, которому перед отъездом в Бухару в секретной инструкции предписывалось «достать оные за современные подарки и обещание будущих наград». [АВПРИ, ф. Главный архив, IV-3, 1833–1835 гг., оп. 120, л. 10] Как отмечалось в инструкции, «правительство, вероятно, не откажется пожертвовать несколькими тысячами рублей, если [будут] представлены все записки сего путешественника» [Там же].

О том, как бухарские власти относились к британским эмиссарам, свидетельствует и пример с доктором М. Хонигбергером, которого бухарский куш-

беги «считал английским агентом и шпионом» [Записки..., 1983, с. 48]. На просьбу доктора посетить Самарканд он не получил прямого отказа, но пробудил у кушбеги «новые подозрения». В беседе с П.И. Демезоном бухарский кушбег прямо заявил: «Эти ференги (европейцы. — В.Ш.) любопытны! Всё они хотят видеть» [Там же, с. 49]. Эта подозрительность, хитрость, к которой часто прибегали бухарские чиновники в отношении британцев, подтверждает тот факт, что найти общий язык с правителями ханств английским эмиссарам по вопросам как продвижения торговли английскими товарами на среднеазиатских рынках, так и в подстрекательстве их против России, не удавалось. То, что удавалось англичанам в Иране, не работало в ханствах Средней Азии. Вместе с тем, тон отчета Демезона все же приобретает оттенки тревоги: «Ловкими происками и интригами они (англичане.- В.Ш.) направляют все эти события в свою пользу и уже, можно сказать, являются хозяевами в самых обширных районах Азии вплоть до границ Персии с Туркестаном, где английское влияние не замедлит сказаться самым решительным образом» [Там же, с. 26].

Основной поток доставлявшихся в Среднюю Азию английских товаров шел из Индии, откуда привозили английский муслин, продававшийся по цене от 12 до 25 руб. за кусок из 24–28 аршин, чит (английская набивная хлопковая ткань), шали, набивные и гладкие по цене от 3 до 6 тилла за кусок, и другие товары [Там же, с. 77–78]. Небольшое количество английского муслина бухарские купцы доставляли в Хиву. Поручик отмечает, что в последние годы (начало 30-х гг. XIX в.) резко сократился индийский экспорт индиго: «Ост-Индская компания, как говорят, запретила сухопутный экспорт, чтобы не вредить своей морской торговле. Но настоящая причина, я думаю, в том, что Пенджаб поставляет достаточное количество индиго для нужд Афганистана и Туркестана» [Там же]. В конце своего отчета о миссии в Бухару П.И. Демезон обращает внимание российских властей на факт, что индийские, логанийские и афганские купцы закупают в Бухаре небольшое количество товаров, но зато ежегодно вывозят в немалом количестве золотые и серебряные монеты, включая бухарские тиллы, российские червонцы и голландские дукаты, которые с выгодой перепродают в Кабуле и Индии. Это не могло не беспокоить российских купцов, поскольку «деньги стали редки и ввоз даже русской продукции, которая за исключением предметов первой необходимости, таких, как выделанная кожа, железо, медь, здесь не очень легко сбывается, дает им маленькую выгоду» [Там же, с. 83].

Прапорщик И.В. Виткевич, побывавший в Бухаре в 1835–1836 гг., увидел несколько иную картину. В частности, он констатировал, что «индийцев ныне крепко теснят». Бухарские власти запретили им вывозить золото и серебро, по-

скольку нерегулируемый вывоз монеты из благородных металлов привел к массовому фальшивомонетничеству. Репрессивные меры в отношении индийцев этим не ограничились: им запретили кремировать покойников на территории ханства, а также приобретать товары «из первых рук» [Там же, с. 104]. Действия индийцев могли пагубно отразиться как на внутренней, так и на внешней торговле Бухары. Прапорщик писал: «Серебро идет в Бухару из Кашгара за русские товары; золото все идет из России, а потом — через менял-индийцев в Кабул. Его так мало в Бухаре, что два-три червонца можно достать только с величайшим трудом. Поддельные деньги ходят; купцы всегда упрашивают, нет ли настоящих, а в случае отказа берут и поддельные» [Там же, с. 105]. Учитывая, что английские купцы практически всегда торговали за наличные деньги (причем, не фальшивые), вряд ли создавшаяся ситуация на бухарском рынке могла способствовать активному проникновению английского капитала. Российским же купцам практически ничто не угрожало, учитывая меновой характер их торговли в Средней Азии. Более того, ситуация в какой-то мере была на руку российским предпринимателям: зависимость ханской казны и бухарских торговцев от российского золота, а опосредованно (через торговлю российскими изделиями) и кашгарского серебра ставили торговые отношения Бухары и Петербурга вне конкуренции. И только изменение на финансовом рынке Средней Азии могло в корне переломить сложившееся положение.

Англичане, имевшие богатый опыт завоевания новых рынков, прибегают к изменению тактики в Средней Азии. Приезды британских эмиссаров в ханства постепенно сменяются внедрением постоянных резидентов. И.В. Виткевич приводит такие факты. В Бухаре в первой половине 30-х гг. XIX в. таким резидентом был кашмирец Низаметдин, который ежегодно получал от англичан 20 тыс. рупий (40 тыс. руб.). Свое пребывание в столице ханства он объяснял торговыми делами: живя в Бухаре уже 4 года, Низаметдин «притворяется, что не мог доселе распродать по выгодным ценам шали свои» [Там же]. Ежежендельно он отправлял нарочных в Кабул с письмами, адресатом которых являлся англичанин Масон. Виткевич замечает, что Дост Мохаммед-хан был хорошо осведомлен о том, что Масон больше занимается не поиском старинных монет в Афганистане, а разведывательной деятельностью. Хан не раз перехватывал даже секретные письма Низаметдина, но, не желая ссориться с англичанами, терпел деятельность британских резидентов. До Масона английскую резидентуру в Кабуле возглавлял иранец Карамет-Али, получавший ежемесячно по 100 голландских дукатов за свою деятельность. Но «англичане были им недовольны, вытребовали его в Лудиану и прогнали» [Там же, с. 106]. Низамет-

дин и его помощники жили в караван-сараях, принадлежащем кушбеги, и пытались всячески расположить к себе наиболее влиятельных сановников эмира. При этом они не скупились на богатые подарки. И.В. Виткевич замечает, что, узнав о его прибытии в Бухару, Низаметдин приложил все усилия к тому, чтобы встретиться с российским разведчиком: «...выспрашивал меня обо всем: о Новоалександровске, о Новой линии, об отношениях с Хивой и проч. Будучи уже предупрежден, не давал я ему на это положительных ответов; но он, при всем том, отправил на другой же день после расспросов письмо через Карши в Кабул» [Там же]. О том, что это действительно был английский шпион, свидетельствует и другая запись И.В. Виткевича: «Зная европейские приличия, ожидал он ответного посещения моего и, опасаясь этим навлечь подозрение бухарцев, ибо сам был у меня вечером — втайне одним словом, — просил меня, через третьего, не навещать его» [Там же]. Не случайно российский разведчик в своей записке обращает внимание российских властей на необходимость принятия адекватных мер: открытия в Бухаре своей резидентуры. Более того, за время своего пребывания в столице ханства и имея многочисленные встречи, прапорщик даже нашел подходящего человека — астраханского купца, армянина Мартына Егорова Берхударова, который бежал в начале 30-х гг. из Астрахани в связи с многочисленными долгами. И.В. Виткевич замечает: «Если бы нашему правительству угодно было иметь в Бухаре верного человека, который бы извещал обо всем происходящем, то на это с выгодой можно бы употребить Берхударова, тем более что он человек способный, пишет по-русски и изъявляет на это дело полную готовность свою» [Там же, с. 105]. Берхударов помог Виткевичу встретиться с тайным посланником афганского Дост Мухаммед-хана мирзой Хусейном Али, который должен был передать просьбу афганского эмира к российским властям об установлении дружественных отношений [Там же, с. 138].

Особый интерес в записках И.В. Виткевича представляют его сведения о беседах с бухарским кушбеги по поводу англичан. Любые переговоры российских посланников с бухарским правительством всегда шли сложно. Настороженность, сочетаемая с хитростью и двусмысленностью бухарской стороны, часто не давала конкретного результата. Однако в беседах с Виткевичем кушбеги Хаким-бий был более чем откровенен. Не желая решать вопрос об освобождении российских невольников, томящихся в бухарском рабстве, кушбеги заявил, что «бухарцы не станут ходить в Россию, а будут торговать с англичанами, указывая при этом на Бернса, который делал на этот счет разные предложения» [Там же, с. 107–108]. Прапорщик с присущей ему логикой очень четко

парировал, чем, по его словам, привел кушбеги «в замешательство». Российский разведчик указал на то, что бухарцы не смогут приобретать у англичан железо, медь, чугун, юфть и другие товары, потому что «отдавать им взамен нечего»: «хлопчатую бумагу, сушеные плоды и другие произведения земли своей они, бухарцы, за Гиндукуш не повезут и сбывать им произведений этих кроме России некуда» [Там же, с. 108]. Ответ Виткевича был настолько четким и честным, что Хаким-бий не мог с этим не согласиться. Об этом говорил и А. Бернс: «Русским мы должны уступить, как мне кажется, в торговле металлами и всем, что из них делается; но зато мы можем с успехом соперничествовать во всех других предметах...» [Бернс А., 1848–1850, т. III, с. 577]. Для прапорщика особый интерес представляла оценка бухарской стороной предложений А. Бернса. Из беседы с кушбеги стало понятно, что британский эmissар прямо подстрекал бухарцев к враждебному отношению к России: «доказывал при этом бескорыстие англичан, пользу от этого заведения (имеется в виду открытие торгового дома Ост-Индской компании в Бухаре. — В.Ш.) для бухарцев, убеждая кушбеги в физической невозможности для англичан завоевать Бухару и указывая на опасных соседей, на русских, от коих могут они только быть безопасны, заключив союз с англичанами» [Там же, с. 110]. По словам кушбеги, А. Бернс обещал вернуться через 3 года для практического решения вопроса об открытии английской торговой фактории. В отчете Виткевича содержатся данные и о других британских резидентах: неудавшейся попытке Стренджа проникнуть в Бухару из Ленкорани через территорию Хивинского ханства, Вольфе, который под видом еврея поселился у бухарских евреев, но вскоре ими был раскрыт, т. к. начал проповедовать среди них Евангелие, Муркрофте, бахвалившемся своим богатством и щедро угощавшим бухарских сановников, чем вызвал «алчное корыстолюбие бухарцев посягнуть на жизнь его».

Оценка И.В. Виткевичем англо-российского торгово-экономического соперничества требует критического подхода. Его вывод о том, что «англичане заменить и вознаградить бухарцам торговли с Россией не могут, это вещь несбыточная», скорее попытка выдать желаемое за действительное. Ни трудности пути из Индии в Среднюю Азию, ни отсутствие нужных для англичан товаров на местных рынках, на что ссылается Виткевич, не могли остановить британцев в их стремлении завоевать новый рынок сбыта своих и колониальных изделий. Весь колоссальный опыт колониальных захватов Англии по всему миру является доказательством того, что географические препятствия и неразвитость местного производства не были препятствием для решительного и наступательного продвижения британцев. Замечание прапорщика по поводу того,

что «мы, напротив, могли бы распространить круг торговли своей до самого Мультана и вытеснить английских промышленников из целой Средней Азии», скорее носит отпечаток некоторого максимализма, соединенного с бахвальством. До середины 30-х гг. XIX в. Россия не могла урегулировать самые элементарные вопросы безопасности своей торговли с соседними государствами — Хивинским, Бухарским и Кокандским ханствами. А говорить об успешном продвижении российского купеческого капитала в Северную Индию и говорить не приходится. Нельзя согласиться и с другим выводом прапорщика: «...товары наши во всей Средней Азии, до самой Индии, ценятся выше английских; довольно странно, что английские ткани, заготовляемые для Азии, так дурны, что не могут выдержать ни даже самого поверхностного сравнения с русскими» [Там же, с. 111]. Здесь Виткевич откровенно лукавит, поскольку многие купцы, торговавшие по Оренбургской линии, прямо указывали на то, что английские материи лучше и, хотя дороже, пользуются большим спросом, чем российские. Вывод Виткевича о том, что сбыт английских товаров в Бухаре плохой, «потому что товары плохи», вводил в заблуждение российские официальные власти. Видимо и сам разведчик это подспудно понимал, поскольку, завершая тему, делает вывод: «Но если с нашей стороны не будет взято никаких мер, то и эти плохие ткани должны, наконец, занять место наших, и торговля наша упадет еще более» [Там же]. Все же тревога за дальнейшее развитие российской торговли в Средней Азии не оставляет Виткевича, и связывает ее он с английской экономической экспансией на местных рынках.

Продвижение англичан в Средней Азии, враждебные действия Хивы, негативно отражавшиеся на развитии российско-среднеазиатской торговли, все больше беспокоили Петербург. На повестку дня встает вопрос о военной экспедиции. Поход Перовского на Хиву, хотя и не достиг поставленной цели, вызвал немалую тревогу у англичан: Россия после многих десятилетий мирных отношений с ханствами, многочисленных попыток дипломатическим путем урегулировать проблемы взаимных отношений, наконец, прибегла к самым радикальным мерам. Лондон прекрасно осознавал, что поход Перовского — это лишь первая попытка военного продвижения России в Среднюю Азию. За ней последуют новые военные походы. По мнению лорда Окленда, поход русских на Хиву — начало реализации плана Петербурга по продвижению в Индию [Жигалина О.И., 1990, с. 49]. Ответной реакцией Лондона стала экспедиция англичан в Афганистан в 1839–1840 гг., которая также закончилась неудачей. Мы не можем согласиться с О. Жигалиной, полагавшей, что «позиции России в Иране, Афганистане и Средней Азии в первой половине XIX в. не были еще

настолько прочными, чтобы хотя бы на равных противостоять английской политике в этом регионе» [Там же, с. 50]. Во-первых, не следует ставить в один ряд Иран, Афганистан и ханства Средней Азии, поскольку в каждой из названных стран позиции России были совершенно неодинаковыми. В Иране Англия сумела добиться наибольших успехов, существенно потеснив Россию в центральных и северо-западных районах страны. Попытки Лондона подчинить Афганистан оказались безрезультатными. И хотя страна была наводнена английскими шпионами, говорить о британском военно-политическом или экономическом закабалении Афганистана в рассматриваемый период не приходится. Более того, афганское правительство стремится к развитию дружественных отношений с Россией. Совсем иная ситуация была в Средней Азии, где Англии в первой половине XIX в. не удалось реализовать свои политические и военно-стратегические задачи. В этом регионе позиции России были несравнимо выше. Этому способствовал и многовековой опыт межгосударственных торгово-экономических отношений. Ханства, жизненно заинтересованные в сохранении и упрочении торговых связей с Россией, предпочитали иметь дело с Петербургом, нежели с Лондоном, колониальные захваты которого в Азии не могли не настораживать их правительства. Традиционная политика лавирования, характерная для правителей государств Центральной Азии, в определенной мере вводила в заблуждение английские власти и давала повод надеяться на успех в своем продвижении на просторах огромного региона. Подобного рода политику лавирования между Россией и Цинским Китаем проводили ханы и султаны казахских жузов в период после разгрома Джунгарского ханства и начала китайской экспансии в регионе. Но это была, скорее, дипломатическая хитрость, необходимый маневр в условиях нахождения между молотом и наковальней. В силу объективных причин Англия не могла рассчитывать и на давно опробованный ею способ продвижения в новых для нее регионах мира — торговую экспансию. В первой половине XIX в. англичане не могли удовлетворить в полном объеме потребности среднеазиатского рынка и насытить его всеми необходимыми изделиями. Вряд ли можно было рассчитывать на изменение веками сложившегося вектора торговых связей между ханствами Средней Азии и России, повернув его в диаметрально противоположном направлении — на Индию. Подтверждением этого являются и объемы торговли России со Средней Азией. По данным Н.В. Ханыкова, во второй четверти XIX в. российский экспорт в Бухарское ханство ежегодно увеличивался, достигнув к 1840 г. суммы более 3,2 млн руб. [Ханыков Н.В., 1843, с. 171–172]. Для сравнения российский экспорт в Тебриз (Иран) в этот же год составил всего 404 320 руб. [АВПРИ, ф.

Главный архив I-9, 1847–1854 гг., оп. 8, д. 11, л. 120–122]. Таким образом, вывоз российских товаров только в Бухарское ханство (без учета других среднеазиатских государств, Афганистана, Кашмира, Синьцзяна и пр.) сопоставим с западноевропейским экспортом в Тебриз, куда в 1840 г. было ввезено европейских товаров на сумму 3,3 млн руб. [Там же]. Это еще раз доказывает вывод о том, что на среднеазиатском рынке российские купцы не испытывали той гнетущей атмосферы острой конкуренции с англичанами, которая была на иранском рынке.

Н.В. Ханыков, отмечая успехи российской торговли в Бухаре, пишет, что «сверх того из Кабула привозят также английские произведения, но в гораздо меньшем объеме и худшей доброты, нежели те, которые привозятся через Мешед (Мешхед.- В.Ш.); главный же предмет привоза из Кабула составляет кубовая краска, которая потребляется в значительном количестве, как в Бухаре, так и вывозится в Россию» [Ханыков Н.В., 1843, с. 174–175]. Однако привоз указанных товаров не мог отрицательно отразиться на состоянии российской торговли в Бухаре, где, по словам того же Ханыкова, «мануфактуристы наши наделяют Среднюю Азию преимущественно через бухарцев нашими ситцами, коленкорами, кисеями, некоторыми шелковыми материями, сукнами, парчами», которые «покупаются весьма охотно в Бухарском ханстве, и, следовательно, от наших фабрикантов и торговцев зависит удержать за собой это преимущество» [Там же, с. 169]. Более того, Россия сама потребляла значительное количество товаров, привозимых из Индии и Афганистана.

Как заметил С. Южаков, «именно в половине тридцатых годов XIX века совершенно ясно обнаружилось соперничество России и Англии в Иране и Туркестане. Движение России вглубь Туркестана, умиротворение киргизских степей, занятие нижнего течения Яксарта (Сыр-Дарьи) и приготовление к походу на Хиву тревожили англичан, которые опасались, что с утверждением в древних иранских оазисах Согдианы и Хarezма русские получают возможность угрожать английскому владычеству в Индии, этой основе английских богатств и могущества» [Южаков С.Н., 1885, с. 80–81]. Безусловно, для английских колониальных властей было крайне важно, упреждая военное продвижение России в Средней Азии, создать здесь буферную зону, объединяющую государства, лояльные к Лондону. Особое внимание при этом уделялось Афганистану, имевшему исключительно важное геополитическое и военно-стратегическое положение. Начинается борьба за влияние на Афганистан. Неслучайно в Кабул направляются английские и российские эмиссары (А. Бернс и И. Виткевич, в частности), пытавшиеся не только прояснить отношение правительства Дост-

Мухаммеда к событиям на Среднем Востоке, но и склонить его на свою сторону. Как отметил В.А. Гурко-Кряжин, «сношения эмира с Россией произвели буквально ошеломляющее впечатление на англичан» [Гурко-Кряжин В.А., 1922, с. 91]. Россия проявляет повышенный интерес к событиям в Афганистане. Очевидно, этим объясняется и тот радушный прием, который оказали оренбургские губернские власти афганскому принцу Шахзаде Фарруху, который со всей семьей прибыл в августе 1831 г. из Бухары и имел намерение отбыть в Петербург ко двору императора с последующим выездом через Турцию в Мекку [ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 3778, л. 3–3 об.]. Унтер-офицер И.В. Виткевич специально выезжал в бухарский купеческий караван, где собрал нужные сведения о намерениях афганского принца. В частности, Виткевич выяснил, что тот, действительно, является сыном Тимур-шаха афганского и родным дядей вдовы бухарского хана Мир-Хайдара. В Оренбург он прибыл с женой, тремя сыновьями, двумя дочерьми, а также небольшой свитой, в которой был и сын видного кокандского сановника Адамбая. Председатель Оренбургской пограничной комиссии доложил о прибытии «по дипломатическому журналу» афганского принца военному губернатору П.П. Сухтелену [Там же, л. 1]. Губернские власти определили содержание Шахзаде во время его пребывания в России в размере 500 руб. в месяц и одновременно выдали 100 руб. серебром [Там же, л. 5, 20]. Из отчета П.И. Демезона узнаем о том, что «афганский принц Шахзаде Фаррух выехал в конце зимы 1833 г. из Оренбурга в Кокан, в мае 1834 г. находился еще в Кокане, где был очень хорошо принят ханом, обходившемся с ним с большим почтением» [Записки..., 1983, с. 47]. Оставив свою семью у кокандского хана, сам принц отправился с паломничеством в Мекку. Приведенный пример — свидетельство повышенного внимания российских властей не только к событиям в Афганистане, но и к его государственным деятелям. Не вызывает сомнения, что за время пребывания принца в Оренбурге местные чиновники смогли получить от него максимум информации по интересующим их вопросам. Разворачивавшиеся во второй половине 30-х–40-е гг. XIX века драматические события в Афганистане, еще больше накалили обстановку в Средней Азии. «Тотчас же после неудачной войны с Афганистаном Англия начинает консолидировать свои владения в Индии..., два империалистических колосса (имеются в виду Англия и Россия. — В.Ш.) почти одновременно подходят с севера и юга к границам Афганистана», — заключает В.А. Гурко-Кряжин [Гурко-Кряжин В.А., 1923, с. 93]. И хотя этот вывод относится к более позднему периоду, он совершенно объективно отражает общую динамику действий Великобритании и России в регионе.

К середине XIX в. в России накапливаются знания об Афганистане. И Петербург, и оренбургские губернские власти используют каждую возможность, чтобы почерпнуть сведения о событиях, происходящих в Афганистане и вокруг него. Во время поездки П.И. Демезона в Бухару ему было дано поручение выяснить, какую торговлю ведет ханство с Афганистаном [АВПРИ, ф. Главный архив, IY-3, 1833–1835, оп. 120, д. 1, л. 8]. В своем отчете поручик сообщает, что афганские купцы ведут активную торговлю с ханствами Средней Азии: они привозят в Бухару индийские товары, а «вывозят отсюда только золото, чеканные деньги и лишь небольшое количество товаров, да и то неместного производства» [Записки..., 1983, с. 20]. Демезон подробно пишет о междоусобицах в Афганистане, попытке шаха Шуджа уль-Мулька при поддержке англичан «вновь завоевать Афганистан, изгнать узурпатора Дост Мухаммеда-хана и овладеть короной своих предков» [Там же]. Автор дает субъективную оценку происходящих в Афганистане событий. Вместе с тем он акцентирует внимание на деятельности англичан в связи с событиями в этой стране: «Англичане встревожены распространившимися в Индии слухами о планах завоевания Хивы и Бухары Россией совместно с принцем Аббасом-Мирзой, который, поддерживаемый значительными силами русского корпуса, должен завладеть Гератом. Опасаясь союза двух сильных врагов, что обещало бы большие возможности для расширения торговли этих государств, англичане решились на шаг, на какой раньше пошли бы не без опасений, а именно — восстановить на троне принца, который был бы обязан им короной и в связи с этим находился бы в зависимости от них» [Там же, с. 22–23]. Демезон также сообщает об усилении позиций англичан в Пенджабе, где они после смерти престарелого и больного магараджи Ранджита Сингха «унаследуют» его государство. Многие сведения о событиях, происходящих к югу от границы Бухарского ханства, были получены Демезоном от доктора Хонигбергера, который прибыл в Бухару из Кабула в январе 1834 г. Но даже в период крайней нестабильности в Афганистане торговые связи его с ханствами Средней Азии не прекращались. Во время пребывания Демезона в Бухаре в ее караван-сараях жили афганские купцы (сарайи Мирзачуль, Бадреддин, Абдулладжан, Аёз). Они в большом количестве вывозили в Кабул шелк высшего качества, который поступал в Бухару из Коканда и Ходжента, российские товары (железо, медь, выделанную кожу, нанку, иглы, зеркала и др.), золото, серебро и пр. Привозили в Бухару из Кабула усму (краска. — В.Ш.), зарчубу (желтый корень, который употреблялся в пищу. — В.Ш.), афганские ружья, сабли, кинжалы, луки, рис, лисьи шкуры [Там же, с. 80]. Важную роль играли афганские купцы и как посредники в торговле Пенджаба с ханствами Средней Азии и России. Отсюда вывозилось большое количество индиго. Как замечает Демезон, «афганцы (кочевники-логани. — В.Ш.) не зна-

ют, куда им поместить огромное количество индиго, которое они привезли в последние годы в Туркестан, вынуждены продавать его по очень низким ценам или в кредит и ждать три-четыре года возвращения капитала. Нет сомнения, что они согласились бы взять этот товар хоть в Россию, если бы была малейшая надежда продать его немного выгоднее» [Там же, с. 78–79]. Некоторые афганские торговцы говорили поручику о том, что они до этого никогда не возили индиго в Россию, «которой они совсем не знают». Кроме этого их активно отговаривали бухарские купцы, опасавшиеся установления прямых торговых связей Афганистана с Россией, «что повредит их торговле». Архивные документы свидетельствуют, что индиго составляло важную статью среднеазиатского экспорта в Россию и ввозилось в Оренбуржье в основном среднеазиатскими купцами. О том, насколько для Афганистана была важна торговля с Россией, свидетельствует и тот факт, что в Герат из Бухары в основном ввозились российские изделия. Несмотря на все попытки Ост-Индской компании преградить путь российским товарам в Афганистан, добиться этого ей так и не удалось. Как отмечал А. Гамильтон, описывая кабульские базары, здесь «беспрерывными рядами проходят покупатели, оптовые торговцы из Индии с караванами шелкового товара и из Туркестана с тюками ситца, дешевого коленика и других предметов русской мануфактуры...» [Гамильтон А., 1908, с. 111]. К середине XIX в. на рынках Афганистана сложилась ситуация, когда рядом соседствовали российские и английские изделия, а торговая конкуренция росла с каждым годом. Торгово-экономическое соперничество, подхлестываемое геополитическими устремлениями Лондона и Петербурга, привело к тому, что, по образному выражению С. Южакова, «обе державы уже значительно сблизили свои аванпосты в Азии» [Южаков С., 1885, с. 88].

К середине XIX века Оренбург сохранял ведущую роль в российско-среднеазиатской торговле, занимая первое место как по экспорту российских изделий в ханства, так и по импорту восточных товаров из этого обширного региона [Костенко Л., 1871, с. 270]. Англичане, безусловно, обращали самое пристальное внимание на то, что происходило в губернском центре. Они даже предпринимали попытки завести свою агентурную сеть в городе: «В одно время их миссионеры утвердились в Оренбурге, но, уличенные в политических агитациях, были удалены» [Дела русского оружия..., 1871, с. 9]. Губернские власти не только проявляли повышенную бдительность по поводу возможного шпионажа на пограничной линии, но и сами активно занимались разведывательной деятельностью, прибегая к самым различным средствам: от опроса среднеазиатских и российских купцов, до посылки в ханства своих эмиссаров. Переписка официальных лиц Оренбургской администрации с правительственными чиновниками Петербурга — наглядное тому подтверждение.

Новый Ханъ Хивинскій Сеидъ-Асфандіаръ.

Дурбаръ—торжественное празднованіе въ Дели восшествія на престолъ императора Индіи, короля Великобританіи Эдуарда VII. Процессія магараджей—владѣтельныхъ князей Индіи. По рис. Р. К. Вудвилля авт. «Нивы».

Не меньший интерес для российских торговцев представляла Индия. Уходящие в далекое прошлое российско-индийские связи получили в эпоху позднего феодализма новый импульс в своем развитии. Однако изменение геополитической ситуации в Азии, связанное с активной колониальной экспансией европейских держав, британская колонизация Индии вносили известные коррективы в развитие российско-индийской торговли. Торгово-экономические отношения в этот период чаще всего носили опосредованный характер и осуществлялись на рынках Средней Азии. И хотя, судя по архивным документам, отмечены случаи непосредственных торговых экспедиций российских купцов в Индию, а индийских в Россию, они все же носили эпизодический характер. Мечта об открытии прямого сухопутного торгового пути в Индию не оставляет как российские власти, так и простых купцов. Возникают различные проекты создания крупных торговых компаний, освоения водных (речных) путей в Индию, но все они оказываются тщетными. Осуществлению планов мешали непреодолимые препятствия: трудности пути и часто враждебная позиция правителей среднеазиатских ханств, через территории которых могла осуществляться российско-индийская торговля, жесткая позиция британских колониальных властей, препятствовавших продвижению России вглубь Азии, недостаток ресурсов, опыта российских предпринимателей. Тем не менее индийские товары постоянно присутствовали на внутрироссийском рынке. Значительная их часть стала поставляться морским путем через английских предпринимателей. И лишь небольшая часть из Средней Азии, Ирана и Синьцзяна — в Астрахань, Оренбург, на Сибирскую линию. Среди доставляемых в Россию товаров особой популярностью пользовались кашмирские шали. Традиционные российские товары также можно было встретить в самых разных уголках Индии. Среди них — юфть, сундуки, бить, тонкие армячины, пряденое золото и т.д. На протяжении всего рассматриваемого периода индийцы играли заметную роль на рынках Средней Азии. Здесь они не только вели торговлю, но и занимались ростовщичеством, проводили валютные операции. Их влияние простиралось и дальше — вплоть до России. Индийские торговцы хорошо знали российский рынок. Этому во многом способствовали их связи с индийской диаспорой Астрахани, а также личные торговые контакты с купцами Казани, Нижнего Новгорода, Симбирска, Оренбурга и других городов империи. Важную роль в развитии российско-индийских торгово-экономических связей сыграли армяне, поддерживавшие тесную связь со своими соотечественниками, жившими в далекой Индии.

Как и в случае с Индией, российско-афганские торговые связи осуществлялись преимущественно на рынках Средней Азии. Расширение внешней торговли Афганистана пришлось на период расцвета империи Дуррани, когда с укреплением государства получили импульс для развития ремесла, торговля, рост городов. Через территорию империи проходили оживленные торговые караванные пути на Иран, Индию, ханства Средней Азии, Китай, к побережью Индийского океана. За сравнительно короткий промежуток времени Афганистан превратился в важный центр азиатской транзитной торговли. Значительно укрепились и экономические позиции афганских торговцев на рынках среднеазиатских ханств. Являясь поставщиками на местные рынки индиго, кашмирских шалей, английских товаров, они закупали российскую кисею, железо, медь, кошениль и др. По мнению Е.К. Мейендорфа, «среди народов, имеющих сношение с Бухарой, индусы и афганцы ведут наиболее значительную торговлю» [Мейендорф Е.К., 1975, с. 129]. В начале XIX в. Россия проявляет повышенный интерес к Афганистану. Нередкими становятся и случаи появления в Кабуле российских подданных, а в России — афганцев. Однако эволюционному пути развития двусторонних торгово-экономических отношений препятствовала Англия, которая рассматривала любое российско-афганское сближение как угрозу своим интересам в регионе, а также намерение Санкт-Петербурга использовать территорию Афганистана как плацдарм для военной экспансии в Индию. Вместе с тем, несмотря на крайне сложную обстановку как в самом Афганистане, так и вокруг него к середине XIX в., российско-афганские торговые связи не прерывались даже в самые драматические периоды истории нашего южного соседа. Ухудшение положения внутри страны компенсировалось расширением предпринимательской деятельности афганских торговцев на рынках Средней Азии. Опасение потерять собственность и нажитые капиталы побуждало их вести торговые операции на внешних рынках. Этим с успехом пользовались российские торговцы.

ГЛАВА 6. РОССИЙСКО-ИНДИЙСКАЯ ТОРГОВЛЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Крымская война побудила российские власти к пересмотру своей восточной стратегии. Постепенно Россия копила силы для защиты своих интересов на восточных рубежах. Последующие реформы Александра II лишь стимулировали продвижение российских торговцев и промышленников в сопредельные страны Азии. Индийское направление в рассматриваемый период входило в число их приоритетов.

В 50–60-е гг. XIX в. главным центром российско-индийской торговли оставалась Средняя Азия. Это было обусловлено рядом причин. Во-первых, продвижение российских торговцев непосредственно в Индию было затруднено с точки зрения безопасности, многочисленных препятствий, нестабильной обстановки в ханствах. Во-вторых, появление российских купцов в Индии, несомненно, было бы болезненно воспринято британскими колониальными властями. В-третьих, подавляющему большинству отечественных купцов Индия была совершенно неизвестна. Они не знали иностранные языки, местные правила и торговые обычаи. И, наконец, в-четвертых, самой необходимости рисковать, снаряжая торговые караваны в далекую Индию, у отечественных торговцев не было, так как «под боком» были ханства Средней Азии, куда в значительных объемах поступали индийские товары.

В Бухарском ханстве в конце 60-х гг. XIX в. проживало примерно 10 тыс. иранцев, индийцев, цыган и евреев [Львов, И., с. 2]. Подавляющее большинство индийцев занимались здесь ростовщичеством и торговлей. Во внешней торговле ханства они играли заметную роль. В Бухару практически на протяжении всего года стекались купеческие караваны из самых разных регионов Востока. По некоторым данным, в год в Бухару, Самарканд, Карши и другие торговые центры ханства прибывало по 12–15 тыс. верблюдов, груженных разнообразным товаром. Во внешней торговле Бухары Российская империя занимала в это время 1-е место. Если в 1828 г. из России в Бухару было доставлено товаров на 0,5 млн руб., то в 1840 г. — на 1 млн руб., а к концу 60-х гг. — от 4 до 5 млн руб.

К середине века сложились торговые пути из Оренбурга в ханства Средней Азии. Их придерживались почти все торговые караваны [Черемшанский В.М., с. 393–395]. В 1859 г. отечественный исследователь В.М. Черемшанский писал: «В настоящее время караван охраняет необходимая для ухода за верблюдами прислуга, состоящая человек из 20–50, смотря по числу верблю-

дов, которая хотя и бывает также вооружена копьями, саблями и т.п., но не для прямой надобности, а более для личного удовольствия и для придания каравану вида хвастливой воинственности» [Там же, с. 394].

Примечательно, что на протяжении длительного времени с торговыми целями в Среднюю Азию отправлялись преимущественно татары — российские подданные. Им же поверяли свои товары и русские купцы. Так, во время российской миссии в Бухару в 1870 г., по сведениям А. Костенко, к ним наведались 14 российских торговцев: трое были русскими, а остальные татары — доверенные лица отечественных русских купцов. При этом все российские торговцы независимо от национальной и конфессиональной принадлежности были уравнены в торговых правах: с них взималась одинаковая пошлина («зьякет») в 2,5 % (одна сороковая) [Костенко, А., Путеш., с. 260].

Индийские торговцы как проживали непосредственно в городах Средней Азии, так и приезжали для торговых целей из Индии, Кашмира, Пенджаба. Так, в Самарканде из 33 караван-сараев 9 принадлежали индийцам [Костенко Л., Опис., с. 390]. К 1870 г. в городе сформировался свой «русский Самарканд», включавший 158 домов, 9 лавок и т.д. Здесь постоянно проживали 11 русских купцов [Там же, с. 392]. За короткое время после взятия Самарканда русскими войсками в 1868 г. ситуация здесь изменилась. Члены русского посольства, побывавшие в 1870 г. в Бухаре, отметили и здесь перемены: «Между различными, резко выделявшимися типами таджиков, узбеков, евреев, индусов и проч., попадались изредка и русские физиономии» [Там же, с. 401]. Более того, члены российской миссии высказывали даже мысли о том, что многие жители Бухарского ханства просто спят и видят приход русского войска. Л.Ф. Костенко, в частности, отмечал: «Индусы в таком же угнетении, как и евреи, почему также желают прихода русских, надеясь под сенью их власти заниматься безопасно денежными оборотами — их обычным занятием» [Там же, с. 417]. Скорее, автор выдавал желаемое за действительное. Индийцы за долгое время пребывания на территории Средней Азии давно приспособились к местным условиям.

Практически сразу же после окончания Крымской войны российские власти предприняли комплекс мер по сдерживанию британского продвижения в Среднюю Азию и на Кавказ. Так, в феврале 1857 г. наместник на Кавказе и главнокомандующий войсками князь А.И. Барятинский писал военному министру Н.О. Сухозанету: «... со стороны Афганистана может угрожать опасность непосредственно нашим пределам, ибо из всех проделок лондонской политики в Персии мне представляется несомненным намерение их утвердиться на юж-

ном и юго-восточном берегах Каспийского моря. Во что бы то ни стало мы не должны допустить столь опасного для нас соседства: появление британского флага на Каспийском море будет смертельным ударом не только нашему влиянию на Востоке, не только нашей торговле внешней, но ударом для политической самостоятельности Империи. Повторяю, что мы ни под каким видом, ни под каким предлогом не можем позволить даже приближения англичан к странам, прилежающим к Каспийскому морю» [РГВИА, ф. 846, оп. 2. д. 3, л. 10]. Отметим, что такой подход сохранялся в правительственных российских кругах и на протяжении последующих десятилетий.

Англичане в Индии

Усилившееся к концу 50-х гг. XIX в. англо-российское торгово-экономическое соперничество на рынках Средней Азии и Ирана вызывало разную реакцию в правительственных, военных и торговых кругах Российской империи. Нередкими стали воинственная риторика, призывы к военной экспедиции в Индию. Появление публикаций в отечественной прессе «взглядов» и «записок» на эту тему, разумеется, вызывало крайне негативную реакцию со стороны Лондона. Там сразу вспомнили о пресловутом походе на Индию во времена правления Петра I, о других «вечных» замыслах Москвы о покорении Индии. Как же на самом деле выглядела официальная позиция российских властей? На наш взгляд, она хорошо отражена в докладной записке начальника Кавказского отделения Департамента Генерального штаба генерал-майора (впоследствии генерал-лейтенанта. В.Ш.) Александра Андреевича Неверовского, которую он подготовил в марте 1857 г.: «Завоевание Индии потребует таких средств, какими Россия располагать не в состоянии, а некоторых даже совершенно не имеет, но если бы и могла, то счастливый исход предприятия возбудит зависть других держав и породит европейскую борьбу, последствия которой нельзя исчислить» [Там же, л. 62]. Вместе с тем российские власти не исключали возможности прямого военного столкновения России и Англии в Средней Азии или Афганистане. А.А. Неверовский полагал, что лучшим местом для сражения мог бы стать Герат (от Астрабада до Герата — 900 верст). В случае победы был бы перекрыт доступ британцам к побережью Каспийского моря. На руку Санкт-Петербургу было бы и восстание против англичан в Афганистане, Пенджабе и Лахоре. В любом случае военный вариант разрешения противоречия российские власти связывали с возможным утверждением англичан в Афганистане. Не случайно в это время рассматривается целый комплекс превентивных мер для усиления военного присутствия и влияния России на южных рубежах империи. Речь шла об увеличении морских средств на Каспийском море, военном присутствии в ханствах Средней Азии, создании военных укреплений к югу от Сырдарьи и Аральского моря.

В Генеральном штабе практически на протяжении всего 1857 г. рассматривались различные сценарии возможного военного столкновения России и Великобритании в Средней Азии и Афганистане. Готовились даже стратегические планы возможных боевых операций (определение путей и мест переброски войск, их снабжения и т.д.). Однако большинство военных экспертов склонялось к мнению, что в силу естественных препятствий (высокие горы Гиндукуш, обширные, маловодные степи и пр.) англичане вряд ли прибегнут к военной экспедиции в Среднюю Азию. Генерал-майор Генерального штаба

Е.И. Чириков в докладной записке, написанной в марте 1857 г., отмечал: «Но политическая и коммерческая борьба есть и будет без сомнения» [Там же, л. 69–70].

Подобного рода докладных записок о возможных вариантах развития и исхода англо-русского противоборства в Средней Азии зимой и ранней весной 1857 г. появилось немало. Все они были внимательно изучены, обобщены на уровне Генерального штаба, затем военного министра Н.О. Сухозанета и направлены для изучения министру иностранных дел Российской империи А.М. Горчакову. Человек мудрый и дальновидный, истинный дипломат, Александр Михайлович в ответном письме военному министру прямо отметил свое несогласие ни с военным вариантом решения проблемы, ни с нагнетанием «страстей» вокруг индийского вопроса: «Если в Англии какими-либо приготовлениями с нашей стороны укрепитя мнение, что мы стремимся уничтожить ее владычество в Индии, то при этом для нее жизненном вопросе, не только нынешнее Министерство (имеется в виду Правительство Г. Пальмерстона. — В.Ш.), но какое бы Министерство ни существовало в Англии, двинет все народные силы, употребит все дипломатические средства, чтобы заставить нас дорого заплатить за таковой замысел. Симпатии для нас существуют в Европе, но союзников мы не имеем...» [Там же, л. 76 об.].

Военный министр Николай Онуфриевич Сухозанет

Очень подробный доклад военный министр Н.О. Сухозанет направил и императору Александру II в конце марта 1857 г. Указанный документ представляет несомненный интерес для исследователя четким изложением позиции государственного деятеля по острейшему вопросу. В своем докладе Николай Онуфриевич обосновывал потенциальную опасность продвижения Англии в Среднюю Азию и ее возможного утверждения на берегах Каспийского моря. Он полагал, что тем самым будет нанесен «смертельный удар нашему влиянию на Востоке» [Там же, л. 77]. Называя Англию державой «исключительно торговой и морской», военный министр был убежден, что британцы вряд ли пойдут на расширение своих владений к северу от Индии, поскольку для этого понадобятся бы колоссальные средства с ее стороны и немалые людские ресурсы. Отверг он и вариант с военным походом в Индию, так как «русской армии предстоял бы дальний и рискованный поход в неизвестную страну». Что же, в конечном счете, предложил военный министр? Он предложил перейти к политике «выжидательной», а не «наступательной». Кроме этого, Н.О. Сухозанет предложил императору рассмотреть вопрос о проведении военной экспедиции против Хивы, военном продвижении российской армии вглубь Средней Азии, учреждении морского судоходства на Аральском море, усилении военного присутствия России на Каспийском море, всемерной поддержке коммерческого пароходства как на Волге, так и на Каспии (чтобы иметь возможность для переброски войск в случае военной угрозы) и т.д. Император Александр II, внимательно следивший за событиями в Средней Азии и хорошо осведомленный об усилении торгово-экономического соперничества России и Великобритании в этом регионе, поддержал предложения военного министра полностью. Свою позицию он выразил еще в феврале 1857 г., когда знакомился с письмом князя А.И. Барятинского. На письме он оставил следующую резолюцию: «Опасения его (Барятинского. — В.Ш.) весьма справедливы, и потому нахожу, что нам должно серьезно готовиться на борьбу с Англией в Азии» [Там же, л. 9].

Повышенное внимание в России вызвало восстание сипаев 1857–1859 гг. О событиях в Индии писали российские газеты и журналы. Российский военный агент в Лондоне полковник Н.П. Игнатьев в письме военному министру отмечал, что вследствие восстания англичане непременно понесут большие убытки в торговле: «Ежегодный вывоз товаров из Англии в одно Бенгальское президентство простирается на сумму в 7 000 000 ф. ст., а теперь не только покупки в Бенгалии английских товаров прекратились, но и вообще вся торговля остановилась...» [ф. 431. оп. 1, д. 21]. При этом в британской прессе того вре-

мени появлялись статьи, в которых вину за восстание сипаев некоторые журналисты перекладывали на Россию. Ее же обвиняли в измене некоторых раджей и магараджей, о которых в Санкт-Петербурге вряд ли вообще когда-либо слышали. Однако можно предположить, что среди высшей индийской аристократии ходили разговоры о возможном покровительстве России. Именно этим можно объяснить письмо, которое направили индийские владетельные князья императору Александру II в августе 1859 г. С миссией в Россию был направлен правитель княжества Марвар (Джодхпур) Рао Раджа Тула Сингх Бахадур. Уже находясь в иранском Реште (в городе находилось российское консульство. — В.Ш.) раджа подготовил письмо императору о положении дел в Индии. В нем он дал краткую характеристику колониальных захватов англичан в Индии, назвал причины народного восстания, выразил позицию князей в отношении возможного военного похода России в Индию [АВПРИ, ф. Ср. стол, оп. 485, д. 902, л. 19–27 об.].

В начале 60-х гг. вновь поднимается вопрос о военном походе в Индию. Одним из высокопоставленных лиц, реанимировавших этот вопрос, был герой обороны Севастополя, генерал-лейтенант Степан Александрович Хрулев. Свои соображения о военном походе в Индию он высказывал еще в 1856 г., когда в форме четырех записок направил предложения в Военное министерство и Министерство иностранных дел Российской империи. Некоторые его идеи опережали время и носили практический характер для развития российской торговли на восточном направлении. Он подчеркивал особую роль Астрахани и Каспийского моря в упрочении российской торговли в сопредельных странах Азии. В новом «проекте» от 29 августа 1863 г. генерал обосновывает необходимость военного похода русской армии в Индию, приводит расчет продолжительности похода и пр. Основную ставку С.А. Хрулев делал на неизбежное восстание индийцев и на союз с афганцами в предстоящем походе. Особое внимание он обратил на перспективы развития торговли с Индией и иными государствами Востока в случае успеха экспедиции. Причем эта выгода будет очевидна, с его точки зрения, не только российским торговцам и промышленникам, но и западноевропейским. В качестве примера он привел Англию, которая в то время уже пользовалась железной дорогой до Нижнего Новгорода, а оттуда отправляла товары по Волге и Каспийское море: «Самая Англия, пользуясь нашими железными дорогами, признает гораздо выгоднее везти товары свои в Индию и произведения Индии в Европу через Россию в совершенной безопасности, не подвергая свои богатства случайностям плавания вокруг света, с постоянной поте-

рей таковых на огромные суммы вследствие кораблекрушений; Россия же от транзита европейских товаров в Индию и индийских в Европу должна приобрести выгоды, которые значительностью своей не уступят выгодам от собственной ее торговли с Средней Азией» [РГВИА, ф. 846, оп. 2, д. 3. л. 105–116 об.].

Практически на протяжении всего десятилетия в 60-е гг. XIX в. не прерывались разносторонние отношения России и Индии. В адрес императора приходили письма от индийских правителей; в Россию приезжали с разными целями индийские подданные.

Завоевание части Кокандского ханства, взятие Ташкента в ходе военной экспедиции привело к образованию Туркестанской области (12 февраля 1865 г.), преобразованной в 1867 г. в самостоятельное Туркестанское генерал-губернаторство. С этого времени позиции России в Средней Азии значительно упрочились, а наступательная политика продвижения к границам с Афганистаном продолжилась. Вместе с тем, решить главную задачу — проложения сухопутного пути в Индию — так и не удалось. Однако сбыт индийских товаров на рынках Средней Азии рос с каждым годом. В Бухаре и других городах региона эти товары продавались в специальных индийских рядах.

По-новому вопрос об установлении прямых торговых связей возник в связи со строительством Суэцкого канала. В конце 60-х гг. была проведена колоссальная работа по сбору статистической и иной информации об объемах индийской торговли. Сведения собирали повсюду разные лица: от дипломатов и военных, до конкретных купцов и промышленников. Были осуществлены командировки российских специалистов непосредственно в Индию для изучения местной торговли и промышленности. Таким образом, на рубеже 60–70-х гг. в Санкт-Петербурге сконцентрировалась обширная информация о внешней торговле Индии.

В 1870 г. российские власти приступили к реализации масштабного проекта по установлению прямого пароходного сообщения с Индией. Речь шла о двух линиях: Одесса — Бомбей и Одесса — Шанхай — Ханькоу. К этому времени специальная комиссия Русского общества пароходства и торговли собрала все необходимые сведения об индийской торговле. Для этого члены комиссии побывали в Бомбее и в других городах Индии.

Лит. А. С. Савицкий

ГЕНЕРАЛЪ — ЛЕЙТЕНАНТЪ
СТЕПАНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ХРУЛЕВЪ

Примечательно, что представители индийских компаний выразили живую заинтересованность в установлении прямых торговых контактов с российскими предпринимателями. В короткие сроки члены правления общества решили вопрос об учреждении главной конторы в Одессе, а также своих агентств в Порт-Саиде и Бомбее.

Путь на пароходе от Одессы до Бомбея в то время занимал в среднем 25 дней (с заходом в Порт-Саид, Суэц и Аден). К первому рейсу в Бомбей российские торговцы и предприниматели отнеслись весьма настороженно. К.А. Скальковский, известный русский писатель-публицист, путешественник, секретарь «Общества для содействия русской промышленности и торговли», отправившийся первым рейсом в Индию, отмечал: «Для России ост-индская торговля могла бы иметь очень серьезное значение и даже весьма скоро занять видное место в ряду прочих международных сделок; потому равнодушие нашего торгового люда не совсем извинительно» [Скальковский К.А., 1873, с. 119].

Уже в 1871 г. из Бомбея в Одессу были доставлены морским путем первые индийские товары. В апреле на отечественном пароходе «Нахимов» доставили 4 539 тюков хлопка-сырца (1 тюк весил 17,6 кг), а также на британском пароходе «Магдала» еще 3 600 тюков. Привоз хлопка в Одессу был отмечен и в другие месяцы. Общий объем импортного индийского хлопка в 1871 г. оценивался в 214,8 тыс. пудов, в 1872 г. — 468,7 и в 1873 г. — 256,5 тыс. пуд. [Русско-индийские, 1997, с. 154].

Кроме хлопка-сырца, который был очень нужен для динамично развивавшейся отечественной текстильной промышленности, в Одессу были доставлены в 1871 г. следующие товары: рис, ладан, малабарский кофе, перец, в 1872 г. — те же товары и кокосовое масло, в 1873 г. — те же товары и дополнительно гвоздика, имбирь, галанговый корень (альпиния настоящая или калган лекарственный. — В.Ш.) и др. Весь ассортимент индийских экспортных товаров превышал 100 наименований. Повышенный интерес к новому морскому направлению торговли проявили и некоторые индийские предприниматели, которые пожелали даже завести свои склады и представительства в России (в частности, в Одессе).

Подводя первые итоги торговой экспедиции в Индию, члены правительственной комиссии отметили: «Привоз ост-индских товаров в Россию, хотя и ограничен малой развитостью потребностей нашего населения, однако медленно прогрессивно растет с каждым годом. Число этих товаров весьма велико. Список включает более ста названий, но большинство этих колониальных продуктов привозится в ничтожном количестве и служит предметом одной лишь раздробительной продажи. Серьезное значение для нашего привоза имеют только следующие товары: хлопок, индиго, шелк, рис, немногие пряные корни, гумми и кофе. Первое место при этом принадлежит, бесспорно, хлопку» [РГИА, ф. 1072, оп. 1, д. 29, л. 30]. Заметим, что это замечание члены правительственной комиссии сделали лишь в отношении товаров, доставленных пароходами Русского общества пароходства и торговли. Как только первые российские пароходы достигли индийских портов, представители европейских компаний (и, прежде всего, английских) активно включились в конкурентную борьбу. Так, британская компания «Ллойд» организовала регулярные рейсы из Порт-Саида в Одессу, доставляя индийские товары на своих судах. Несомненно, объемы таких товаров были значительно больше, чем те, что привозили отечественные предприниматели. Также отреагировали французы и другие европейские торговые дома, увеличившие реэкспорт индийских товаров в Рос-

сию. Вполне естественно, все это привело к увеличению общего объема импорта индийских товаров в Россию.

В 1871 г. в порты Индии прибыло два российских корабля, которые доставили отечественные товары общим весом в 1396 т. [Annual, p. 704]. В этот же год в российские порты из Индии отбыли с грузом 7 кораблей под отечественным и британским флагами (общий вес товаров составил 4 537 т).

Государственный канцлер А.М. Горчаков

Открытие прямого морского сообщения с Индией вскоре выявило целый комплекс проблем, главной из которых была резко негативная реакция англичан, противившихся установлению прямых торгово-экономических отношений между Россией и Индией. Однако первые успехи отечественных предпринимателей стимулировали их к поиску новых возможностей. Так, в частности, родилась идея о строительстве российско-индийской железной дороги через Оренбург, Самарканд и Пешавар. В России и в некоторых европейских странах (Франция, Бельгия и др.) появились активные сторонники этой идеи, готовые вложить свои капиталы в строительство Великой Центральноазиатской железной дороги. Грандиозный международный проект, по мнению его сторонников, обещал колоссальные прибыли. Вопрос, в конечном счете, был вынесен на рассмотрение членов российского правительства. Реакция в Санкт-Петербурге была ожидаемой. Министр финансов М.Х. Рейтерн в письме от 15 мая 1873 г. государственному канцлеру А.М. Горчакову прямо указал на недопустимость реализации этого проекта, поскольку в случае его осуществления в Россию хлынет

гигантский поток европейских товаров, конкурировать с которыми наши просто не смогут. Это приведет к подрыву отечественного производства и негативно отразится в целом на экономике. Наконец, по мнению министра, Средняя Азия будет наводнена дешевыми английскими и прочими европейскими товарами, а это напрямую идет вразрез с национальными интересами России, которая приложила немало усилий для ограждения среднеазиатского рынка от европейских конкурентов. Также министр сетовал на нехватку средств в государственной казне и на необходимость строительства более значимых железных дорог в России.

Также отрицательное заключение дал министр путей сообщения генерал-лейтенант граф А.П. Бобринский, заметив, что эта идея не новая, так как в адрес его ведомства уже поступали подобного рода обращения. В своем заключении граф не выступает решительным противником самой идеи о строительстве железной дороги, связывающей Россию с Индией, но считает, что она преждевременная, неизученная до конца и не просчитанная как с технической, так и с финансовой стороны: «На такое изучение потребно немалое время, затрата большой суммы и преодоление многих препятствий, истекающих из самой сущности предприятия, затрагивающего интересы не только России, но и иностранных держав» [АВПРИ, ф. СПб., оп. 8, л. 21–25]. Министр путей сообщения свое мнение сформировал после детального обсуждения проекта в своем ведомстве. В этом обсуждении приняли участие государственный канцлер, генерал-адъютанты К.В. Чевкин и К.П. фон Кауфман, инженер-генерал П.П. Мельников, военный министр, министр финансов, министр путей сообщения, директор Азиатского департамента П.Н. Стремоухов и др. У каждого из них была возможность высказать свое мнение. Так, статс-секретарь Рейтерн отметил следующее: «До сих пор, за немногими исключениями, мы всячески препятствуем доступу английских товаров в наши среднеазиатские владения, даже транзит туда запрещен, так как Средняя Азия и Китайская Монголия представляют единственные рынки, где наши мануфактурные произведения могут с выгодой конкурировать с английскими. При проведении этой дороги вся Средняя Азия будет потеряна для нашей промышленности, и там не будет продано ни одного куса русской материи» [Там же, л. 131–142]. Той же точки зрения придерживался и генерал-адъютант фон Кауфман, считавший, что и без железной дороги некоторые города Средней Азии наполнены товарами из Индии. В качестве примера он привел Ташкент, куда в большом количестве поступали индийский чай и кисея. Однако со временем он не исключал соединения Ташкента с большой Россией железной дорогой.

Лорд Ф. Дафферин, вице-король Индии в 1884–1888 гг.

О значимости Суэцкого канала в развитии российско-индийской торговли писал К.А. Скальковский в своей монографии, ставшей очень популярной не только в России, но и за рубежом. Автор, в частности, отметил, что морской путь до Бомбея от важнейших портов Юга России через Суэцкий канал составил: от Одессы — 3 948 морск. мили, от Севастополя — 3 894, от Таганрога — 4 195, от Поти — 4 175 м.м. [Скальковский, К.А., 1870, с. 77]. С открытием нового пути в Индию предприниматели из Бомбея и Калькутты выразили намерение открыть склады для хлопка-сырца в Москве, но затем изменили свое мнение и предпочли Одессу. К.А. Скальковский привел конкретные примеры выигрыша во времени для транзита европейских товаров в Индию через южные порты Российской империи. Автор отмечал: «Ост-Индия и ее многочисленные порты представляют важнейшее поприще и для русской торговли по Суэцкому каналу, по необыкновенному разнообразию своей производительности и обширному потреблению товаров своим многочисленным населением» [Там же, с. 162].

Константин Аполлонович был убежден, что российские власти должны проявлять настойчивость в защите интересов отечественных торговцев в Индии. С этой целью он предлагал незамедлительно решить вопрос об учреждении в Бомбее российского консульства. Вообще, он был убежден, что ввод в

эксплуатацию Суэцкого канала открывает совершенно новые перспективы для восточного направления отечественной внешней торговли: «Азиатская торговля нашему купечеству хорошо известна, а в Египте, Аравии и Ост-Индии мы будем в этом случае, так сказать, как бы у себя дома» [Там же, с. 316].

Немало индийских товаров в начале 80-х гг. доставлялось в порты Китая, с которыми российские предприниматели поддерживали тесные деловые связи. К примеру, в 1880 г. только в порт Шанхая было доставлено индийских товаров на 20 699 883 лан (денежная единица Китая, около 37,3 г чистого серебра. — В.Ш.) [Скальковский, К.А., 1883, с. 247]. В Шанхай в рассматриваемый период прибывало немало торговых судов под российским флагом. Именно здесь у отечественных предпринимателей была удобная возможность закупать многие индийские товары. Кроме этого, эти товары приобретались российскими торговцами в Ханькоу, Гонконге, Макао, Сингапуре и в других портах.

Еще одним каналом доставки индийских товаров на российский рынок была Средняя Азия. Они проникали из разных городов Индии (например, Бомбея) через Кабул в Бухару. «Средняя Азия снабжается теперь ост-индским чаем, идущим через Бомбей, Кабул и Бухару и, по сведениям, собранным г. Маевым, одна Бухара потребляет 84 000 пуд. чая. Если принять в соображение чай, ввозимый в Хиву и Туркестанский край, то эта цифра должна удвоиться», — писал К.А. Скальковский [Скальковский, К.А., 1883, с. 379].

Еще в конце 60-х гг. купец Василий Хлудов и московский купец Ахенбах (1868 г.) предприняли попытку наладить транзит индийского чая через Среднюю Азию в центральные губернии России. Однако Министерство иностранных дел высказалось резко против таких планов.

В Средней Азии можно было встретить самые разные сорта индийского чая, в то время имевшие специфические названия. Большим спросом у местного населения, в частности, пользовались такие сорта, как «гури-пари», «шиби-пари», «люнка-пари» (стоимость в Бухаре — 30 руб. за пуд), «наузугур» (66 руб. за пуд.) [Скальковский, К.А., 1883, с. 380]. Не вызывает сомнений, что эти сорта индийского чая можно было приобрести в Оренбурге и других городах Южного Приуралья. Чтобы подорвать поток индийского чая на южные рубежи Российской империи в начале 80-х гг. российские власти и предприниматели даже рассматривали вопрос об их вытеснении японским чаем.

«Открытие правильного товарно-пассажирского сообщения между Черным морем, с одной стороны, и портами Приморской области, Китая, Японии и Ост-Индии, с другой, доставит русским купцам возможность получать из первых рук произведения Китая и Индии и тем избавит их от посредничества ино-

странцев, непроизводительно поглощающего ежегодно десятки миллионов рублей; оно доставит средство для дешевого морского подвоза нашим восточным окраинам, питающимся почти исключительно произведениями Европы, и откроет произведениям русской промышленности свободный доступ на азиатские рынки, отчасти остающиеся ей неизвестными, отчасти сделавшиеся для нее в последнее время недоступными вследствие иностранной конкуренции», — заключил К.А. Скальковский [Скальковский, К.А., 1883, с. 448].

На исходе XIX столетия проблема англо-русского торгово-экономического соперничества на рынках Среднего Востока и Средней Азии не утратила своей актуальности. В Санкт-Петербурге не скрывали повышенного интереса к Индии, к развитию взаимовыгодных торговых связей с этой британской колонией. В это время появляются новые подходы, новые взгляды к развитию российско-индийской торговли. Примечательны в этом отношении идеи, высказанные известным отечественным востоковедом, действительным членом Русского географического общества Андреем Евгеньевичем Снесаревым. В ряде работ он особое внимание уделил так называемому «среднеазиатскому» вопросу в соперничестве Англии и России. Суть этого вопроса автор выразил следующим образом: «Энергия поступательного движения России и Англии переходит в соперничество по сближении этих стран до политического соприкосновения, причем перекрещивание интересов совершается на фоне самобытного, продолжающего существовать и восходящего в своем значении азиатского мира» [Снесарев, А.Е., 1906, с. 3–4]. Автор полагал, что причинами неудач России в ее борьбе с Англией за влияние на Востоке стали большая культура Британии, ее богатство, большая гибкость и разнообразие политических приемов [Там же, с. 7]. Приводя многочисленные исторические примеры, проявляя хорошее знание фактического материала, Андрей Евгеньевич доказал, что столкновение интересов Англии и России в Средней Азии из-за «мнимых посягательств» на Индию стало неизбежным вследствие особой позиции Лондона. Востоковед писал: «Индия так дорога Британии, что, по словам Керзона, каждая английская семья пошлет своего последнего сына для ее защиты» [Там же, с. 35]. Ученый на конкретных примерах доказал эксплуататорскую сущность британской политики в Индии, которую он называл «дренажной». «Отсюда следует, что вот уже более столетия Индия ежегодно отдает Англии на огромную сумму ценностей или, что одно и то же, Англия получает безвозвратно из Индии эту огромную сумму, а, выражаясь специальным термином, дренирует Индию, иссушает» [Там же, с. 56].

К началу XX в. существенно изменился состав экспорта товаров из России в Индию. Ведущую роль в российском экспорте играл керосин. К концу XIX в. увеличили вывоз керосина в Индию и Соединенные Штаты Америки. Если в 1890–1891 гг. Россия вывезла в Индию 32 693 тыс. галлонов керосина, то в 1891–1892 гг. — 27 294 тыс. г, в 1892–1893 гг. — 26 265 тыс. г., в 1893–1894 гг. — 49 427 тыс. г, в 1894–1895 гг. — 26 613 тыс. г. [Гулишамбаров, С.О., 1898, с. 143]. В свою очередь, из Индии в Россию в это время вывозилось 2700 т хлопка-сырца, 810 т индиго, масленичных семян (клещевина) — 960 т, воска — 18,32 т, красильных и дубильных веществ — 148,91 т, чая — 155,76 т [Там же].

Российско-индийская торговля в 1894–1896 гг. характеризовалась следующими показателями:

- 1894 г.: экспорт в Россию — 6,23 млн руб., импорт в Индию — 122 тыс. руб.;
- 1895 г.: экспорт в Россию — 7,672 млн руб., импорт в Индию — 101 тыс. руб.;
- 1896 г.: экспорт в Россию — 8,59 млн руб., импорт в Индию — 63 тыс. руб.

В 1895 г. в Россию были доставлены следующие индийские товары:

- чай на 1 393 тыс. руб.;
- пряности на 94 тыс. руб.;
- кофе на 53 тыс. руб.;
- семена клещевины на 577 тыс. руб.;
- жемчуг и пр. на 81 тыс. руб.;
- масло растительное на 14 тыс. руб.;
- индиго на 1 585 тыс. руб.;
- олово на 30 тыс. руб.;
- хлопок на 2 625 тыс. руб.;
- джут на 1 194 тыс. руб. и т.д.

Из России в Индию в этот же год был доставлен керосин, а также шелк — на 35 тыс. руб., шелковые изделия — на 9 тыс. руб., мишура — на 54 тыс. руб. и пр. [Там же]. Из приведенных данных видно, что Россия намного больше ввозила товара из Индии, чем экспортировала туда.

В марте 1895 г. министр финансов С.Ю. Витте в письме к министру иностранных дел Российской империи А.Б. Лобанову-Ростовскому писал о том, что «наиболее значительным из всех азиатских рынков для сбыта керосина является, как видно из данных торговой статистики, Индия» [АВПРИ, ф. Ср. стол, оп. 485, д. 1111, л. 1]. С.Ю. Витте заметил, что потребление керосина в Индии

за последние 12 лет выросло в 7,5 раз, и Россия стала успешно конкурировать с США, которые до этого доминировали на индийском керосиновом рынке. Вместе с тем, министр обратил внимание на то, что из-за высокой таможенной пошлины (40 копеек золотом с пуда неочищенного риса) Россия сдерживает импорт индийского риса, что неблагоприятно сказывается в целом на российско-индийской торговле. Он предложил А.Б. Лобанову-Ростовскому провести переговоры с правительством Великобритании о взаимном снижении таможенных пошлин: в Россия — с ввозимого индийского риса, а в Индии — с российского керосина. Провести переговоры в Лондоне было поручено российскому послу Е.Е. де Сталь, который в мае 1895 г. проинформировал министра иностранных дел России об их результатах. Правительство Великобритании фактически отклонило просьбу Санкт-Петербурга, мотивируя свое решение тем, что в случае снижения пошлины на российский керосин колониальным властям Индии пришлось бы снижать пошлину и для американского керосина. В период с 1890 до 1894 гг. в Индию было ввезено 100 млн галлонов керосина из России и 103 млн галлонов из США [Там же, л. 6]. Что же касается экспорта риса, то Лондон в этом случае предложил уменьшить пошлину до 5 %.

В 1897 г. в Санкт-Петербурге был поднят вопрос о необходимости учреждения генерального консульства Российской империи в Бомбее. Как отмечал командированный в Индию поручик А.И. Выгорницкий, ему приходилось слышать, что «консульства нет в Индии оттого, что там нет нашей торговли, а от русских коммерсантов приходилось узнавать, что торговли нет в Индии потому, что там нет русского консульства» [РГВИА, ф. 401, оп. 4. д. 61, л. 120–122 об.]. В своей записке по итогам поездки в Индию поручик детально остановился на состоянии российско-индийской торговли. В частности, он отметил, что только в Бухару ежегодно привозится индийского чая на 4 млн руб. Некоторые российские торговцы проявляли повышенное внимание к экспорту индийского чая. Так, российская чайная фирма Лушина, активно действовавшая в Китае, проявляла интерес к вывозу индийского чая в Россию. С этой целью ее представители изучали вопрос о возможности открытия своего отделения в Бомбее.

Также А.И. Выгорницкий отметил огромный сбыт российского керосина: ежемесячно в Индию отправлялось 10 пароходов, груженных керосином по 120 тыс. ящиков на каждом судне (общий вес 200 тыс. пуд). Если в Батуме этот груз стоил 180 тыс. руб., то в Индии — уже 260 тыс. руб. Интерес к сбыту керосина проявляли многие отечественные фирмы. Некоторые из них направляли в Индию специальных агентов для изучения местного рынка. Также автор записки отметил происки конкурентов, которые распространяли всякие небы-

лицы о России, чем подрывали доверие к стране. В конце своей аналитической записки поручик делает вывод: «В Азии, где внешность имеет громадное значение, важно, чтобы представительство было обставлено возможно широко, не жалея средств, которые во всяком случае окупятся последствиями важными как в торговом, так и политическом отношении» [Там же, л. 122 об.].

Если в прежнее время зеленый чай попадал в Среднюю Азию из Китая через склад в Бомбее, а затем через Пешавар и Афганистан в Бухару, то в 90-е гг. с постройкой Закаспийской железной дороги зеленый чай вывозился из Бомбея через территорию Ирана (Бендер-Бушир), Ашхабад, а оттуда — в Бухару и Хиву. Как отмечалось в литературе того времени, «хотя путь через Персию столь же и даже более продолжителен, как через Афганистан, но здесь чайные грузы не были в опасности от расхищения грабителями и оплачивались пачем (2,5 % пошлина) только один раз, тогда как в Афганистане каждый бек, через область которого проходили такие грузы, считал себя в праве взимать пач» [Подробный, с. 34]. После разрешения транзита чая через Батум наблюдалось увеличение привоза зеленого чая в Россию на судах Добровольного флота.

Кроме зеленого чая из Индии в среднеазиатские владения России поступали и другие товары. К концу века общий привоз товаров только в Бухару оценивался в 13 274 000 руб. В этом объеме англо-индийские товары составляли 4 774 000 руб., персидские — 2 000 000 руб., афганские — 6 500 000 руб. [Там же, с. 37].

В 1897–1898 гг. из России была снаряжена специальная научная экспедиция в Индию с целью изучения чайных плантаций и чайного рынка. В дальнейшее путешествие отправились отечественные агрономы, ботаники, географы и другие ученые и специалисты. Их отчеты, опубликованные в России, — ценный источник по истории Индии и Цейлона конца XIX в.

Таким образом, во второй половине XIX века взаимовыгодные торгово-экономические отношения между Россией и Индией значительно упрочились. За несколько десятилетийкратно выросли объемы внешнеторговых операций как по сухопутной границе в Средней Азии, так и в ходе морских перевозок. Позитивное влияние на развитие российско-индийской торговли оказало открытие Суэцкого канала, что позволило намного сократить время, а также учреждение прямых морских рейсов, выполняемых отечественными торговыми судами из портов Балтийского, Черного, Азовского морей, а также из тихоокеанских портов Дальнего Востока. Главным экспортным товаром из России к концу века стал керосин, который находил сбыт в разных районах Индии. Из Индии же в Россию в огромном объеме вывозились чай и другие сельскохозяйственные культуры.

Примечания

1. АВПРИ, ф. Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 902, л. 19–27 об.
2. АВПРИ, ф. СПб. Главный архив, 1-9, 1873–1875, оп. 8, д. 5, л. 21–25.
3. РГВИА, ф. 846, оп. 2, д. 3, л. 9–12.
4. РГВИА, ф. 431, оп. 1, д. 21, л. 551–581.
5. РГВИА, ф. 846, оп. 2, д. 3, л. 105–116 об.
6. РГИА, ф. 401, оп. 4, д. 61, л. 120–122 об.
7. РГИА, ф. 1072, оп. 1, д. 29, л. 29–30.
8. *Гулишамбаров, С.О.* Всемирная торговля в XIX в. и участие в ней России / С.О. Гулишамбаров. — СПб.: Типография В. Киршбаума, 1898. — 230 с.
9. *Костенко, Л.* Путешествие русской миссии в Бухару в 1870 году / Л. Костенко // Военный сборник. — Т. 75. — 1870. — С. 249–260.
10. *Костенко, Л.* Описание путешествия русской миссии в Бухару в 1870 году / Л. Костенко // Военный сборник. — Т. 75. — 1870. — С. 381–410.
11. *Львов, И.* Ханство Бухарское / И. Львов // Современная летопись: Воскресные прибавления к «Московским ведомостям». — 1868. — № 22. — 23 июня. — С. 1–4.
12. Подробный указатель по отделам Всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 г. в Нижнем Новгороде. — Отд. XIV: Закаспийская область. — М.: Типо-литография «Русского Товарищества печатного и издательского дела», 1896. — 28 с.
13. Русско-индийские отношения в XIX в.: Сборник архивных документов и материалов. — М.: Восточная литература, 1997. — 374 с.
14. *Скальковский, К.А.* Суэцкий канал и его значение для русской торговли / К.А. Скальковский. — СПб.: Типография Товарищества «Общественная польза», 1870. — 316 с.
15. *Скальковский, К.А.* Путевые впечатления в Испании, Египте, Аравии и Индии. 1869—1872 / К.А. Скальковский. — СПб.: Типография Товарищества «Общественная польза», 1873. — 323 с.
16. *Скальковский, К.А.* Русская торговля в Тихом океане. Экономическое исследование русской торговли и мореходства в Приморской области Восточной Сибири, Корее, Китае, Японии и Калифорнии / К.А. Скальковский. — СПб.: Типография А.С. Суворина, 1883. — 515 с.
17. *Снесарев, А.Е.* Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе: Взгляд туземцев Индии на англичан и их управление / А.Е. Снесарев. — СПб.: Типография А.С. Суворина, 1906. — 173 с.

18. Черемшанский, В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом этнографическом и промышленном отношениях / В.М. Черемшанский. — Уфа: Типография Оренбургского губернского правления, 1859. — 472 с.

19. Annual Report on the Commercial Relations between the United States and foreign Nations. — Washington: Government Printing Office, 1872. — 1156 p.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Торговые связи России и Индии насчитывают несколько веков. Без преувеличения можно сказать, что они восходят ко времени формирования Древнерусского государства. Об этом свидетельствуют артефакты, найденные археологами в разных районах России — от Волги до Великого Новгорода. На ранних этапах отечественной истории при отсутствии прямых, непосредственных торговых контактов возможность приобретать индийские товары была у отечественных купцов на рынках Волжской Булгарии, Хазарии и других местах. Отсюда же русские товары попадали в далекую Индию.

В эпоху средневековья усиливается интерес в России к Индии. Причем этот интерес во многом определялся развитием торговли. Не случайно знаменитый русский путешественник Афанасий Никитин, совершивший в 1468–1474 гг. дальнейшее путешествие в Турцию, Персию и Индию, своей целью ставил именно торговый интерес. Находясь в Индии, он на месте познакомился с местной торговлей, а позже в своем «хождении» описал увиденное. Можно предположить, что Афанасий Никитин был далеко не первым русским, побывавшим в Индии. Задолго до его путешествия немало русских попали в плен и были проданы в неволю, вывезены через Крым, Кавказ и Астрахань в страны Востока, включая Индию.

Всплеск интереса к Индии происходит в период правления Иоанна Васильевича Грозного, когда английские купцы настойчиво добивались от русских властей разрешения на транзитную торговлю с Индией и другими странами Азии. Завоевание Астраханского ханства и превращение Волги в великую русскую реку на всем ее протяжении открыли новую страницу в российско-индийских отношениях: появилась возможность прямой торговли русских и индийских купцов в Астрахани.

В XVII в. в период правления царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича индийские товары все чаще стали проникать на территорию России. В это время существовало несколько каналов их поставки: 1) транзитом из Европы (преимущественно из Великобритании, Португалии, Франции и Голландии); 2) транзитом из среднеазиатских ханств; 3) из Астрахани и Ирана; 4) из Османской империи. Преимущественно это были товары, ориентированные на зажиточные слои российского общества.

В XVIII в. открылись новые перспективы для развития российско-индийской торговли. Это было связано с началом активного торгового мореходства со времен Петра Великого, основанием г. Оренбурга — нового форпоста российско-восточной торговли, продвижением России на центральноазиат-

ском и среднеазиатском направлениях. В это время расширяются знания россиян об Индии, а в стратегических планах российских властей все чаще упоминается Индия. На протяжении всего столетия отмечаются прямые контакты российских и индийских торговцев как в Астрахани, так и на территории Оренбуржья и ханств Средней Азии. В это время отечественный торговый капитал проникает все глубже в Азию, приближаясь к границам Индии. Чаще отмечаются случаи появления российских подданных в этой далекой стране. Наконец, индийские торговые караваны отмечаются на Оренбургской пограничной линии.

Новым этапом в развитии торгово-экономических отношений Российской империи с Индией стала первая половина XIX в. Практически все научные, военно-разведывательные и прочие экспедиции, направленные Санкт-Петербургом в ханства Средней Азии и Афганистан, ставили целью сбор всей имеющейся информации о торговых путях в Индию, о сбыте индийских товаров на местных рынках, о возможностях установления прямой торговли. В эти десятилетия поток индийских товаров в Россию вырос, как увеличился и российский экспорт в Индию. Как отмечали российские путешественники, отечественные товары можно было встретить в самых разных районах Индии, особенно знаменитые русские сундуки, которые пользовались большой популярностью у индийских покупателей. Новым фактором в российско-индийской торговле стало установление британского владычества на полуострове Индостан, завершившееся в первой половине XIX столетия. Англо-российское соперничество стало накладывать отпечаток на российско-индийскую торговлю.

Значительный рост внешнеторговых операций между Россией и Индией относится к периоду после Крымской войны, когда в период реформ были сняты многие искусственные преграды на пути взаимной торговли. Установление прямого паромного сообщения между российскими портами и портами Индии, выход России к афганской границе за счет включения среднеазиатских владений в состав империи, проявление повышенного интереса отечественных торговцев и предпринимателей к дальним азиатским рынкам — все это стимулировало расширение и углубление взаимовыгодной российско-индийской торговли, особенно в последние десятилетия XIX века.

Таким образом, российско-индийские торговые связи, насчитывающие многовековую историю, явились примером взаимовыгодного сотрудничества между народами двух великих государств. Примечательно, что традиции взаимодоверия, нескрываемого интереса к культуре друг друга прошли испытание временем. Народам Индии и России можно гордиться историческим опытом взаимодействия, подлинной искренней дружбы и взаимодоверия.

ИСТОЧНИКИ

Неопубликованные источники

1. Архив Внешней политики Российской империи (АВПРИ)

Санкт-Петербургский Главный архив.

Главный архив I-1:

1819–1869 гг., д. 218.

1830 г., оп. 781, д. 69, 70.

1845 г., д. 85.

Главный архив I-5:

1823 г., оп. 4, д. 1, п. 14.

Главный архив I-6:

1836 г., оп. 5, д. 2.

Главный архив I-7:

1802–1812 гг., оп. 6, д. 2.

оп. 6, д. 1820-1, папка 15.

Главный архив I-8:

1801 г., д. 2, д. 4.

1830–1832 гг., оп. 7, д. 1.

Главный архив I-9:

1832–1848 гг., д. 12.

1836–1864 гг., д. 5.

1840–1841 гг., оп. 8, д. 7.

1847–1854 гг., оп. 8, д. 11.

Главный архив I-10:

1798 г., д. 1, папка 1.

Главный архив II-3:

1817-3.

1823 г., д. 3, д. 9.

1831 г. оп. 34, д. 5, ч. 1, д. 8, д. 9.

1846 г., д. 5.

1847–1854 гг., оп. 8, д. 11.

Главный архив II-10:

1836–1844 гг., д. 3.

Главный архив II-11:

1819 г., оп. 50, д. 4.

Главный архив II-18:
1819–1869 гг., оп. 8, д. 1.
Главный архив IV-3:
1833–1835 гг., оп. 120, д. 1.
Ф. Сношения России с Бухарой:
оп. 1091, д. 1, 1808.
Ф. Сношения России с Персией:
оп. 77/5, кн. 10.
оп. 528а, д. 249, 456.
1767–1769 гг., д. 16.
Ф. Миссия в Персии:
1839 г., оп. 528а
Ф. Трухменские дела, 1775–1778 гг.:
д. б/н.
Ф. Зюнгорские дела:
1741–1742 гг., оп. 113/1, д. 3.
1755–1757 гг., оп. 113/1, д. 4.
Ф. Сношения России с Китаем:
1725 г., д. 2, 3, 4, 6.
1726 г., д. 4, 6.

2. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

Данзас Александр Логинович, генерал от инфантерии. Ф. 67, д. 103.
Описания и карты путей сообщения Российской империи. Ф. 422, д. 1663.
Карты частей света. Ф. 427, оп. 1, д. 251.
Военные действия в Средней Азии. Ф. 483, д. 1.
Военно-ученый архив. Ф. 846, оп. 2, д. 3.

3. Российский государственный архив древних актов (РГАДА)

Ф. 276, 1770 г., оп. 1, д. 644.
Ф. 248, 1-й Департамент Сената, 1752 г., оп. 113.
Ф. 397, оп. 1, д. 441.
Ф. 1069, оп. 1, д. 28.

4. Российский государственный исторический архив (РГИА)

Ф. 1281, оп. 4, д. 22.
Ф. 1265, оп. 3, д. 167.

5. Архив Российской академии наук (Архив РАН)

Ф. 157, оп. 1, д. 16, д. 23, д. 128, д. 129.

6. Отдел рукописей и редких книг Российской национальной библиотеки

Ф. В.С. Попова, оп. 1, д.10.

7. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО).

Ф. 1 — Оренбургская экспедиция. Опись 2, д. 48.

Ф. 3 — Политические отношения с казахскими жузами и государствами Средней Азии:

Опись 1. Д. 26, 27, 29, 31, 49, 54, 57, 67, 70, 104, 144, 154, 186, 194.

Опись 10. Д. 1, 403.

Ф. 5 — Оренбургская пограничная комиссия:

Опись 2. Д. 1–5.

Ф. 6 — Дела о русских посольствах в Хиву и Бухару, о бухарских, хивинских, кабульских, кокандских и казахских посольствах в Россию:

Опись 1. Д. 160, 199, 317, 347, д. 416а.

Опись 2. Д. 625/1.

Опись 3. Д. 2477, 2642, 6669, 7034.

Опись 4. Д. 7876а, 8963.

Опись 7. Д. 778.

Опись 10. Д. 1, 2, 9, 11, 13, 116, 207а, 219, 266, 279, 288, 291, 368, 394-а, 402, 403, 464, 626, 654, 732, 738, 790, 830, 3578, 3670, 3761, 3777, 3778, 4110, 4778.

Опись 10/2. Д. 2.

Ф. 64 — Караваны:

Опись 8. Д. 40.

Ф. 92 — Торговля с Индией и Китаем:

Опись 2. Д. 14.

Ф. 153 — Оренбургская таможня:

Опись 2. Д. 12.

Ф. 166 — Торговля:

Опись 1. Д. 8.

Опись 4. Д. 18.

Ф. 339.

Опись 1. Д. 29.

Ф. 394.

Опись 1. Д. 4758.

Ф. 822.

Опись 1, д. 92.

8. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО)

Ф. 196 — Симбирская Ярмарочная исполнительная комиссия:

Опись 1. Д. 27, 30, 38, 40.

Ф. 746 — Сенгилеевский городской магистрат:

Опись 4. Д. 40.

Опубликованные источники

1. Адрес-календарь Оренбургского края, с приложениями 1849 года. — Уфа: Тип. Губернского правления, б.г. — 33 с. + 40 с.

2. Акты, собранные Археографической комиссией (АКАК). Т. 1–10. — Тифлис, 1866–1886.

3. [Амиров, Габайдулла]. Странствования Габайдуллы Амирова по Азии // Азиатский вестник. — 1825. — Январь–апрель.

4. Андреев, И.Г. Описание Средней орды киргиз-кайсаков с касающимися до сего народа, а також и прилежащих к российской границе, по части Колыванской и Тобольской губерний, крепостей, с дополнениями // Новые ежемесячные сочинения. — СПб., 1795–1796.

5. Арсеньев, К.И. Начертание статистики Российского государства: Ч. 1–2. — СПб.: Тип. Имп. Воспитательного Дома, 1818–1819. — Ч. 1: О состоянии народа. — 1818. — 245 с.; Ч. 2: О состоянии правительства. — 1819. — 286 с.

6. Базили, К.М. Босфор и новые очертания Константинополя / Сочинение Константина Базили, с четырьмя гравированными рисунками из альбомов Карла Павловича Брюллова: Ч. 1–2. — СПб.: Тип. Н. Греча, 1836. — Ч. 1. — 312 с.; Ч. 2 — 276 с.

7. [Базили, К.М.] О мануфактурной промышленности в Сирии / Цит. по: Сирия, Ливан и Палестина в описаниях российских путешественников, консульских и военных обзорах первой половины XIX века. — М.: Наука, 1991. — С. 276–278.

8. Березин, И. Индусы на Апшеронском полуострове (Из путевого журнала) // Отечественные записки. — Т. 43. — СПб., 1845.

9. Березин, И.Н. Путешествие по северной Персии. — Казань, 1852.

10. Березин, И. Об учреждении Азиатской компании в начале нынешнего столетия // Вестник промышленности. — Т. X. — 1860. — № 12.

11. [Бланкеннагель.] Замечания майора Бланкеннагеля впоследствии поездки его из Оренбурга в Хиву в 1793–1794 годах. — СПб.: Типография Морского Министерства, 1858.

12. *Бларамберг, И.Ф.* Статистическое обозрение Персии (составленное полковником И.Ф. Бларамбергом в 1841 году). — СПб., 1853
13. [*Блудова, А.Д.*] Воспоминания графини Антонины Дмитриевны Блудовой (писаны в 1867 году) // *Русский Архив*. — 1889. — Кн. 1. — № 1.
14. *Борнс, А.* Путешествие в Бухару. — М., 1848–1850. — Т. III.
15. *Бухари Мирза-Шемс.* О некоторых событиях в Бухаре, Хоканде и Кашгаре. — Казань, 1861.
16. *Валиханов, Ч.Ч.* О торговле в Кульдже и Чугучаке // *Собрание сочинений*. Т. 2. — Алма-Ата, 1962.
17. *Валиханов, Ч.Ч.* Архивные материалы о русско-джунгарских и китайских отношениях // *Собрание сочинений*. Т. 3. — Алма-Ата, 1964.
18. *Вамбери, А.* Путешествие по Средней Азии. Описание поездки из Тегерана через Туркменскую степь, по восточному берегу Каспийского моря Хиву, Бухару и Самарканд, совершенной в 1863 г. Арминием Вамбери, членом Венгерской Академии. — М., 1867; СПб., 1865.
19. *Вамбери, А.* В столице Хорасана. Из дополнительных очерков Вамбери к «Путешествию по Хиве и пр. 1865 г.». — *Туркестанский сборник*. Т. 4. — СПб., 1869.
20. *Вамбери, А.* От Мешхеда до Тегерана. — *Туркестанский сборник*. Т. 16. — 1869.
21. *Вамбери, А.* Очерки Средней Азии. Дополнение к «Путешествию по Средней Азии». — М.: Издание А.И. Мамонтова, 1868. — 361 с.
22. *Вамбери, А.* История Бохары, или Трансаксонии, с древнейших времен до настоящего. По восточным обнаруженным и необнаруженным рукописным источникам, первый раз обработанным Германом Вамбери. Т. 1–2. — СПб., 1873.
23. *Вамбери, А.* Путешествие по Средней Азии. — М.: Восточная литература, 2003.
24. *Венюков, М.И.* Из воспоминаний М.И. Венюкова: Кн.1–2. — Амстердам, 1895–1901. — Кн. 1: 1832–1867. — 1895. — 419 с.; Кн. 2: 1867–1876. — 1896. — 285 с.
25. [*Веселовский, Н.И.*] Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 1–3. — СПб., 1890.
26. [*Воейков, А.И.*] Очерки из путешествия по Индии и Японии д. чл. ИРГО А.И. Воейкова. — СПб., 1878.

27. [Воейков, А.И.] Путешествие д. чл. ИРГО А.И. Воейкова по Индии // Известия Императорского русского географического общества. Вып. 3, т. 12. — СПб., 1876.
28. Галкин, М.Н. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. — СПб., 1867.
29. Генс, Г. Дорога из Семипалатинской крепости в Кашгар, Кокан и Ташкент / Составлено Г. Генсом по рассказам татарина Муртазы Фейз-Уддина-Марзяна // Записки Имп. Русского географического общества. Т. 10. — СПб., 1855.
30. Герц, К. О европейской и преимущественно российской торговле с Турцией и Персией. — М., 1839.
31. Гримм, Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). — М., 1927.
32. [Данибегашвили, Р.] Путешествия Рафаила Данибегашвили в Индию, Бирму и другие страны Азии 1795–1827. — М.: Прогресс, 1969.
33. Данилевский, Г. Описание Хивинского ханства // Записки РГО, кн. V. — СПб., 1851. — С. 62–139.
34. Договоры России с Востоком, политические и торговые, собранные и изданные Т. Юзефович. — СПб., 1896.
35. Дм. Д[олгорук]ий. Пять недель в Кокане / Русский вестник. — 1871. — № 1. — С. 317.
36. Дорога из Семипалатинской крепости в Кашгар, Кокан и Ташкент. Составлено Г. Генсом по рассказам татарина Муртазы Фейз-Уддина-Марзяна // Записки РГО. Т. 10. — СПб., 1855.
37. Друвиль, Г. Путешествие в Персию в 1812–1813 гг. Ч. 1–2. — М., 1826.
38. [Ефремов, Ф.] Российского унтер-офицера Ефремова, ныне коллежского асессора, десятилетнее странствование и приключения в Бухарии, Хиве, Персии и Индии, возвращение оттуда через Англию и Россию, описанное им самим. — СПб., 1786; Его же: Ефремов Филипп. Десятилетнее странствование. — М.: Географгиз, 1952. — 87 с.
39. Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярях и бобылях / Сост., автор вступительных статей и примечаний Ф.Х. Гумеров. — Уфа: Китап, 1999.
40. Замечания касательно торговли с бухарцами // Стат. журн. Т. 2, ч. 2. — 1808. — С. 313–327.

41. Замечания майора Бланкеннагеля впоследствии поездки его из Оренбурга в Хиву в 1793–1794 годах. — СПб.: Типография Морского министерства, 1853. — 32 с.
42. Записки Мехти Рафаилова // Российские путешественники в Индии. XIX — начало XX в. Документы и материалы. — М.: Наука, 1990. — С. 31–81.
43. Записки Мирзы Шемса Бухари / Персид. текст, пер. В.В. Григорьева. — Казань, 1861. — 337 с.
44. Записки о Бухарском ханстве. (Отчеты П.И. Демезона и И.В. Виткевича). — М.: Наука, 1983. — 149 с.
45. Записки о Кокандском ханстве хорунжева Потанина (1830 г.) // Вестник РГО за 1856 г. Кн. 4. — М., 1857.
46. *Зубов, А.* Общее обозрение торговли с Азией // Русский архив. — 1873. — Кн. 1.
47. Известия о Бухарии // Месяц. ист. и геогр. на 1779 г. — С. 113–126.
48. Изъяснение о способах к производству российской коммерции из Оренбурга с Бухарскою, а из оной и с Индийскими областями // Ежем. соч. и изв. — 1763. — Ноябрь. — С. 401–408.
49. История Татарии в материалах и документах / Институт истории Академии наук и Татарский НИИ марксизма-ленинизма. — М.: Соцэкгиз, 1937. — 503 с.
50. *Кайданов, Н.И.* Систематический каталог делам Государственной Коммерц-коллегии. — СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1884. — 408 с.
51. *Кайданов, Н.И.* Систематический каталог делам Комиссии о коммерции и о пошлинах, хранящихся в архиве Департамента таможенных сборов. — СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1887. — 91 с.
52. *Кайданов, Н.И.* Систематический каталог делам Сибирского приказа, Московского комиссариатства и других бывших учреждений по части промышленности и торговли, хранящихся в Архиве Департамента таможенных сборов. — СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1888. — 204 с.
53. Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867 гг.). Сборник документов и материалов / Сост. Ф.Н. Киреев и др. — Алма-Ата: Наука, 1964. — 576 с.
54. *Кафтырев, Д.И.* Исторические, географические и статистические сведения о Персии. — СПб., 1839.
55. *К. де Бруин.* Путешествия в Московию. В кн.: Россия 18 в. глазами иностранцев. — Л.: Лениздат, 1989. — С. 168.

56. *Клемм, М.В.* Современное состояние торговли в Бухарском ханстве // Сборник материалов по Азии. Вып. 33. — СПб., 1888.
57. *Кобеко, Д.* Путешествие Карелина по Каспийскому морю в 1836 г. — СПб., 1891.
58. *Корф, Ф.* Воспоминания о Персии. 1834–1835 гг. — СПб.: Гуттенбергова типография, 1838.
59. *Липовцев, С.В.* О возмущениях, бывших в Дзюгарии и Малой Бухарии // Сибирский вестник. — 1823. — № 3–4.
60. Магазин чаев и особое отделение вин и колониальных товаров А.В. Андреева, на Тверской, в собственном доме. На 1856 год. — М.: Тип. С. Селивановского, 1865. — 72 с.
61. [*Малиновский, А.Ф.*] Известие об отправлениях в Индию российских посланников, гонцов и купчин с товарами и о приездах в Россию индейцев с 1459 по 1751 год // Труды и летописи Общества истории и древностей российских при Московском университете. Ч. VII. — М., 1837.
62. [*Мартенс, Ф.Ф.*] Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 9. — СПб., 1895.
63. Материалы для статистики Российской Империи, издаваемые [...] при статистическом отделении Совета Министерства Внутренних дел: Т. 1–2. — СПб.: Министерство внутренних дел, 1839–1841. — Т. 1. — 1839. — 150, 189, 275, 44 с.; Т. 2. — 390, 205, 144 с.
64. Материалы по истории казахских ханств в XV–XVIII веках. — Алма-Ата, 1969.
65. Материалы по истории Казахской ССР. Т. 4 — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. — 543 с.
66. Материалы по истории Средней и Центральной Азии XV–XIX вв. / Отв. ред. Б.А. Ахмедов. — Ташкент: Фан, 1988. — 413 с.
67. Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 2. XVI–XIX в. Иранские, бухарские и хивинские источники / Под ред. В.В. Струве, А.К. Боровкова, А.А. Ромаскевича и П.П. Иванова. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. — 687 с.
68. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. 1. — Л., 1932.
69. *Мейендорф, Е.К.* О Бухарской торговле // Мануфактура и торговля. — 1832. — № 6.
70. *Мейендорф, Е.К.* Путешествие из Оренбурга в Бухару / Пер. Е.К. Бетгера. — М.: Наука, 1975. — 180 с.

71. [Мельгунов, Г.В.] О южном берегу Каспийского моря. Замечания Г. Мельгунова. — СПб., 1863. — 375 с.

72. Могутов, В. Редкое и достопамятное известие о бывшей из России в Великую Татарию экспедиции под именем Посольства принадлежащее к пользе в службе находящимся и в коммерции упражняющимся Всеавгустейшей монархии посвященное. — СПб.: Тип. Вейбрехта и Шнора, 1777. — 63 с.

73. [Муравьев, Н.Н.] Записки Н.Н. Муравьева-Карского 1819–1820 и 1821 гг. — Русский архив. — 1885. — № 1–3; 1886. — № 12.

74. Назаров, Ф. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. — М.: Главная редакция восточной литературы, 1968. — 77 с.

75. Неболсин, Г.П. Статистические записки о внешней торговле России. / Составленные Григорием Неболсиным. Ч. 1–2. — СПб.: Тип. Департ. внешн. торг., 1835. — Ч. 1. — 233 с.; Ч. 2. — 283 с.

76. Неболсин, Г.П. Статистическое обозрение внешней торговли России. Ч. 1–2. — СПб., 1850.

77. Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию, [1715–1886]: Материалы к истории изучения Средней Азии: [В 4-х ч.] / Сост. О.В. Маслова. — Ташкент: Изд-во САГУ, 1955–1962. — Ч. 1: 1715–1856. — 1955. — 83 с.; Ч. 2: 1856–1869. — 1956. — 102 с.

78. Обозрение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии // Записки Имп. Русского географического общества. Кн. 3. — СПб., 1849.

79. Обозрение российских владений за Кавказом, в статистическом, этнографическом, топографическом отношениях, произведенное и изданное по Высочайшему соизволению. Ч. 1–4. — СПб.: Тип. Департ. внешн. торг., 1836. — Ч. 1. — 399 с.; Ч. 2. — 401 с.; Ч. 3. — 392 с.; Ч. 4. — 401 с.

80. О движении Российской торговли с Персией в 1839 г. // Мануфактура. — 1840. — № 7.

81. О нынешнем состоянии города Астрахани // Месяц. ист. и геогр. на 1785 г. — С. 1–32.

82. Описание Бухарского ханства. — СПб., 1843.

83. Описание Средней орды Киргиз-Кайсаков, с касающимися до сего народа, також и прилежащих к Российской границе, по части Колыванской и Тобольской губерний, крепостей дополнениями // Нов. ежем. соч. [1795], ч. 110, август — С. 65–91; ч. 111, сентябрь — С. 20–45; ч. 112, октябрь — С. 17–35; ч. 113, ноябрь — С. 27–44; ч. 114, декабрь — С. 79–85; [1796], ч. 115, январь — С. 53–67; ч. 116, февраль — С. 73–89; ч. 117, март — С. 73–89; ч. 118, апрель — С. 61–77.

84. *Паллас, П.С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. — СПб., 1773. — Т. 1.

85. Персия, Туркестан, Хива, Индия, Ост-Индская компания, Китай, Российско-Американская компания и Соединенные Северо-Американские штаты с понятием пространства земли, числа мест одного и другого. — М., 1855.

86. *Пестов, И.* Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири, 1831 года / Составленные Статским советником И. Пестовым. — М.: Универ. тип., 1833. — 297 с.

87. Подробное описание Персии и государств Кабула, Сеистана, Синда, Балха, Белуджистана, земли Хорасана, также Грузии. — Т. 1–3. — М., 1829.

88. Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740–1741 годах Гладышевым и Муравиным. Издана с приобщением современной карты Миллера пути от Орска до Зюнгорских владений и обратно Я.В. Ханыковым. — СПб., 1851. — 85 с.

89. Поездка Н.И. Любимова в Чугучак и Кульджу в 1845 году под видом купца Хорошева. — СПб., 1909.

90. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. 1–38. — СПб., 1830.

91. *Потанин, Г.Н.* Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных странах. Т. 2. Вып. 1. — СПб., 1873.

92. Прейскурант китайских чаев Фучанской плантации П.В. Лаврентьева, находящихся в Москве, в Ростове, в Кутаиси. — М.: Тип. Лазаревского института, б.г. — 12 с.

93. Прошлое Казахстана в источниках и материалах. Ч. 1. — Алма-Ата; М., 1935.

94. Путешествие в Бухару: рассказ о плавании по Инду от моря до Лагора с подарками великобританского короля и отчет о путешествии из Индии в Кабул, Татарию и Персию, предпринятое в 1831, 1832, 1833 гг. лейтенантом Ост-Индской компании службы А. Борнсом. Т. 1–3. — М., 1848–1849.

95. Путешествие в Индию грузинского дворянина Рафаила Данибегова. — М., 1961.

96. Путешествие китайского посланника к калмыцкому Аюке хану, с описанием земель и обычаев российских. Перевел с маньчжурского на русский язык коллегии иностранных дел надворный советник Алексей Леонтиев. — СПб.: Императорская Академия наук, 1782. — 167 с.

97. Путешествие Мир Иззет Уллы в Кокандское ханство в 1812 году // Труды Среднеазиатского государственного университета им. В.И. Ленина. Т. 11. — Ташкент, 1956.
98. Путешествия по Востоку в эпоху Екатерины II / Сост. А.А. Вигасин, С.Г. Карпюк. — М.: Восточная литература, 1995. — 336 с.
99. Путешествие Яна Потоцкого в Астрахань и окрестные страны в 1797 году // Исторические путешествия. Извлечения из мемуаров и записок иностранных и русских путешественников по Волге в XY–XYIII вв. — Сталинград: Краевое книгоиздательство, 1936.
100. *Рафалович, А.А.* Записки русского врача, отправленного на Восток // В кн.: Сирия: история, народ, культура / Сост. С. Шумов, А. Андреев. — Киев; М.: Евролинц, 2003. — 240 с.
101. Российские путешественники в Индии. XIX — начало XX в. Документы и материалы. — М.: Наука, 1990. — 301 с.
102. [*Ротчев, А.Г.*] Несколько замечаний касательно владычества английской Ост-Индской компании в Индостане (выдержки из записок русского путешественника) // Отечественные записки. — Т. XXXIII. — 1844. — № 3–4.
103. [*Ротчев, А.Г.*] Правда об Англии и сказания о расширении владений ее во всех частях света А. Ротчева. Изд. 2. — СПб., 1855.
104. Русско-индийские отношения в XVIII в. Сборник документов. — М.: Изд-во вост. лит-ры, 1965. — 455 с.
105. Русско-индийские отношения в XIX в. Сборник архивных документов и материалов. — М.: Восточная литература, 1997. — 374 с.
106. Русско-иранская торговля, 30–50-е гг. XIX века. Сборник документов / Сост. Н.Г. Куканова. — М.: Гл. ред. восточной литературы, 1984. — 293 с.
107. *Рычков, П.И.* История Оренбургская, по учреждении Оренбургской губернии // Соч. и перев. — 1759, январь. — С. 3–50; февраль. — С. 103–148; март. — С. 203–234; апрель — С. 303–348; май — С. 399–456; июнь — С. 495–514; июль — С. 3–36; август — С. 99–135; октябрь — С. 295–336; ноябрь — С. 391–418.
108. *Рычков, П.И.* Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и Императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым. Ч. 1–2. — СПб.: Имп. Акад. наук, 1762. — Ч. 1. — 331 с.; Ч. 2. — 262 с.
109. *Салтыков, А.Д.* Письма из Восточной Индии (князю П.А. Вяземскому) // Современник. — СПб., т. 26. — 1842; т. 29. — 1843.
110. [*Салтыков, А.Д.*] Письма об Индии князя А.Д. Салтыкова. — М., 1851.

111. *Салтыков, А.Д.* Путешествие в Персию. Письма кн. А.Д. Салтыкова. С портретом Насер-Эддин-Мирзы, Валиата (наследника), ныне шаха Персии. — М.: Университетская типография, 1849. — 77 с.

112. *Самойлов, Л.* Атлас промышленности Московской губернии, составленный Л. Самойловым. Издан иждивением Московского отделения мануфактурного совета. — М.: Универ. тип., 1845. — 57, 128 с., 13 л. карт.

113. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XXIII / Издание военно-ученого комитета Главного Штаба. Секретно. — СПб.: Военная типография, 1886. — 170 с.

114. Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края, составленный А.Г. Серебренниковым. — Ташкент, 1912. — Т. 3. — 142 с.

115. Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. — СПб., 1902.

116. Сборник торговых договоров и других вытекающих из них соглашений, заключенных между Россией и иностранными государствами / Под ред. Н.В. Верховского. — Петроград: Типография В.Ф. Киршбаума, 1915. — 695 с.

117. Сведения о Хивинском ханстве // «Журн. мануфактур и торговли». — СПб., 1843. — Ч. II. — С. 77–162.

118. Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Первого составленный: Т. 1–15. — Издание 1857 г. — СПб.: Тип. Второго отд. Собственной Е.И.В. канцелярии, 1857. — Т. 6: Уставы таможенные. — 594, 94 с.

119. *Северцов, Н.* Путешествия по Туркестанскому краю и исследование горной страны Тянь-Шань. — СПб.: Типография К.В. Трубникова, 1873. — 462 с.

120. *Соймонов, Ф.Ф.* Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний, яко часть истории государя императора Петра Великого. — СПб., 1763.

121. Сорок один год в Индии. От субалтерна до главнокомандующего / Фельдмаршала лорда Робертса Кандагарского. — Т. 1. — СПб., 1902. — 320 с.

122. *Спафарий, Н.Г.* Описания первые части вселенные, именуемой Азией, в ней же состоит Китайское государство с прочими его города и провинции. — Казань, 1910.

123. Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи, Великого княжества Финляндского и Царства Польского, составленные в Статистическом отделении Совета Министерства внутренних дел. — СПб.: Тип. Карла Крайя, 1842. — 74 с.

124. *Стевен, Христиан.* Наставление о шелководстве / Сочиненное помощником Главного инспектора над шелководством в России надворным советником Стевеном. — СПб.: Мед. тип., 1808. — 72 с.

125. Ст-н Н. Путевые заметки о Сирии и Палестине, 1844–1847 // В кн.: *Сирия: история, народ, культура* / Сост. С. Шумов, А. Андреев. — Киев; М.: Евролинц, 2003. — 240 с.
126. Султаны Кенисара и Садык. Биографические очерки султана Ахмета Кенисарина. — Ташкент: Типография С.И. Лахтина, 1889. — 133 с.
127. [Тарасенко-Отрешков, Н.И.] Индия и ее отношение к России. Сочинение Н.И. Тарасенко-Отрешкова. — СПб., 1858.
128. Татищев, В.Н. Записки. Письма. 1717–1750-е гг. — М.: Наука, 1990. — 438 с.
129. Товмас Ходжамалян. История Индии // Армянские источники ХУШ в. об Индии. — Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1968. — 180 с.
130. Трусевич, Х. Посольские и торговые сношения России с Китаем (до XIX в.). — М., 1882. — 304 с.
131. [Рычков, П.] Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым. Ч. 1. — СПб., 1762. — 331 с.
132. Указатель С.-Петербургской выставки русских мануфактурных произведений 1861 года. — СПб.: Тип. Иосафата Огризко, 1861. — 238 с.
133. Уляницкий, В.А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. — М., 1883.
134. Ханыков, Я.В. Описание Бухарского ханства. — СПб., 1843. — 237 с.
135. Ханыков, Я.В. Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства с их окрестностями // Записки РГО. — 1851. — Кн. 5.
136. Хрисанф, митрополит Новопатрасский. О странах Средней Азии, посещенных им в 1790 годах // Чтения в Имп. обществе истории и древностей Российских. Кн. I. — 1861.
137. Хрисанф Неопатрасский. Объяснение Греческого митрополита Хрисанфа Неопатрасского, поданное в 1795-м году князю Zubову для соображений графа Валериана Zubова перед походом его в Персию. Сообщен. Н.Ф. Самарин // Русский архив. — 1875. — Кн. 2. — Вып. 5. — Стб. 863–876.
138. [Цикулин, Д.И.] Необыкновенные похождения и путешествия русского крестьянина Дементия Иванова Цикулина в Азии, Египте, Восточной Индии с 1808 по 1821 год, им самим описанные // Северный архив. — 1825. — № 8, 9.

ЛИТЕРАТУРА

Книги и статьи

1. *Абаева, Т.Г.* Очерки истории Бадахшана. — Ташкент: Наука, 1964. — 163 с.
2. *Абу-Бакр Мухаммад Наршахи.* История Бухары. — Ташкент, 1897. — 54 с.
3. *Аделунг, Ф.П.* Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений. Ч. 1–2. — М.: Университетская типография, 1864. — Ч. 1. — С. 301; Ч. 2. — 264.
4. *Андреев, А.И.* Очерки по источниковедению Сибири. Выпуск второй. XVIII век (вторая половина). — М.; Л.: Наука, 1965. — 364 с.
5. *Аннанепесов, М.* Укрепление русско-туркменских взаимоотношений в XVIII–XIX вв. / Отв. ред. А.А. Росляков. — Ашхабад: АН ТССР, 1982. — 268 с.
6. *Антонова, К.А.* Английское завоевание Индии в XVIII веке. — М.: Восточная литература, 1953. — 326 с.
7. *Антонова, К.А.* Русско-индийские связи // Материалы первой Всесоюзной конференции востоковедов в Ташкенте 4–11 сентября 1957 г. — Ташкент, 1957.
8. *Антонова, К.А.* К истории русско-индийских культурных связей // Исторический архив. — М., 1965. — № 1. — С. 168–175.
9. *Апполова, Н.Г.* Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII века. — Алма-Ата, 1948.
10. *Апполова, Н.Г.* Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX в. — М., 1960.
11. *Арапов, Д.Ю.* Бухарское ханство в русской востоковедческой историографии. — М.: Издательство МГУ, 1981. — 128 с.
12. *Артыкбаев, Ж.О.* История Казахстана в XIX в. — Караганда: КарГУ, 1992. — 94 с.
13. *[Арунова, М.Р.]* История Афганистана. — М.: Мысль, 1982. — 368 с.
14. Афганистан и англичане в 1841 и 1842 годах / Сочинение Карла Фридриха Неймана. Переведено по поручению П.В. Голубкова. — М.: Типография В. Готье, 1848. — 183 с.
15. *Ахмад Дониш.* Путешествие из Бухары в Петербург. (Избранные произведения). Изд. 2-е, перер. и доп. / Пер. с тадж. М.Н. Османова и Л.Н. Демидчик. — Душанбе: Ирфон, 1976. — 280 с.

16. *Баазова, Л.Х.* Библиография Афганистана (история). — Тбилиси: Мецниереба, 1979. — 124 с.
17. *Бабаходжаев, М.А.* Борьба Афганистана за независимость (1838–1842). — М., 1960. — 132 с.
18. *Бабаходжаев, М.А.* Русско-афганские торгово-экономические отношения во второй половине XVIII — начале XX в. — Ташкент: Фан, 1965. — 132 с.
19. *Базили, К.М.* Сирия и Палестина под турецким правительством. — Одесса, 1875 // В кн.: Сирия: история, народ, культура / Сост. С. Шумов, А. Андреев. — Киев; М.: Евролинц, 2003. — 240 с.
20. *Байкова, Н.Б.* Роль Средней Азии в русско-индийских торговых связях (первая половина XVI — первая половина XVIII века). — Ташкент: Наука, 1964. — 192 с.
21. *Бакулин, Ф.А.* Очерки торговли с Персией, Азербайджаном, Мазандараном, Астерабадом. — СПб.: Тип. МПС, 1875. — 125 с.
22. *Бакишилов, С.А.* Некоторые вопросы англо-русского соперничества за влияние в Средней Азии в первой половине XIX века // Исторические науки. — Алма-Ата, 1965. — С. 55–60.
23. *Балаян, Б.П.* Международные отношения Ирана в 1813–1828 гг. — Ереван: АН АрмССР, 1967. — 297 с.
24. *Бартольд, В.В.* История изучения Востока в Европе и России. — Л.: Б.И., 1925. — 318 с.
25. *Бартольд, В.В.* История изучения Востока в Европе и России. — 2-е изд. — Л., 1925. — 320 с.
26. *Бартольд, В.В.* Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. — Баку, 1925.
27. *Баршу де Панозн.* Индия под английским владычеством. — Т. 2. — М.: Университетская типография, 1849. — 415 с.
28. *Басин, В.Я.* Россия и казахские ханства в XVI–XVIII вв. — Алма-Ата: Наука, 1971. — 273 с.; Его же: Казахстан в системе внешней политики России в первой половине XVIII века // В кн.: Казахстан в XVI–XVIII веках. — Алма-Ата: Наука, 1969. — 276 с.
29. *Батраков, В.С.* К истории торговых связей Казахстана с Россией в XVIII–XIX вв. // Труды Среднеазиатского государственного университета. Вып. 78, кн. 11. — Ташкент, 1958.

30. *Безгин, И.Г.* Князя Бековича-Черкасского экспедиция в Хиву и посольства флота поручика Кожина и Мурзы Тевкелева в Индию к Великому Моголу (1714–1717 гг.). — СПб.: Типография Р. Голике, 1891. — 239 с.
31. *Безобразов, В.П.* Очерки Нижегородской ярмарки // В кн.: Безобразов В.П. Избранные труды. — М.: Наука, 2001. — С. 33–144.
32. *Бекмаханов, Е.Б.* Присоединение Казахстана к России. — М.: Изд-во АН СССР, 1957. — 342 с.
33. *Березин, И.Н.* Дневник татарина, ходившего в Мекку (по двум рукописям Азиатского музея) // Турецкая хрестоматия. — Т. 2. — Вып. 1. — Казань, 1862. — С. 150–165.
34. *Бетгер, Е.К.* Самарский купец Данила Рукавин и его караван в Хиву в 1753 г. // ИАН ТССР. — 1952. — № 6. — С. 8–11.
35. *Бичурин, Н.Я.* (Иакинф). Описание Чжуньгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии. Ч. 1. — СПб., 1829.
36. *Бичурин, Н.Я.* (Иакинф). Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. — Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 1991. — 127 с.
37. *Бларамберг, И.Ф.* Статистическое обозрение Персии. — СПб., 1853.
38. *Бобынин, Н.Н.* Персия, ее экономическое положение и внешняя торговля. — Тифлис, 1923. — 557 с.
39. *Бодэ, К.* Очерки туркменской земли и юго-восточного побережья Каспийского моря в 3-х статьях. Отечественные записки. — СПб., июль–сентябрь 1856 г.
40. *Брежнева, С.Н.* Проблема присоединения Туркестанского края к России в дореволюционной историографии. — Тольятти: Современник, 2002. — 141 с.
41. *Бунаков, Е.В.* К истории сношений России со среднеазиатскими ханствами в XIX в // Советское востоковедение. Вып.2. — М.; Л., 1941. — С. 5–26.
42. *Бутков, П.Г.* Материалы для новой истории с 1722 по 1803 г. Ч. 1–3. — СПб., 1869. — Ч. 1.— 548 с.; Ч. 2. — 602 с.; Ч. 3. — 620 с.
43. *Валиева, Д.В.* Среднеазиатско-иранские торговые отношения в первой половине XIX века // Взаимоотношения народов Средней Азии и сопредельных стран Востока в XVIII–XX вв. — Ташкент, 1963.
44. *Венюков, М.И.* Краткий очерк английского владычества в Азии. — СПб., 1875.
45. *Венюков, М.И.* Россия и Восток. — СПб., 1877.
46. *Веселаго, Ф.Ф.* Очерк русской морской торговли. — СПб., 1874.

47. *Венюков, М.И.* Краткий очерк английского владычества в Азии. — СПб., 1875.
48. *Веселовский, Н.И.* Бадаулет Якуб-бек аталык Кашгарский. — СПб., 1898. — 103 с.
49. *Веселовский, Н.* Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего / Н. Веселовский. — СПб.: Типография братьев Пантелеевых, 1877. — 364 с.
50. *Вилков, О.Н.* Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке. — М.: Наука, 1967. — 322 с.
51. *Вилков, О.Н.* Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVII — начала XVIII в. — Новосибирск, 1990. — 252 с.
52. *Витевский, В.Н.* И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Вып. 1. — Казань, 1889. — 661 с.
53. *Виткинд, Н.Я.* Библиография по Средней Азии: Указатель литературы по колониальной политике царизма в Средней Азии / Н.Я. Виткинд. — М.: Издание Комм. Ун-та трудящихся Востока им. И.В. Сталина, 1929. — 165 с.
54. *Витчевский, Ф.* Торговая, таможенная и промышленная политика от Петра I до наших дней / Пер. с нем. — СПб., 1909.
55. *Волков, М.Я.* Центры торговли Европейской России в первой четверти XVIII века. — М.: Ин-т истории, 1986. — 178 с.
56. *Воловников, В.Г.* Путешествия российского «купца-дипломата» // Российские путешественники в Индии, XIX — начало XX в. Документы и материалы. — М.: Наука, 1990. — С. 10–31.
57. *Вравский, А.Б.* Персия (Военно-статистический сборник). Вып. 3. — СПб., 1868.
58. *Вронченко, М.П.* Обзорение Малой Азии в нынешнем ее состоянии, составленное русским путешественником М.В. — Ч. 1. — СПб.: Тип. Карла Крайя, 1839. — 286 с.
59. *Гагемейстер, Ю.А.* О европейской торговле в Турции и Персии. — СПб., 1838.
60. *Гагемейстер, Ю.А.* О теории налогов, примененной к государственному хозяйству. — СПб.: Тип. Journal de St. Petersburg, 1852. — 118 с.
61. *Гагемейстер, Ю.А.* Взгляд на промышленность и торговлю России. — Русский вестник. — 1857. — № 1.
62. *Ганковский, Ю.В.* Миссия Богдана Асланова в Афганистан в 1764 году // Советское востоковедение. — 1958. — № 2. — С. 83–85.
63. *Ганковский, Ю.* Империя Дуррани. — М.: Изд-во восточной литературы, 1958. — 172 с.

64. *Гафарова, М.Г.* Из истории села Татарская Каргала // Татары в Оренбургском крае. — Оренбург: Димур, 1997. — 287 с.
65. *Гафуров, Б.Г.* Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. — М.: Наука, 1972. — 658 с.
66. *Гейнс, А.К.* Киргизские степи // Военный сборник. — 1866. — № 6.
67. *Георги, И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. — М.: Русская симфония, 2005. — 816 с.
68. *Георгиев, В.А.* Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30-х — начале 40-х годов XIX в. — М., 1975. — 198 с.
69. *Герасимов, А.А.* Самара и Самарский уезд в XVIII веке (по записным книгам Печатного приказа) // Классика Самарского краеведения. — Самара, 2002.
70. *Герен, А.Г.* Руководство к истории политической системы европейских государств и колоний их, от образования оной, по открытии обеих Индий, до восстановления оной, чрез низвержение престола Французской империи, и до освобождения Америки. В трех частях. Сочинение Г. Герена / Пер. с 5-го изд. — СПб.: Тип. Х. Гинце, 1832–1834. — Ч. 1. — 1832. — 272 с.; Ч. 2. — 1834. — 389 с.; Ч. 3. — 1834. — 377 с.
71. *Голикова, Н.Б.* Ташкент и его округа в 40-е гг. XVIII в. по свидетельству очевидца // Вестник МГУ: Сер. История. — 1990. — № 6.
72. *Головачев, П.* Сибирь: Природа. Люди. Жизнь. — М.: Типография т-ва И.Д. Сытина, 1905. — 400 с.
73. *Гольдберг, Н.М.* Об обстоятельствах, приведших к установлению в XVIII веке прочных русско-индийских торговых связей // Русско-индийские отношения в XVIII веке. — М.: АН СССР, 1949. — Т. 2. — С. 412–437.
74. *Граммаков, Л.* Меновая внешняя торговля в Оренбургском крае (в XVIII–XIX веках). — «Степные огни», № 4. — Оренбург, 1941. — С. 224–235.
75. *Гранкин, Ю.Ю.* Торгово-экономические связи России с народами Западного и Центрального Кавказа (конец XVIII — первая половина XIX вв.). — Пятигорск: Изд-во Пятигорского лингвистического ун-та, 2002. — 215 с.
76. *Грен, А.* Заметки об укреплениях в Оренбургском крае вообще и на Сыр-Дарьинской линии в особенности / Инженерный журнал. — № 4–5. — СПб., 1861. — 57 с.
77. [Григорьев, В.В.] Разбор сочинения П.И. Небольсина «Очерки торговли России с Средней Азией», составленный корреспондентом Академии наук В.В. Григорьевым // Извлечения из двадцать пятого присуждения учрежденных П.Н. Демидовым наград. — Б.м., б.г.

78. *Григорьев, В.В.* Русская политика в отношении Средней Азии. — СПб., 1874.
79. *Григорян, З.Т.* Присоединение Восточной Армении к России в начале XIX в. — М., 1959.
80. *Грулев, М.В.* Соперничество России и Англии в Средней Азии. — СПб.: Типография В. Березовского, 1909. — 380 с.
81. Губернаторы Оренбургского края / Авт.-сост.: В.Г. Семенов, В.П. Семенова. — Оренбург, 1999. — 400 с.
82. *Гуревич, Б.П.* Вторжение Цинской империи в Центральную Азию во второй половине XVIII века и политика России // История СССР. — 1973. — № 2.
83. *Гуревич, Б.П.* Великоханьский шовинизм и некоторые вопросы истории народов Центральной Азии в XVIII-XIX веках // Вопросы истории. — 1974. — № 9.
84. *Гуревич, Б.П.* Международные отношения в Центральной Азии в XVII — первой половине XIX в. — М.: Наука, 1979. — 311 с.
85. *Гурко-Кряжсин, В.А.* Краткая история Персии. — М., 1925.
86. *Гурьянов, И.* О торговле Нижегородской ярмарки. — Н. Новгород, 1864.
87. *Данциг, Б.М.* Из истории изучения Ближнего Востока в России (вторая половина XVIII в.) // Очерки по истории русского востоковедения. Сборник VI. — М.: Изд-во восточной литературы, 1963. — С. 134–186.
88. *Данциг, Б.М.* Русские путешественники на Ближнем Востоке. — М.: Мысль, 1965. — 272 с.
89. *Даутова, Р.* Сагитова слобода — Татарская Каргала // Татарский мир. — 2003. — № 5.
90. *Дебу, И.П.* Топографическое и статистическое описание Оренбургской губернии в нынешнем ее состоянии / Сочинение тайного советника Иосифа Дебу, автора книги «О кавказской линии и присоединенном к ней черноморском войске». Изданное Александром Ширяевым. — М.: Универ. тип., 1837. — 224 с.
91. *Демкин, А.В.* Внешняя торговля России через Петербургский порт, 1764 г.: ведомость об импорте иностранных товаров. — М.: Изд. центр ИРИ, 1996. — 124 с.
92. *Джамгерчинов, Б.Д.* Очерки политической истории Киргизии XIX века (первая половина). — Фрунзе, 1966.
93. *Джелал Эссад.* Константинополь (От Византии от Стамбула). — М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1919.

94. *Доброклонский, С.* Краткая история российской дипломатии. Соч. С. Доброклонского. — М.: Тип. С. Селивановского, 1830. — 154 с.
95. *Доронин, Б.Г.* Историография императорского Китая XVII–XVIII вв.: отечественные исследования. — СПб.: Филфак СПбГУ, 2002. — 287 с.
96. *Дубман, Э.Л.* Хозяйственное освоение Среднего Поволжья. — Куйбышев, 1991.
97. *Дубровская, Д.В.* Судьба Синьцзяна. Обретение Китаем «новой границы» в конце XIX в. — М.: Институт востоковедения, 1998. — 202 с.
98. *Думан, Л.И.* Аграрная политика цинского (маньчжурского) правительства в Синьцзяне в конце XVIII в. — М.; Л: АН СССР, 1933. — 254 с.
99. *Думан, Л.И.* Некоторые китайские источники по изучению Синьцзяна конца XVIII и начала XIX в. // Библиография Востока. Вып. 8–9. — Л., 1935.
100. *Думан, Л.И.* Завоевание Цинской империей Джунгарии и Восточного Туркестана // Маньчжурское владычество в Китае. — М., 1966.
101. *Ерофеев, Н.А.* Английский колониализм в середине XIX века. Очерки. — М., 1977. — 256 с.
102. *Ефимов, Г.* Очерки по новой и новейшей истории Китая. Изд. 2-е, испр, доп. — М.: Госиздательство политической литературы, 1951. — 575 с.
103. *Жигарев, С.* Русская политика в восточном вопросе (ея история в XVI–XIX вв., критическая оценка и будущие задачи). Историко-юридические очерки Сергея Жигарева. Т. 1–11. — М., 1896.
104. *Жуковский, С.В.* Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. — Петроград, 1915. — 215 с.
105. *Завьялов, В.В.* Исторический обзор путешествий в Бухарию. — Уфа: Губернская типография, 1854. — 28 с.
106. *Залесов, Н.* Очерк дипломатических отношений России с Бухарою с 1836 по 1843 год // Военный сборник. — Т. 27. — 1862.
107. *Запад и Восток: события, люди, их исследователи (XIX–XX вв.)* / Науч. ред. Н.Т. Сапронова. — Воронеж: Изд-во Воронеж. пед. ун-та, 1998. — 87 с.
108. *Западов, А.В.* Индия в русской литературе и журналистике XVIII столетия // Известия Академии наук СССР, отделение литературы и языка. — Т. XV, вып. 2. — М., 1956.
109. *Зарин, В.А.* Запад и Восток в мировой истории XIV–XIX вв. Западные концепции общественного развития и становление мирового рынка. — М.: Наука, 1991. — 264 с.
110. *Зарипов, Ш.* Кочевники Афганистана (XIX–XX вв.). — Душанбе: Ирфон, 1991. — 174 с.

111. *Захаров, В.Н.* Западноевропейские купцы в российской торговле XVIII века. — М.: Наука, 2005. — 716 с.
112. *Зевакин, Е.С.* Роспись торгового пути из Астрахани в Индию в середине XVII в // *Новый Восток*. — Кн. 8–9. — 1925.
113. *Зеленева, И.В.* Геополитика и геостратегия России: XVIII — первая половина XIX века. — СПб.: Изд. дом Санкт-Петербургского госуниверситета, 2005. — 272 с.
114. *Земляницын, И.* Исторический очерк Семипалатинска // *Материалы для статистики Туркестанского края*. Вып. 4. — СПб., 1876.
115. *Зиманов, С.З.* Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX веков. — Алма-Ата, 1960.
116. *Зиновьев, И.А.* Россия и Персия. — СПб., 1912.
117. *Зиновьев, И.А.* Россия, Англия и Персия. — СПб., 1912.
118. *Зияев, Х.* Восстание 1826 г. в Восточном Туркестане. — М., 1952.
119. *Златкин, И.Я.* Русские архивные материалы об Амурсане // *Филология и история монгольских народов*. — М., 1958.
120. *Златкин, И.Я.* История Джунгарского ханства (1635–1758 гг.). — М.: Наука, 1983. — 334 с.
121. *Зобов, Ю.С.* Начальный этап формирования татарского населения Оренбуржья (40–50-е гг. XVIII в.) / *Татары в Оренбургском крае*. — Оренбург: Димур, 1997. — 287 с.
122. *Зонненистраль-Пискорский, А.А.* Международные торговые договоры с Персией. — М., 1831.
123. *Зубов, А.* Описание Нижегородской ярмарки. — СПб., 1839. — 51 с.
124. *Ибрагимов, С.К.* Из истории внешнеторговых связей казахов в XVIII // *Ученые записки Института востоковедения АН СССР*. Т. 19. — М., 1958.
125. *Иванин, М.И.* Описание Зимнего похода в Хиву в 1839–1840 гг. — СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1874. — 268 с.
126. *Иванов, П.П.* Казахи и Кокандское ханство (к истории их взаимоотношений в начале XIX в.) // *Записки Института востоковедения АН СССР*. Т. 7. — М.; Л., 1932.
127. *Иванов, П.П.* Восстание китай-кипчаков в Бухарском ханстве 1821–1825 гг. — М.: АН СССР, 1937. — 132 с.
128. *Иванов, П.П.* Очерки по истории Средней Азии (XVI — сер. XIX в.). — М., 1958.
129. *Игамбердыев, М.А.* Иран в международных отношениях первой трети XIX века. — Самарканд, 1961.

130. *Иоаннисян, А.Р.* Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX века. — Ереван, 1958.
131. Иран. История и культура в средние века и новое время. — М.: Наука, 1980. — 200 с.
132. История Астраханского края. — Астрахань: Издательство Астраханского госпедуниверситета, 2000. — 1122 с.
133. История Ближнего Востока. Документальное историческое исследование / Сост. С.А. Шумов, А.Р. Андреев. — М.: Евролинц, 2002. — 512 с.
134. История внешней политики России: XVIII век / Под ред. Г. Санина. — М.: Международные отношения, 1998. — 304 с.
135. История внешней политики России: XIX век / А. Сатин и др. — М.: Международные отношения, 1999. — 448 с.
136. История Ирана / Сост. С.А. Шумов, А.Р. Андреев. — Киев; М.: Альтернатива-Евролинц, 2003. — 359 с.
137. История Оренбуржья / Сост. Л.И. Футорянский. — Оренбург: Книжное издательство, 1996 г. — 352 с.
138. История отечественного востоковедения до середины XIX века. — М.: Наука, 1990. — 434 с.
139. История предпринимательства в России/ Книга первая. От средневековья до середины XIX века. — М.: РОССПЭН, 2000. — 480 с.
140. История России: Россия и Восток / Сост. Ю.А. Сандулов. — СПб.: Изд-во «Лексикон», 2002. — 736 с.
141. История Средней Азии. Сборник исторических произведений /Сост. А.И. Булдаков, С.А. Шумов, А.Р. Андреев. — М.: Евролинц, Русская панорама, 2003. — 504 с.
142. *Казем-Заде, Ф.* Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии / Пер. с англ. Е.А. Верховской, Н.И. Лисовой. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. — 544 с.
143. *Каландарова, М.С.* Геополитика Англии в Афганистане в первой половине XIX в.: Миссия А. Бернса в Кабуле. — М., 1995. — 25 с.
144. *Камалов, С.К.* Из истории взаимоотношений каракалпаков с другими народами Средней Азии и Казахстана в XVII — начале XX вв. Очерки полит., экон. и культ. связей. — Ташкент: Фан, 1988. — 106 с.
145. *Катанаяев, Г.Е.* Западносибирское служилое казачество и его роль в обследовании и занятии русскими Сибири и Средней Азии. — СПб.: Типография Березовского, 1908. — 115 с.

146. *Катанаев, Г.Е.* Киргизские степи, Средняя Азия и Северный Китай в XVII и XVIII столетиях по показаниям, разведкам, дозим записям и исследованиям западносибирских казаков и прочих служилых сибирских языков // Записки Западносибирского отдела Имп. Русского географического общества. Кн. 14. Вып. 1. — Омск, 1893.

147. *Килевейн, Е.Б.* Отрывок из путешествия в Хиву и некоторые подробности о ханстве во время правления Сеид-Мохаммед Хана, 1856–1860. — СПб., 1861. — 14 с.

148. *Киняпина, Н.С., Блиев, М.М., Дегоев, В.В.* Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. — М.: Издательство МГУ, 1984. — 328 с.

149. Китай в новое и новейшее время / Под ред. А.Н. Григорьева. — М.: Наука, 1981. — 195 с.

150. *Кишмишев, С.О.* Походы Надир-шаха в Герат, Кандагар, Индию и события в Персии после его смерти. — Тифлис: Тип. А.А. Михельсона, 1889.

151. *Клейн, Н.Л.* Предпринимательство и предприниматели в России. Исторические очерки. — Самара, 1994.

152. *Кляшторный, С.Г., Колесников, А.А.* Восточный Туркестан глазами русских путешественников (вторая половина XIX века). — Алма-Ата: Наука, 1988. — 223 с.

153. *Кожевников, М.* Производительность Каспийского моря и пр // Вестник Русского Географического общества. — 1851. — II.

154. *Коити Тоёкава.* Оренбург и оренбургское казачество во время восстания Пугачева (1773–1774 гг.). — М.: Археографический центр, 1996. — 246 с.

155. Кокандское ханство по новейшим сведениям // Военный сборник. Т. 68. Отд. 1, кн. 7. — СПб., 1869.

156. *Колмогоров, Г.В.* О морской торговле Сибири прямо с Западною Европою. — СПб.: Тип. Н. Греча, 1857. — 58 с.

157. *Кологривов, С.Н.* Материалы для истории сношений России с иностранными государствами в XVIII в. // Вестник археологии и истории, издаваемый археологическим институтом. Вып. XX — СПб., 1911.

158. *Комисаренко, А.И.* Внешняя торговля России через Петербургский порт во второй половине XVIII — начале XIX в. Ведомости о составе купцов и их торговых оборотах. — М.: Институт истории СССР, 1981. — 174 с.

159. *Корнеев, В.В.* Центральноазиатский регион в военной политике России (XVIII — начало XX в.) // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. — 2004. — № 4. — С. 5–16.

160. *Корнилович, А.О.* О расширении азиатской торговли / Сочинения и письма. — М., 1957.
161. *Корсак, А.К.* Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем. — Казань: Издание книгопродавца Ивана Дубровина, 1857. — 445 с.
162. *Коссинский, А.* О влиянии правительства на торговлю вообще с показанием важнейших правительственных мер, принятых относительно этой отрасли государственного благоустройства в России. — Харьков, 1845.
163. *Костенко, Л.* Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. — СПб.: Типография В. Безобразова, 1871. — 358 с.
164. *Костомаров, Н.* Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях. — СПб.: Издание Николая Тиблена, 1862. — 299 с.
165. *Костомаров, Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. 3 Вып. 6 и 7. — М.: АО «Книга и бизнес», 1992.
166. [*Красовский М.В.*] Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Область сибирских киргизов. Ч. 2 / Сост. М.В. Красовский— СПб., 1868.
167. *Кузнецов, В.С.* К вопросу о владычестве Джунгарского ханства над Восточным Туркестаном // Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Вып. 5. — Улан-Удэ, 1970.
168. *Кузнецов, В.С.* Экономическая политика цинского правительства в Синьцзяне в первой половине XIX века. — М., 1973.
169. *Кузнецов, В.С.* Империя Цинн и Дурранийская держава // Пятая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 2 — М., 1974.
170. *Куканова, Н.Г.* К вопросу о торговле России с Ираном в 50–80-е гг. XVIII в. — Иран; М.: Наука, 1971.
171. *Куканова, Н.Г.* Очерки по истории русско-иранских торговых отношений в XVII — первой половине XIX века. (По материалам русских архивов). — Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1977. — 288 с.
172. *Куканова, Н.Г.* Торгово-экономические отношения России и Ирана в период позднего феодализма. — Саранск: Изд-во Мордовского университета, 1993. — 168 с.
173. *Куликова, А.М.* Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в. — 1917 г.). — СПб.: Петербургское востоковедение, 1993. — 448 с.
174. *Кулишер, И.М.* История русской торговли и промышленности / Сост. А.В. Куряев. — Челябинск: Социум, 2003. — 557 с.

175. *Куропаткин, А.Н.* Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. — СПб.: Издание Русского Императорского географического общества, 1879. — 435 с.
176. *Куриц, Б.Г.* Колониальная политика России и Китая в XVII–XVIII вв. // Новый Восток. — 1927. — № 19.
177. *Кутлуков, М.* Монгольское государство в Восточном Туркестане // Татаро-монголы в Азии и Европе. — М., 1970.
178. *Кучин, Я.П.* Путеводитель по Волге между Нижним и Астраханью. Изд. 2-е, испр. и доп. — СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1870. — 258 с.
179. [Ламанский, Е.] Индия. Экономический этюд Е. Ламанского. — СПб., 1893.
180. *Ларин, В.Л.* Юго-Западный Китай во второй половине XVII — 70-х гг. XIX в. — М.: ГРВЛ, 1994. — 335 с.
181. *Левтеева, Л.Г.* Присоединение Средней Азии к России в мемуарных источниках (историография проблемы). — Ташкент: Фан, 1986. — 141 с.
182. *Левшин, А.* Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. 3. — СПб., 1832.
183. *Лейтц, А.Ф.* Роль Афганистана в среднеазиатском вопросе. — СПб., 1906.
184. *Люстерник, Е.Я.* Русско-индийские экономические связи в XIX веке. — М.: Наука, 1958. — 223 с.
185. *Люстерник, Е.Я., Шапот, Е.Г.* О некоторых проектах организации русско-индийской торговли в XVIII веке // Ученые записки ЛГУ, серия востоковедческих наук, вып. 9. — 1960. — № 279.
186. *Люстерник, Е.Я.* Русско-индийские экономические, научные и культурные связи в XIX в. — М.: Наука, 1966.
187. *Лякост, Д.* Россия и Великобритания в Центральной Азии. — Ташкент, 1908.
188. *Макшеев, А.И.* Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских. — СПб.: Военная типография, 1890. — 376 с.
189. *Макшеев, А.И.* Карта Джунгарии, составленная шведом Ренатом во время его плена у калмыков с 1716 по 1733 год. — СПб., 1881. — 39 с.
190. *Малиновский, А.Ф.* Известия об отправлениях в Индию российских посланников, гонцов, купчин с товарами и о поездках в Россию индейцев с 1469 по 1751 год // Глазами друзей. Русские об Индии. — М., 1957. — С. 62–97.
191. *Марков, А.* Россия в Средней Азии. — СПб., 1901. — 541 с.

192. *Маркова, О.П.* Русско-иранская торговля в последние десятилетия XVIII в. // Ученые записки Института востоковедения АН Азерб. ССР. Т. 1. — Баку, 1959.
193. *Маркова, О.П.* Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. — М., 1966.
194. *Матвиевская, Г.П.* Оренбург в русско-индийских отношениях XVIII–XIX вв. (Из истории отечественного востоковедения) // История и философия науки: Сборник научных статей / Отв. ред. Г.В. Турцев. — Оренбург: Изд-во Оренбургского государственного педагогического университета, 2002. — С. 75–90.
195. *Матвиевский, П.Е.* Сношения оренбургских татар с Индией в XVIII веке // Аннотированный перечень докладов и сообщений, поступивших на учредительный съезд историко-археологического общества. — Казань, КГУ, 1961. — С. 39–40.
196. *Мельников, А.П.* Очерки бытовой истории Нижегородской ярмарки: Столетие Нижегородской ярмарки. 1817–1917. — Н. Новгород: Издание нижегородского ярмарочного купечества, 1917. — 288 с.
197. *Мельников, П.И.* Нижегородская ярмарка в 1843, 1844 и 1845 гг. — Н. Новгород, 1846.
198. *Мельников, П.И.* Исторический очерк Нижегородской ярмарки. — Н. Новгород, 1850.
199. *Мендельсон, Е.С.* Ремесленное производство и торговля в Афганистане (XIX — начало XX в.). — Ташкент, 1983. — 133 с.
200. *Миллер, Г.Ф.* Известия о песошном золоте в Бухарии // Ежемесячные сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. — СПб., 1760. — Январь — С. 3–55; февраль — С. 103–142.
201. *Миллер, Г.Ф.* История Сибири. Т. 2 — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. — 638 с.
202. *Мориц, Л.Д.* О Каспийском море. — Тифлис, 1865.
203. *Мухаммед Юсуф Муниш.* Муким-ханская история. — Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1956.
204. *Мякушин, Н.Г.* Секретная экспедиция уральских казаков (исторический очерк). — Уральск: Войсковая типография, 1903. — 35 с.
205. *Наливкин, В.П.* Краткая история Кокандского ханства. — Казань, 1886.
206. Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления / Отв. ред. С.Г. Агаджанов, В.В. Трепавлов. — М.: Славянский диалог, 1997. — 416 с.

207. *Небольсин, П.* Заметки на пути из Санкт-Петербурга в Барнаул. — СПб.: Типография Глазунова, 1850. — 248 с.
208. *Небольсин, П.И.* Очерки торговли России с Средней Азией // Записки Императорского Русского географического общества. Кн. 10. — СПб., 1865.
209. *Невлянская, М.Г.* Иван Кириллович Кирилов, географ XVIII века. — М.; Л.: Наука, 1964. — 142 с.
210. *Невский, В.В.* Первое путешествие россиян вокруг света. — М.: Географгиз, 1951. — 271 с.
211. *Некрасов, Г.А.* Внешняя торговля России через Ревельский порт в 1721–1756 гг. — М.: Наука, 1984. — 273 с.
212. О торговом пути в Среднюю Азию и Индию через Россию, предлагаемом надворным советником Платоном Голубковым. — М.: Университетская типография, 1848. — 15 с.
213. Обзорение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии // Записки Императорского Русского географического общества. Кн. 3 — СПб., 1849.
214. *Обручев, В.А.* От Кяхты до Кульджи. Путешествие в Центральную Азию и Китай. — М.: АН СССР, 1940. — 236 с.
215. *Овчинников, В.В.* К истории индийской торговой колонии в Астрахани // Народы Азии и Африки. — 1962. — № 4.
216. Орденоносное Оренбуржье. Сб. стат. / Сост. Н.И. Мячин. — Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1968. — 392 с.
217. *Орешкова, С.Ф.* Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. — М., 1971. — 205 с.
218. Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII–XIX вв.). — Новосибирск: Наука, 1968. — 248 с.
219. *Остапенко, С.С.* Внешние рынки России // Персидский рынок и его значение для России. — Киев, 1913.
220. *Пажитнов, К.А.* Очерки истории текстильной промышленности до-революционной России. Хлопчатобумажная, льнопеньковая и шелковая промышленность. — М., 1958.
221. *Пекарский, П.П.* Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова. — СПб., 1867. — 184 с.
222. *Пельчинский, В.С.* О состоянии промышленных сил России до 1832 г. / Сочинение Пельчинского. — СПб.: Тип. Акад. наук, 1833.
223. *Перевалов, В.А.* Торговля Средне-Сибирского края. — Иркутск: Первая гос. типография, 1925. — 30 с.

224. [Петров, А.М.] Зарубежный Восток: вопросы истории торговли с Россией: Сб.ст. — М.: Вост. лит., 2000. — 197 с.
225. Петров, Г.М. Краткий очерк развития русских экономических и политических отношений в XVIII в. // Советское востоковедение. — Т.6. — 1949.
226. Петрушевский, И.П. Очерки истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX в. — Л., 1949.
227. Пистоленко, В. Из прошлого Оренбургского края. — Чкалов: Областное издательство, 1939. — 152 с.
228. Плоских, В.М. Киргизы и Кокандское ханство. — Фрунзе, 1977.
229. Покровский, С.А. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. — М.: Международная книга, 1947.
230. Попов, И.М. Россия и Китай: 300 лет на грани войны. — М.: АСТ, 2004. — 510 с.
231. Попова, А.М. Сношения России с Хивой и Бухарой при Петре Великом. — СПб., 1853.
232. Потанин, Г.Н. О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVIII столетии // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 2. — М., 1868.
233. Потанин, Г.Н. Наши сношения с джунгарскими владельцами // Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах. Т. 2. Вып. 1. — СПб., 1875.
234. Потанин, Г.Н. О рукописи капитана Андреева о Средней Киргизской орде, писанной в 1785 году. — СПб., 1875. — 4 с.
235. Предприниматели и предпринимательство в Сибири / Сборник научных статей. Вып. 3. — Барнаул: Изд-во АГУ, 2001.
236. Преображенский, П.М. Исторический обзор развития шелководства в Москве и юго-западных от нея губерниях и действий Комитета шелководства с 1847 года апреля 7 и по 7 апреля 1872 года. Вып. 1. — М.: Университетская типография, 1872. — 256 с. — Вып. 2. — 416 с.
237. Промышленность и торговля в России XVII–XVIII вв. Сборник статей / Отв. ред. А.А. Преображенский. — М.: Наука, 1983. — 254 с.
238. Прохоров, Е.П. Проблемы Индии в русской печати 40-х годов XIX века // Вестник МГУ, серия историко-филологическая. — 1959. — № 1.
239. Рабинович, М.И. Жизнь и нравы старого Китая. «Срединная империя» XIX века глазами очевидцев. — Смоленск: Русич, 2003 — 486 с.

240. *Разгон, В.Н.* Сибирское купечество в XVIII — первой половине XIX в. Региональный аспект предпринимательства традиционного типа. — Барнаул: Изд-во Алт гос. унив-та, 1998. — 660 с.
241. *Размадзе, А.С.* Волга от Нижнего Новгорода до Астрахани. — Киев: Издание С.В. Кульженко, 1896. — 162 с.
242. *Райский, П.Д.* Путеводитель по городу Оренбургу. Репринт. изд. — Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2000. — 176 с.
243. *Репин, Н.Н.* Купечество и торговля городов Западной Сибири в начале 60-х годов XVIII века (по материалам фонда комиссии о коммерции ЦГАДА) // Обменные операции городов Сибири периода феодализма. — Новосибирск, 1990. — С. 16–17.
244. *Рожкова, М.К.* Из истории экономической политики российского царизма в Закавказье (первая половина XIX в.) // Исторические записки. — 1946. — № 18.
245. *Рожкова, М.К.* Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия. — М.: Изд-во АН СССР, 1949. — 390 с.
246. *Рожкова, М.К.* Экономические связи России со Средней Азией в 40–60-е годы XIX века. — М., 1963.
247. *Романовский, Д.И.* Заметки по среднеазиатскому вопросу. С приложениями и картою Туркестанского генерал-губернаторства. — СПб.: Типография Второго отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1868. — 291 с.
248. *Ромодин, В.А.* Очерки по истории и истории культуры Афганистана. Середина XIX — первая треть XX в. — М.: Наука, 1983. — 191 с.
249. *Ромодин, В.А., Кондратьев, А.А.* Опыт сопоставления сведений из китайских, кокандских и русских источников по истории киргизов // Советское востоковедение. — 1958. — №4.
250. Россия в исторических судьбах таджикского народа / Отв. ред. Р.М. Масов. — Душанбе.: Шарки озод, 1998. — 156 с.
251. Россия XVIII в. глазами иностранцев / Подготовка текстов, вступительная статья и комментарии Ю.А. Лимонова. — Л.: Лениздат, 1989. — (Б-ка «Страницы истории Отечества»). — 544 с.
252. Россия. Энциклопедический словарь. Под ред. К.К. Арсеньева. Репринт. изд. 1898 г. — Л.: Лениздат, 1991.
253. Россия и Восток / Под ред. С.М. Иванова, Б.Н. Мельниченко. — СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2000.

254. [Рыбаков, Р.Б.] Страницы истории и историографии Индии и Афганистана. Сборник. — М.: Восточная литература, 2000. — 365 с.
255. Руир М.Ф. Англо-русское соперничество в Азии в XIX в. — М., 1924.
256. Русские военные востоковеды до 1917 года: Библиографический словарь / Авт.-сост. М.К. Басханов. — М.: Восточная литература, 2005. — 295 с.
257. Рустамов, У.А. К истории изучения экономических, политических и культурных связей между народами Индии и Средней Азии // Труды Института востоковедения. Вып. V. — Ташкент, 1956.
258. Рыбушкин, М.С. Краткая история Казани / Соч. Михаила Рыбушкина. — Казань: Тип. Л. Шевиц, 1848–1849. — Ч. 1–2. — Ч. 1. — 1848. — 149 с.; Ч. 2. — 1849. — 150 с.
259. Рыбушкин, М.С. Записки об Астрахани / Собрал директор Астраханских училищ М. Рыбушкин. — М.: Тип. С. Селивановского, 1841. — 220 с.
260. Рябцев, А.Л. География импортной торговли России через Астрахань в XVIII веке // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. — 1973. — № 3. — С. 40–44.
261. Рябцев, А.Л. Роль Ирана в восточной торговле России в XVIII веке. — М., 2002. — 213 с.
262. Садвакасов, Г.С. Китайские документы и материалы по истории Восточного Туркестана, Средней Азии и Казахстана, XIV–XIX вв. — Алматы: Гылым, 1994. — 270 с.
263. [Сапаралиев, Д.Б.] Взаимосвязи киргизского народа с народами России, Средней Азии и Казахстана (конец XVIII — XIX в.) — Фрунзе: Илим, 1985. — 221 с.
264. Сафонов, Д.А. Начало Оренбургской истории (Создание Оренбургской губернии в середине XVIII в.) — Оренбург, 2003.
265. Свентицкий, А.С. Персия. Очерк экономики и внешней торговли. — М., 1925.
266. Северцов, Н.А. Месяц плена у кокандцев. С картой низовьев Сыр-Дарьи. — СПб.: Изд. гр. Кушелева-Безбородко, 1860. — 98 с.
267. [Сейид-Хайдар-Шо] История Шунгана. С персидского перевел и примечаниями снабдил А.А. Семенов. — Ташкент: Тип. при канц. генерал-губернатора, 1916. — 23 с.
268. Семенов, А. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности. Ч. 2. — СПб., 1859.
269. Семенов, Л.С. Россия и международные отношения на Среднем Востоке в 20-е гг. XIX в. — 1963.

270. *Семенов, Л.С.* К истории русско-персидских экономических отношений первой трети XIX в. // Научные доклады высшей школы, исторические науки. №1. 1958.

271. *Сибиряков, А.* К вопросу о внешних рынках Сибири. — Тобольск: Губ. тип., 1894. — 26 с.

272. *Силин, Е.П.* Кяхта в XVIII в. Из истории русско-китайской торговли. — Иркутск, 1947.

273. *Скальковский, А.А.* Хронологическое обозрение истории Новороссийского края 1730–1823. — Ч. 1–2 / Составлено Аполлоном Скальковским, коллежским асессором, кандидатом прав, членом Общества сельского хозяйства Южной России. — Одесса: в Гор. тип., 1836. — Ч. 1: С 1730 по 1796 год. — 288 с.

274. *Сладковский, М.И.* История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). — М., 1974.

275. *Словцов, П.А.* Историческое обозрение Сибири. Кн. 1–2. — М., 1838–1844. — Кн. 1: С 1585 по 1742. — Тип. А. Семена, 1838. — 589 с.; Кн. 2: С 1742 по 1823. — Тип. Карла Крайя, 1844. — 523 с.

276. *Смирнов, Н.А.* Политика России на Кавказе в XVI–XIX веках. — М., 1958. — 244 с.

277. *Смирнов, Ю.Н.* Освоение и заселение земель к югу от низовьев реки Самары в XVIII — первой половине XIX вв. // Краеведческие записки. — Вып. 7. — Самара, 1993.

278. *Смирнов, Ю.Н.* Оренбургская экспедиция и присоединение Заволжья к России. — Самара, 1997.

279. *Снесарев, А.Е.* Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе. Взгляд туземцев Индии на англичан и их управление. — СПб., 1906.

280. *Снесарев, А.Е.* Афганистан. — М.: Русская панорама, 2002. — 272 с.

281. *Соколов, А.Я.* Торговая политика России в Средней Азии и развитие русско-афганских торговых отношений. — Ташкент: Фан, 1971. — 232 с.

282. *Соколов, Ю.* Ташкент, ташкентцы и Россия. — Ташкент: Узбекистан, 1965. — 190 с.

283. *Соловьев, О.Ф.* Из истории русско-индийских связей. — М.: Соцэкгиз, 1958. — 99 с.

284. *Сопленков, С.В.* Дорога в Арзрум: российская общественная мысль о Востоке (первая половина XIX века). — М.: Восточная литература, 2000. — 214 с.

285. *Сотавов, Н.А.* Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. (От Константинопольского договора до Кючук-Кайнарджийского мира 1700–1774 гг.). — М.: Наука, 1991. — 223 с.
286. Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье / Под ред. В.П. Семенова. Репринт. изд. — Ульяновск: Дом печати, 1998. — 599 с.
287. Страницы истории и историографии Индии и Афганистана. К столетию со дня рождения И.М. Рейснера. — М.: Восточная литература, 2000. — 367 с.
288. *Субботин, А.П.* Чай и чайная торговля в России. — СПб., 1899.
289. *Судоргина, Т.В.* Оренбургское Магометанское Духовное собрание // Татары в Оренбургском крае. — Оренбург: Димур, 1997. — 287 с.
290. *Сухарева, О.А.* Бухара. XIX — начало XX в. (Позднефеодальный город и его население). — М., 1966.
291. *Терентьев, М.А.* Россия и Англия в борьбе за рынки. — СПб., 1876.
292. *Терентьев, М.А.* История завоевания Средней Азии. Т. 1–3. — СПб: Типо-литография В.В. Комарова., 1903.
293. *Тимченко, С.В.* Англо-русское соперничество в Средней Азии в 40-е гг. XIX в. // Центральная Азия и Сибирь. Первые научные чтения памяти Е.М. Залкинда: Материалы конференции / Под ред. В.А. Моисеева. — Барнаул: АзБука, 2003. — 312 с.
294. *Тихвинский, С.Л.* Новая история Китая. — М.: Прогресс, 1983. — 736 с.
295. *Тихонова, А.* Из истории английского проникновения в Персию в начале XIX в. // Ученые записки Ярославского государственного педагогического института. — Вып. XXII. — 1957.
296. *Троицкий, С.М.* Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. — М., 1966.
297. *Трусевич, Х.* Посольские и торговые сношения России с Китаем до XIX века. — М.: Тип. Т. Малинского, 1882. — 304 с.
298. *Тулибаева, Ж.М.* Казахстан и Бухарское ханство в XVIII — первой половине XIX в. — Алматы: Дайк-Пресс, 2001. — 151 с.
299. *Туманович, Н.Н.* Герат в XVI—XVIII веках. — М.: Наука, 1989. — 287 с.
300. Уляницкий, В.А. Русские консульства за границей в XVIII в. Ч. 1–3. — М., 1899.
301. *Усенбаев, К.* Общественно-экономические отношения киргизов в период господства Кокандского ханства (XIX век — до присоединения киргизов к России). — Фрунзе, 1961.

302. *Фадеев, А.В.* Кавказ в системе международных отношений 20–50-х гг. XIX в. — М., 1956.
303. *Фадеев, А.В.* Россия и восточный кризис 20-х гг. XIX в. — М., 1958.
304. *Федоров, М.П.* Соперничество торговых интересов на Востоке. — СПб., 1903.
305. *Фукс, К.* Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях. Реприн. изд. — Казань, 1991.
306. [*Хайруллаев, М.М.*] Из истории культурных связей народов Средней Азии и Индии. Сборник статей. — Ташкент: Фан, 1986. — 179 с.
307. *Халиков, А.Х.* Татарский народ и его предки. — Казань: Татарское книжное изд-во, 1989. — 222 с.
308. *Халфин, Н.А.* Английская колониальная политика на Среднем Востоке. — Ташкент, 1957.
309. *Халфин, Н.А.* Британская экспансия в Средней Азии в 30–40-х годах XIX в. и миссия Ричмонда Шекспира // История СССР. — 1958. — № 2.
310. *Халфин, Н.А.* Некоторые вопросы международных отношений на Среднем Востоке в XIX веке в индийской историографии // Советское востоковедение. — 1958. — № 4,
311. *Халфин, Н.А.* Провал британской агрессии в Афганистане. (XIX — начало XX века). — М., 1959.
312. *Халфин, Н.А.* Политика России в Средней Азии. — М., 1960.
313. *Халфин, Н.А.* Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX века). — М., 1974.
314. *Халфин, Н.А., Рассадина, Е.Ф.* Н.В. Ханыков — востоковед и дипломат. — М.: Наука, 1977. — 278 с.
315. *Харузин, А.Н.* Библиографический указатель статей, касающихся этнографии киргизов и каракиргизов: 1734–1891 гг. — М., 1891. — 68 с.
316. *Хафизова, К.Ш.* К вопросу о казахско-китайской торговле во второй половине XVIII в. // Четвертая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. — М., 1973.
317. *Хафизова, К.Ш.* О некоторых методах цинской дипломатии в XVIII в. (на примере политики Китая в Центральной Азии) // Шестая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. — М., 1975.
318. *Хачикян, Ш. Л.* Армянское купечество Новой Джульфы и его торгово-экономические связи с Россией в XVII–XVIII веках. — Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1988. — 221 с.

319. Хива. — М., 1840.
320. *Хидоятов, Г.А.* Британская экспансия в Средней Азии (Пенде, март 1885 г.). — Ташкент: Фан, 1981. — 213 с.
321. *Хидоятов, Г.А.* Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX века (60–70-х гг.). — Ташкент: Фан, 1969. — 456 с.
322. [*Ходжаев, А.Х.*] Цинская империя и Восточный Туркестан в XVIII в. (Из истории международных отношений в Центральной Азии). — Ташкент: Фан, 1991. — 129 с.
323. *Чулков, М.* Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной...(в 7 т.). — СПб., М., 1781–1785.
324. *Шавров, И.Н.* Внешняя торговля Персии и участие в ней России. — СПб., 1913.
325. *Шаститко, П.* Миссия Махти Рафаилова к Ранджит Сингху // Советское востоковедение. — 1957. — №4,
326. *Шепелев, А.* Очерк военных и дипломатических отношений России с Средней Азией. Материалы для описания Хивинского похода 1873 г. — Ташкент, 1881.
327. *Шеремет, В.И.* Османская империя и Западная Европа: вторая треть XIX века. — М.: Наука, 1986. — 308 с.
328. *Шиле, А.* Хива и хивинцы. — М., 1914.
329. *Шитов, А.П.* О значении внутренней и внешней торговли. — М., 1861.
330. *Шкунов, В.Н.* Карсунская Троицкая ярмарка в конце XVIII — начале XIX века (по архивным материалам Государственного архива Ульяновской области) // Вестник Мордовского университета. — 1993. — № 2.
331. *Шкунов, В.Н.* Карсунское торжище // Былое. История и опыт хозяйствования. — М., 1995. — № 6.
332. *Шкунов, В.Н.* Ярмарочная торговля Симбирской губернии и внешняя торговля России в конце XVIII–XIX вв.: Методич. пос. — Самара: Изд-во СГУ, 1997.
333. *Шкунов, В.Н.* Симбирская сборная ярмарка в последней трети XIX века (по материалам Государственного архива Ульяновской области) // Материалы Меркушкинских научных чтений. — Саранск, 1997.
334. *Шкунов, В.Н.* Русско-индийская торговля на среднеазиатских рынках в конце XVIII — начале XIX в. (по материалам российских архивов) // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. — 1997. — № 3.

335. *Шкунов, В.Н.* Миссии поручика Абдулнасыра Субханкулова в Хиву и Бухару в 1810 и 1818 гг. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. — 1997. — № 4.

336. *Шкунов, В.Н.* Татарские купцы в российско-восточной торговле (вторая половина XVIII — первая половина XIX вв.) // Эхо веков. — Казань: Изд-во КазГУ. — 1997. — № 3–4.

337. *Шкунов, В.Н.* В.Е. Величко и организация экспедиций в Среднюю Азию в первое десятилетие XIX века // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. — 2001. — № 5.

338. *Шкунов, В.Н.* Оренбуржье в системе торгово-экономических отношений России со странами Востока (вторая половина XVIII — первая половина XIX вв.): Монография. — Самара: Изд-во СГПУ-СНЦ РАН, 2002. — 168 с.

339. *Шкунов, В.Н.* Торговые связи Ирана со Средней Азией в 30–50-е гг. XIX в. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. — 2006. — № 1. — С. 103–105.

340. *Шкунов, В.Н.* Торгово-экономические отношения Российской империи с сопредельными странами Востока во второй половине XVIII — первой половине XIX века: монография. — Самара: ПФ ИРИ РАН, 2007. — 578 с.

341. *Шкунов, В.Н.* К вопросу о торговых связях Российской империи с Кашмиром, Пенджабом и Тибетом во второй половине XVIII — первой половине XIX вв. // Известия Самарского научного центра Российской Академии наук. — 2009. — Т. 11. — № 2–1. — С. 49–54.

342. *Шкунов, В.Н.* Транзит индийских товаров в Россию через Иран и ханства Средней Азии в первой половине XIX в. // Исторические науки. — 2009. — № 2. — С. 64–66.

343. *Шонибаев, Т.Ж.* Прогрессивное значение присоединения Казахстана к России. — Алма-Ата, 1973.

344. *Шостакович, С.В.* Из истории английской агрессии на Ближнем и Среднем Востоке // Ученые записки Иркутского государственного пединститута. Вып. XI. — Иркутск, 1955.

345. *Шостакович, С.В.* Из истории английской экономической экспансии в Иране (англо-иранская торговля в первые десятилетия XIX в.) // Ученые записки Иркутского государственного пединститута. Вып. XII. — 1956.

346. *Штейнберг, Е.Л.* История британской агрессии на Среднем Востоке. — М.: Воениздат, 1951. — 212 с.

347. *Шумилов, М.М.* Торговля и таможенное дело в России: становление, основные этапы развития (IX–XVII вв.). — СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. — 472 с.
348. *Щеглов, И.В.* Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири 1032–1882 гг. — Иркутск; Кяхта, 1883.
349. *Щеглова, Т.К.* Ярмарки Западной Сибири и Степных областей во второй половине XIX века: из истории российско-азиатской торговли. — Барнаул: Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та, 2002. — 232 с.
350. *Щербатов, А.П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. Т. 3, приложения. — СПб., 1891. — С. 97–98.
351. *Эрдниева, У.Э.* Историческая судьба ойратов. — Элиста: Кн. изд-во, 1993. — 80 с.
352. *Южаков, С.М.* Афганистан и сопредельные страны. — СПб., 1885.
353. *Южаков, С.М.* Англо-русская распря. — СПб., 1885.
354. *Юлдашбаева, Ф.Х.* Из истории английской колониальной политики в Афганистане и Средней Азии (70–80-е годы XIX в.). — Ташкент, 1963. — 191 с.
355. *Юлдашев, М.Ю.* К истории торговых и посольских связей Средней Азии с Россией в XVI–XVII вв. — Ташкент, 1964.
356. *Юлдашев, М.Ю.* Некоторые данные о связях Средней Азии с Россией (XVI–XVII вв.) // Изв. АНУзССР. Сер. обществ. наук. — Ташкент, 1958. — № 4.
357. *Юхт, А.И.* Индийская колония в Астрахани // Вопросы истории. — 1957. — №3.
358. *Юхт, А.И.* Торговые связи Астрахани с внутренним рынком (20–50-е годы XVIII в.) // Исторические записки. Т. 118. — М.: Наука, 1990. — С. 139–201.
359. *Юхт, А.И.* Торговые компании в России в середине XVIII в. // Исторические записки. Т. 111. — М.: Наука, 1984. — С. 238–295.
360. *Юхт, А.И.* Торговля с восточными странами и внутренний рынок России (20–60-е годы XVIII века). — М: ИПТК Логос, 1994. — 263 с.

Диссертации и авторефераты

1. *Агзамова, Г.А.* Среднеазиатские центры торговли и пути, связывавшие их с Россией: вторая половина XVI — первая половина XIX в.: Автореф. дисс...канд. ист. наук. — 1990. — 21 с.
2. *Банникова, Е.В.* Купечество Южного Урала в первой половине XIX века: Дисс...канд. ист. наук. — Оренбург, 1999.

3. *Благодер, Ю.Г.* Образ Китая в письменных свидетельствах российских путешественников и дипломатов XVII — начала XX вв.: Дисс... канд. ист. наук. — Краснодар, 2005. — 284 с.
4. *Выборнов, А.Ю.* Нижегородская ярмарка в системе международных торговых связей России в XIX — начале XX веков.: Дисс...канд. ист. наук. — Н. Новгород, 2004. — 259 с.
5. *Глуховский, В.Ф.* Динамика развития торговли на Южном Урале в 1861–1917 гг.: Дисс...канд. ист. наук. — Оренбург, 1999.
6. *Грачева, Е.З.* Нижегородская ярмарка и русско-иранская торговля в 20–70-е гг. XIX в.: Дисс...канд. ист. наук. — Саранск, 1996.
7. *Гуламов, Х.Г.* Посольские связи Бухарского ханства с Россией в XVIII веке: Автореф. дисс... канд. ист. наук. — Ташкент, 1984. — 28 с.
8. *Гыртымов, Г.Н.* Азербайджан во взаимоотношениях России, Турции и Ирана в первой трети XIX века: Дисс... канд. ист. наук. — М., 1998. — 167 с.
9. *Денисов, Д.Н.* История заселения и этнокультурное развитие татар Оренбургского края: XVIII — начало XX вв.: Дисс... канд. ист. наук. — Оренбург, 2004.
10. *Додохонов, М.* Исследования Е.К. Мейендорфа и Н.В. Ханыкова как источник по истории Бухарского ханства первой половины XIX века: Дисс...канд. ист. наук. — Душанбе, 1999.
11. *Дорноступ, В.В.* Национальная политика правительства России и ее осуществление на Южном Урале, 30-е гг. XVIII — 60-е гг. XIX вв.: Дисс...канд. ист. наук. — Оренбуржье, 2000.
12. *Ёров, А.Ш.* Бухарский эмират на мировом рынке: вторая половина XIX — начало XX столетия: Дисс... канд. ист. наук. — Душанбе, 2005. — 153 с.
13. *Журабаев, Н.Ю.* История торгово-экономических отношений Средней Азии с Афганистаном и Ираном (1917–1937 гг.): Автореф. дисс... канд. ист. наук. — Ташкент, 1990. — 20 с.
14. *Имашева, М.М.* Торговля России со странами Востока через Астрахань в первой половине XIX в.: Дисс... канд. ист. наук. — Астрахань, 2004. — 260 с.
15. *Исмаилов, И.* Роль Нижегородской ярмарки в торговых связях России со Средней Азией и Ираном (XIX — начало XX в.): Автореф. дисс...канд ист. наук. — Ташкент, 1973.
16. *Казаков, П.В.* Астраханское казачество в XVIII — первой половине XIX в.: формирование, хозяйственная деятельность, быт: Дисс... канд. ист. наук. — Астрахань, 1999.

17. *Клинов, А.С.* Вопросы истории взаимоотношений Цинского Китая с соседними странами Азии в современной синологии США (40–80-е гг. XX в.): Автореф. дисс... канд. ист. наук. — М., 1989. — 12 с.
18. *Махкамов, А.А.* Роль города Коканда в развитии экономических связей Средней Азии с Россией и сопредельными странами в XIX — начале XX века: Автореф. дисс...канд. ист. наук. — Ташкент, 1988. — 22 с.
19. *Мратхузина, Г.Ф.* Российско-индийские отношения в отечественной историографии: Дисс...канд. ист. наук. — Казань, 2001.
20. *Новоселова, Г.И.* Внешняя торговля и финансово-экономическая политика Петра I: Автореф. дисс...канд. ист. наук. — СПб., 1999. — 22 с.
21. *Пак Чжи-Бэ.* Российский экспорт в Великобританию в 1760–1825 гг.: Дисс... канд. ист. наук. — СПб., 2005. — 232 с.
22. *Пашкова, О.Н.* Купечество Южного Урала во второй половине XIX века: Дисс...канд. ист. наук. — Оренбург, 2002.
23. *Рябцев, А.Л.* Торговля России со странами Востока через Астрахань во второй половине XVIII века: Автореф. дисс... канд. ист. наук. — М., 1995. — 17 с.
24. *Рябцев, А.Л.* Торговля России со странами Востока в XVIII веке: Автореф. дисс... д-ра ист. наук. — М., 2003. — 41 с.
25. *Сапунов, Д.А.* Участие казачества Урала и Сибири в присоединении Средней Азии к России: 40–90-е гг. XIX в.: Дисс...канд. ист. наук. — Челябинск, 2001.
26. *Семенова, Н.Л.* Военное управление Оренбургским краем в конце XVIII — первой половине XIX вв.: Дисс...канд. ист. наук. — Оренбург, 2000.
27. *Сидаков, А.Ю.* Внешнеторговая и таможенная политика России в XIX веке: Дисс... канд. экон. наук. — Владикавказ, 2004. — 118 с.
28. *Соколов, А.Я.* Торговая политика России в Средней Азии (XIX век): Автореф. дисс...д-ра ист. наук. — Ташкент, 1974.
29. *Солонченко, Е.А.* Таможенная политика на юго-востоке России и ее реализация в Оренбургском крае в 1752–1868 гг.: Дисс...канд. ист. наук. — Оренбург, 2003.
30. *Сотавов, Х.Н.* Дагестан в кавказской политике России, Ирана и Турции в первой половине XVIII века: Дисс...канд. ист. наук. — Махачкала, 2002. — 194 с.
31. *Суровцева, Н.Г.* Внешнеэкономические связи уральских горнозаводчиков в 40–50-е годы XIX века: Автореф. дисс... канд. ист. наук. — Екатеринбург, 2003. — 25 с.

32. Чуллиев, Ш.Б. Средняя Азия в русско-индийских отношениях последней четверти XIX — начала XX в. (По материалам «Туркестанского сборника»): Автореф. дисс ... канд ист. наук. — Ташкент, 1994. — 23 с.

33. Шкляева, О.В. Торговые связи Средней Азии с Россией во второй половине XVII — первой четверти XVIII века: Дисс... канд ист. наук. — Владимир, 2003. — 204 с.

34. Шкунов, В.Н. Оренбуржье в системе торгово-экономических отношений России со странами Востока: вторая половина XVIII — первая половина XIX вв.: Автореф. дисс...канд. ист. наук. — Самара, 2002. — 22 с.

Зарубежные источники и литература

1. A Diplomatic History of the Caspian Sea: Treaties, Diaries, and Other Stories / Guive Mirfendereski. — Palgrave Macmillan, 2001. — 272 p.

2. Afghanistan: A Short History of Its People and Politics / Martin Ewans. — Harper Perennial, 2002. — 368 p.

3. A History of Afghanistan / Sir Percy Sykes. — Reprint. First published in 1940, Macmillan & Co, London. — New Delhi: Oriental, 1981. — 2 Vols. — 825 p.

4. A History of British India, from the Earliest English Intercourse to the Present Time / Charles MacFarlane. — Adamant Media Corporation, 2001. — 665 p.

5. A History of Persia from the Beginning of the Nineteenth Century to the Year 1858 / Rodert Grant Watson. — Adamant Media Corporation, 2005. — 484 p.

6. A History of Russia, Central Asia and Mongolia: Inner Eurasia from to the Mongol Empire (History of the World, Vol. 1) / David Christian. — Blackwell Published Profeesional, 1998. — 496 p.

7. An Account of the Kingdom of Caubul and Its Dependencies in Persia, Tartary and India Comprising a View of the Afghaun Nation and A History of the Dooraunee Monarchy / Mountstuart Elphinstone. — Reprint. Originally published in London in 1815. — New Delhi, 1998. — 675 p.

8. An Economic History of the Silk Industry, 1830–1930 / Giovanni Federico. — Cambridge University Press, 1997. — 275 p.

9. A Ride to Khiva: Travels and Adventures in Central Asia / Frederick Burnaby, Peter Hopkirk. — Oxford University Press, 1997. — 416 p.

10. A short History of China, 1840–1919 / I Lin. — Foreign Languages Press, 1963. — 106 p.

11. Cabool: Being a Personal Narrative of a Journey to, and Residence in that City, in the Years 1836, 7 and 8 / Alexander Burnes. Reprint. First Published in 1842. — New Delhi: Munshiram Manoharlal, 2001. — 398 p.

12. Central Asia in the Sixteenth Century / Mavsura Haidar. — New Delhi: Manohar, 2002. — 404 p.
13. Central Asia: Travels in Cashmere, Little Tibet, and Central Asia / Bayard Taylor. — New Delhi: Cosmo, 2005. — 296 p.
14. China to 1850: A Short History / Charles O. Hucker. — Stanford University Press, 1977. — 162 p.
15. The Eighteenth Century in India / Seema Alavi. — Oxford University Press, 2002. — 248 p.
16. The Emir of Bokhara and His Country: Journeys and Studies in Bokhara / Ole Olufsen. — Adamant Media Corporation, 2002. — 620 p.
17. The Global World of Indian Merchants, 1750–1947: Traders of Sind from Bukhara to Panama / Claude Markovits. — Cambridge University Press, 2000. — 344 p.
18. Great Britain and the Opening of Japan, 1834–1858 / William Beasley. — Routledge Curzon, 1995. — 227 p.
19. Harvesting Mountains: Fujian and the China Tea Trade, 1757–1937 / Robert Gardella. — University of California Press, 1994. — 274 p.
20. The Heart of Asia: A History of Russian Turkestan and Central Asian Khanates from the Earliest Times / Francis Henry Bennett Skrine, Edward Denison Ross. — Adamant Media Corporation, 2001. — 567 p.
21. History of Bukhara / Richard N. Frye. — Markus Wiener Pub., 2006. — 172 p.
22. History of Economic Relations between Russia and China / M.I. Sladkovskii. — Transaction Publishers, 1966. — 312 p.
23. History of Merchant Shipping and Ancient Commerce / William Schaw Lindsay. — Vol. 1. — Adamant Media Corporation, 2001. — 718 p.
24. History of the Peoples of Siberia / James Forsyth. — Cambridge University Press, 2006. — 476 p.
25. The History of Persia: From the most early period to the present time, containing an account of the religion, government, usages, and character of the inhabitants of that kingdom / John Malcolm. — Adamant Media Corporation, 2004. — 585 p.
26. The Indian Diaspora in Central Asia and Its Trade 1550–1900 / David Christian // Journal of World History, Vol. 14. — University of Hawaii Press, 2003. — 566 p.
27. Indian Merchants and Eurasian Trade, 1600–1750 / Stephen Frederic Dale. — Cambridge University Press, 2002. — 176 p.

28. Introduction to the Economic History of China / Stuart Kirbi. — Routledge, 2006. — 208 p.
29. Journals of Travels in Assam, Burma, Bootan, Afghanistan and the Neighbouring Countries / William Griffith. Arranged by John M'Clelland. Reprint. First published London, 1847. — New Delhi: Munshiram Manoharlal, 2001. — 529 p.
30. Journey to the North of India: Overland from England, Through Russia, Persia, and Afghanistan / Arthur Conolly. Reprint. — New Delhi: AES, 2001. — 2 Vols. — 709 p.
31. Lee Mabel Ping-hua. The Economic History of China. — New York, 1921. — 461 p.
32. Life of the Amir Dost Mohammed Khan of Kabul: With His Political Proceedings Towards the English, Russian, and Persian Governments including the Victory and Disasters of the British Army in Afghanistan / Mohan Lal. Reprint. — New Delhi: Asian Educational Services, 2004. — 2 Volumes, XXX. — 898 p.
33. Merchants, Companies and Trade: Europe and Asia in the Early Modern Era / Sushil Chaudhury, Michel Morineau. — Cambridge University Press, 1999. — 342 p.
34. The Modernisation of Russia, 1676–1825 / Simon Dixon. — Cambridge University Press, 1999. — 286 p.
35. Narrative of Various Journeys in Balochistan, Afghanistan and the Panjab: Including a Residence in those Countries from 1826 to 1838 / Charles Masson. — New Delhi: Munshiram Manoharlal, 1997. — 4 Volumes. — 1493 p.
36. Oriental and Western Siberia: A Narrative of Seven Years Explorations and Adventures in Siberia, Mongolia, The Kirghis Steppes, Chinese Tartary, and Part of Central Asia / Thomas Witlam Atkinson. Reprint. First published in 1859. — Delhi: Asian Educational Services, 2000. — 483 p.
37. The Oxford History of the British Empire: Volume III; The Nineteenth Century / Andrew Porter. — Oxford University Press, 2001. — 800 p.
38. Personal Narrative of a Visit to Ghuzni, Kabul and Afghanistan and of a Residence at the Court of Dost Mohamed with Notices of Runjit Sing, Khiva and the Russian Expedition / G.T. Vigne. Reprint. — New Delhi: AES, 2004. — XVII. — 479 p.
39. Plessure from without in Early Victorian England / Patricia Hollis. — London: Edward Arnold, 1974. — 336 p.
40. Russian Trade with India // The Gazette of India. — 1870. — November, 26.
41. The Political Economy of Merchant Empires: State Power and World Trade, 1350–1750 / James D. Tracy. — Cambridge University Press, 1997. — 512 p.

42. The Russian campaign against Khiva in 1873 / Hugo Stumm. — Foreign Department Press, 1876. — 341 p.
43. Tea in China: The History of China's National Drink / John C. Evans. — Greenwood Press, 1992. — 184 p.
44. Traditional Industry in the Economy of Colonial India (Cambridge Studies in Indian History and Society) / Tirthankar Roy. — Cambridge University Press, 1999. — 264 p.
45. Travels and Adventures In Central Asia: A Ride to Khiva / Fred Burnaby. Reprint. — New Delhi: Bhavana Books, 2001. — XVIII. — 487 p.
46. Travels in the Himalayan Provinces of Hindustan and the Panjab; in Ladakh and Kashmir; in Peshawar, Kabul, Kunduz and Bokhara; from 1819 to 1825 / William Moorcroft and George Trebeck. Reprint. — New Delhi: Munshiram Manoharlal, 2005. — Vol. I & 2, bound in one, XXXVIII. — 418 p.
47. Travels in Persia, Afghanistan, Turkistan, and Beloochistan: With Historical Notices of the Countries Lying Between Russia and India / J.P. Ferrier. Reprint. — New Delhi: Manas, 2005. — XXIV. — 534 p.
48. Travels in Central Asia: Being the Account of a Journey from Teheran across the Turkoman Desert on the Eastern Shore of the Caspian to Khiva, Bokhara, and Samarcand / Arminius Vambery. Reprint. — New Delhi: Bhavana, 2001. — XVIII. — 443 p.
49. Travels in India, Himalayan Provinces of Hindustan: In the Punjab; In Ladakh and Kashmir; In Peshawar, Kabul, Kunduz and Bokhara, from 1819 to 1825 / W. Moorcroft and Trebec. Reprint. First published in 1841. 1989. — 2 vols. — 520, 510 p.
50. Travels in Koordistan, Mesopotamia, etc: Including an Account of Parts of Those Countries hitherto Unvisited by Europeans. With Sketches of the Character ... of the Koordish and Arab Tribes. Vol. 2 / by James Baillie Fraser. — Adamant Media Corporation, 2002. — 492 p.
51. Travels into Bokhara: Being the Account of a Journey from India to Cabool, Tartary and Persia, Also Narrative of a Voyage on the Indus, from the Sea to Lahore, Performed under the Orders of the Government of India, in the Years 1831–1833 / Alexander Burnes. Reprint. First published in 1834. — London, 1992. — 3 vols. — 380, 490, 382 p.
52. Central Asia: Travels in Cashmere, Little Tibet, and Central Asia / compiled by Bayard Taylor. — New Delhi: Cosmo, 2005. — VI. — 296 p.
53. The West in Russia and China: Russia, 1472–1917. — Westview Pr., 1986. — 363 p.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Записка бухарского посланника

1775 г.

Оренбург

В соседстве Бухарского владения... находится Персицкий, Индийский и Китайский народы, и со всеми оными народами при наблюдении дружества и согласия производится коммерция, и продолжается между купцами из государства в государство взаимная переездка и сообщение.

[В Бухарском ханстве] в великом множестве родится хлопчатой бумаги, из коей прядут пряжу, а из пряжи шьют чадры, кисеи, выбойки, фаты, бурметы, бязи и отвозят из них великое множество в другия государства, а особливо в высокославную Российскую империю.

Привозимые же из разных государств в Бухарию товары состоят из ниже-следующих: из Индии — всяких манеров и разборов коленкоры, полосатые с нашивными травками, кисеи, полосатые и гладкие миткали, золото, серебро, драгоценные вещи, как то: алмазы разных цветом, яхонты, лалы, изумруды, жемчуг, медикаменты, ароматы и пр.

Разного звания вещи из Персии: дыбы (парча по золотой и серебряной земле с шелковыми травками; самая дорогая в Иране. — В.Ш.), китаи, кутни, коноваты, магрматы (полосатые с золотыми травками кутни. — В.Ш.), бахчи (шелковые с золотыми и серебряными клеточками фаты. — В.Ш.), шелк с золотом и серебром, тканые кушаки, платки и другия разные товары; из Кашкарской области, которая в протекции Китайского богдыхана состоит, выходит мемран (род травы от глазных болезней. — В.Ш.), чепучина, ревень, чай, всякия медикаменты ароматныя и пр.

Из Российской империи — всякия сукна, особливо разных цветов, кармазин и стамед, канцелярское семя, кубик (брусковая краска. — В.Ш.), юфть, хоз, холст, железо, сталь, тюленьи кожи, зеркала, ружьи, ножи, ножницы, иглы и всякия галантерейныя и протчия товары, которые бухарские купцы покупая, отвозят в Бухарию и тамо их продают и на мену променивают.

Государственный архив Оренбургской области (ГАОО), ф. 3, оп. 1, д. 154, л. 25, об. 40.

Примечание:

Приведены извлечения из большого документа, хранящегося в фондах Государственного архива Оренбургского архива, который содержит ценные сведения о российско-восточной торговле, а также о торговых связях между государствами Средней Азией, Среднего Востока и Южной Азии. На листах 32 оборот — 33 дается описание Бухары — столицы ханства. На страницах 39–40 подробно описан караванный путь из Бухары в Оренбург с указанием времени прохождения от одного становища до другого.

**Реестр разным товарам первого каравана, который бунтовщик Пугачев
в Красногорской крепости разграбил**

1776 г.
Оренбург

Реестр разным товарам первого каравана.

Главный купец — Баба Надыр.

- 1) 11 верблюдов с пряденой бумагой (159 пуд.) — 4306,50 руб.;
 - 2) 10 верблюдов с шитыми халатами — 7320 руб.;
 - 3) 9 верблюдов с штучною выбойкой (4550 шт.) — 5460 руб.;
 - 4) 8 верблюдов с аршинною и косячною выбойкой (1610 косяков) —
3220 руб.;
 - 5) 7 верблюдов с бухарскими овчинами (7943 шт.) — 9920 руб.;
 - 6) 5 верблюдов с бурметями (2540 шт.) — 2540 руб.;
 - 7) 12 верблюдов с бязью (6050 шт.) — 6050 руб.;
 - 8) 2 верблюда тастару полосатого бухарского — 1333 руб.;
 - 9) 3 верблюда с бязью — 1150 руб.;
 - 10) 75 верблюдов по цене 50 руб. — 3750 руб.;
 - 11) 27 лошадей по 10 руб. — 270 руб.;
 - 12) 4 осла по 3 руб. — 12 руб.;
 - 13) 5 ружей по 3 руб. — 15 руб.;
 - 14) 7 сабель по 5 руб. — 35 руб.
- Всего в первом караване — 45 391 руб. 25 коп.

Реестр разным товарам второго каравана.

Главный купец — Ашур Джан.

- 1) 10 верблюдов с пряденой бумагой (145 пуд.) — 3861 руб.;
- 2) 9 верблюдов с шитыми халатами (1083 шт.) — 3498 руб.;
- 3) 8 верблюдов с штучной выбойкой (4050 шт.) — 4860 руб.;
- 4) 9 верблюдов с аршинной и косячной выбойкой (1820 шт.) —
3640 руб.;
- 5) 9 верблюдов с бухарскими овчинами (1540 шт.) — 11925 руб.;
- 6) 15 верблюдов с щедрою или тонкою бязью (7620 руб.) — 7610 руб.;
- 7) 2 верблюда тастару полосатого бухарского (1333 шт.) — 1333 руб.;

- 8) 2 верблюда с индийскими товарами — 1500 руб.;
- 9) 80 косяков кисеи мермерской — 2000 руб.;
- 10) 126 миткалей с золотыми травками — 2500 руб.;
- 11) 300 штук кисеи с шитым шелком травкою — 3000 руб.;
- 12) 50 штук индийской выбойки — 250 руб.;
- 13) верблюдов с вьюками 64 и 7 без вьюков — 3550 руб.;
- 14) 40 лошадей — 400 руб.;
- 15) 5 ослов — 15 руб.;
- 16) 17 сабель — 75 руб.;
- 17) 15 ружей — 33 руб.

Всего во втором караване — 53 050 руб. 25 коп.

Реестр разным товарам третьего каравана.

Главный купец — Незер Алия.

- 1) 8 верблюдов с бумагою — 3240 руб.;
- 2) 5 верблюдов с хлопчатою бумагой — 840 руб.;
- 3) 5 верблюдов с бязью — 1750 руб.;
- 4) 2 верблюда с шитыми халатами — 1470 руб.;
- 5) 3 верблюда с косячной и аршинной выбойкой — 1210 руб.;
- 6) верблюды 27 голов — 1350 руб.;
- 7) ружей — 7 штук — 21 руб.;
- 8) 1 сабля — 50 руб.;
- 9) 10 лошадей — 100 руб.;
- 10) 3 осла — 9 руб.

Всего в третьем караване — 9 995 руб.

Реестр разным товарам четвертого каравана.

Главный купец — Вали Чекан.

- 1) 43 верблюда с пряденой бумагой — 16834 руб.;
- 2) 5 верблюдов с шитыми халатами — 3660 руб.;
- 3) 6 верблюдов с выбойкой штучной (3020 шт.) — 3624 руб.;
- 4) 15 верблюдов с косячной и аршинной выбойкой — 4440 руб.;
- 5) 3 верблюда с бухарскими овчинами (3024 шт.) — 3780 руб.;
- 6) 15 верблюдов щедры или тонкой бязи (5600 шт.) — 5600 руб.;
- 7) 13 верблюдов с бурмитью (6600 шт.) — 6600 руб.;
- 8) 13 верблюдов с хлопчатой бумагой — 1309 руб.;
- 9) 3 верблюда с бумажными фатами — 1309 руб.;

- 10) 4 верблюда с индийским товаром — 3000 руб.;
- 11) 150 штук с травками кисеи — 1500 руб.;
- 12) 50 штук индийской выбойки — 250 руб.;
- 13) кисеи (40 косяков) — 1000 руб.;
- 14) кисеи мраморской — 500 руб.;
- 15) 137 верблюдов — 6850 руб.;
- 16) 52 лошади — 520 руб.;
- 17) 8 ослов — 24 руб.;
- 18) 21 ружье — 63 руб.;
- 19) 24 сабли — 120 руб.

Всего в четвертом караване — 63 495 руб.

Государственный архив Оренбургской области (ГАОО), ф. 3, оп. 1, д. 154, л. 18–24 об.

Примечание:

Приведенный отрывок из документа характеризует ассортимент, цены и объемы товаров, привезенных индийскими купцами в Красногорскую крепость во время крестьянской войны под предводительством Е. Пугачева. Бухарский посланник Ирназар Махмутов обратился с жалобой к оренбургским властям по поводу произошедшего инцидента: «Итак, в прошлом году (1775-м. — В.Ш.) шли из Бухарии в высокославную Российскую империю с премножеством разных товаров 4 каравана бухарских купцов, но бунтовщик и кровожаждущий тиран, проклятый Пугачев перехватил товары, верблюдов, лошадей и всякого звания находившихся в тех караванах, вещи похитил, а купцов всех до единого побил до смерти». (Там же, л. 18) В результате нападения было убито 139 купцов и их работников, а общий ущерб составил 193 801 руб. 45 коп. — сумму, по тем временам, значительную. Данный документ — свидетельство того, что торговые отношения России с ее южными соседями не прекращались даже в периоды крайне нестабильной обстановки. Торгово-экономические интересы побуждали купцов рисковать своим капиталом, даже жизнью своей. Вряд ли торговцы не были осведомлены о происходящих в России событиях.

**Распоряжение и инструкция директора Русского общества
пароходства и торговли Е.И. Барановскому
в связи с его командировкой в Индию**

Милостивый государь Егор Иванович!

(Послана копия Н.М. Чихачову 19 сентября № 857). Г. директор на разъезды по предмету командировки назначил вам по три фунта стерл. в день, считая с 17 числа июня 1869 г., и на подъем пятьсот фун. стерл. единовременно, и вместе с тем дал вам следующие наставления:

Во 1-х. Собрать в Москве, Нижнем Новгороде и Петербурге, а если надобность представится, то и в других частях России, сведения о тех товарах индейского происхождения, которые доставляются в Россию, о количестве их, способе доставки и проч., словом разъяснить по возможности вопрос о предметах привоза из Индии в Россию и вывоза из России в Индию при существующих ныне торговых путях.

Во 2-х. Из России отправиться в Англию для подробного изучения торговых сношений Англии с ее индейскими владениями; причем определить объем торгового движения парусных и пароходных судов как мимо М. Доброй Надежды, так и по направлению в Александрию, проследить за деятельностью важнейших пароходных об-в, по обоим путям, разузнать о фрахтах на парусных судах и пароходах, качестве и количестве грузов, словом разъяснить вопрос о торговле Ост-Индии с Англией по отношению к торговле с Россией. Труд этот в значительной степени будет облегчен Вам имеющимися в Англии основательными сочинениями об Индии и [88] точными статистическими данными об индейской торговле, которые легко получить по указаниям и при содействии агентов Об-ва в Англии и торговых домов, с которыми Об-во находится в сношениях.

В 3-х. Из Англии отправиться в Марсель для изучения торговых отношений Франции к Ост-Индским колониям Англии, определения количества предметов привоза и вывоза, фрахтов, объема движения парусных и пароходных судов и ознакомления с деятельностью Компании «Services Maritimes des Messageries Impériales» и других пароходных об-в по отношению к индейской торговле.

В 4-х. Затем отправиться в Египет и исследовать торговые сношения этой страны и вообще прибрежный Черного моря с Индией; причем обратить осо-

бенное внимание на деятельность Египетского пароходного об-ва «Azizie» и разъяснить вопрос не может ли Русское общество со временем из движения поклонников в Мекку, чрез Джедду, извлечь пользу для своих пароходов?

В 5-х. Исследовавши Черное море, направиться в Индию для окончательного разъяснения вопроса об индейской торговле.

Подтверждая вам, м. г., сие распоряжение и инструкцию г. директора, правление РОПиТО в убеждении, что с открытием Суэцкого канала дела Об-ва должны получить еще большее развитие и в сознании, что, во всяком случае, на Об-ве лежит обязанность разъяснить и исследовать вопрос о возможности и выгоды прямых торговых сношений России с Индией по вновь открывающимся путям чрез Суэцкий канал в Одессу, и далее по железным дорогам из Одессы и Таганрога в Москву и Нижний Новгород, — находит, что в этих видах, кроме данных г. директором указаний вам, м. г., не бесполезно будет при исполнении возложенного на Вас поручения руководствоваться и следующими соображениями:

I. Так как главные товары индейского происхождения, потребные для России, отправляются в Европу из разных местностей Индии и в разные сроки, например, хлопок — преимущественно из Бомбея и осенью, а москательные товары — из Калькутты, то необходимо определить с точностью, как починные пункты, так и эпохи отправки товаров из Индии.

II. Предметы вывоза из Индии в Европу, а [89] следовательно, и в Россию более или менее известны, но вопрос об обратных грузах из России в Индию, совершенно еще не тронутый, представляет более затруднений; для разъяснения этого вопроса необходимо на месте, в Индии, обратить особенное внимание на те привозные в Индию из Англии и других стран товары, которые ближе подходят к нашим русским товарам, производство которых обходится в России дешевле и по которым следовательно мы могли бы успешнее соперничать с другими странами на индейских рынках. Для этого необходимо приобрести в Индии возможно большее количество образцов привозных в Индию товаров из числа тех, которые вошли в общее употребление между туземцами, с тем, чтобы подоставлении этих образцов в Россию, сравнить их по ценам и доброкачественности с нашими произведениями.

III. После хлопка одно из первых мест в торговле Европы с Дальним Востоком занимает чай, отправляемый морем из Шангая. Этот чай, известный у нас под именем кантонского, более и более входит в России в употребление, а потому весьма полезно было бы обратить на этот предмет особое внимание и исследовать, не представится ли возможность получать кантонский чай не из Англии и из Кенигсберга, как это делается ныне, а прямым путем через Суэц и

Одессу, причем не упустить из виду и возникшее в последнее время производство в самой Ост-Индии чая, который быть может в состоянии с выгодой заменить те низкие сорта чая, которые в значительном количестве потребляются в некоторых местах России.

IV. Ввиду известного вам м. г., сделанного О-ву торговым домом L. Кнорр & С^о предложения полезно было бы Вам побывать в Бремене для личных объяснений как с самим Л. Г. Кнопом, находящимся ныне в Бремене, так и с агентом этого дома Миллером, заведывавшим конторою этого дома в Бомбее.

V. В самом же Бомбее собрать обстоятельные сведения как о местных удобствах порта, так и о бывающих там ценах на каменный уголь и прочие материалы морского плавания, равно и о тех средствах, какими порт этот располагает для починки паровых механизмов, ремонта судовых корпусов, нагрузки и выгрузки товаров и вообще для удовлетворения прочих потребностей торгового пароходства. [90]

VI. Если вопрос о направлении чая, идущего в Россию из Шанхая на Суэц и Одессу, вместо Англии и Кенингсберга, не может быть вполне исследован в Индии и вы, м. г., по Вашим соображениям найдете необходимым изучить его на месте производства чая и в портах погрузки его, то правление предоставляет Вам отправиться из Индии в китайские порты по вашему усмотрению.

При исполнении возложенного на Вас, м. г., поручения могут встретиться обстоятельства и представиться для исследования такие вопросы, которых невозможно было предусмотреть и которые поэтому не вошли в настоящую инструкцию. А потому в подобных случаях, не ограничиваясь указаниями этой инструкции Вы, м. г., изволите обратить внимание на все, что соответствует цели Вашего поручения.

В заключение правление, озабочиваясь предоставлением Вам, м. г., наибольших удобств во время предстоящего Вам трудного путешествия уполномочивает Вас, буде Вы признаете для себя нужным, пригласить для помощи Вам во время пути какое-либо лицо, и все расходы по сему предмету будут возмещены Вам по возвращении Вашем из путешествия и по представлении счета Директору Н. М. Чихачову.

Примите, м. г., уверение в истинном моем почтении и совершенной преданности.

Подписал:

Н. Гаевский
председательствующий член правления

РГИАЛ, ф. 107, оп. 1, д. 343, л. 38–42.

**Циркулярное письмо Русского общества пароходства и торговли
русским купцам об открытии индийской
и китайской пароходных линий**

Милостивый государь

В видах устройства прямых торговых сношений между Россиею, Ост-Индиею и Китаем, Русское общество пароходства и торговли в течение настоящего года исследовало посредством особой комиссии, которая отправлена была в Бомбей и другие места О. Индии и затем в Китай (в Шангай и Хань-коу), вопрос об учреждении пароходных линий: 1 — между Одессой и Бомбеем и 2 — между Одессой, Шангаем и Хань-коу.

Вопрос о возможности и выгоде прямой доставки в Одессу на Суэцкий канал из Бомбея хлопка (суратского), кофе, москотильных товаров, красивых веществ и других О. Индских товаров, а из Шангай и Хань-коу чая, разъяснен комиссией в той мере, что Русское общество решилось отправить в виде опыта: 1) в течение января наступающего года из Одессы в Бомбей винтовой транспортный пароход «Нахимов» (в 500 сил и 3200 тонн вместимости), который по пути в Бомбей зайдет в Порт-Саид, Суэц и Аден, и 2) в течение февраля из Одессы в Шангай и Хань-коу винтовой транспортный пароход «Чихачов» (в 500 сил и 3600 тонн вместимости), который по пути в Китай зайдет в Порт-Саид, Суэц, Аден, Поэнт-де-Галль на Цейлоне, Сингапур и Гонг-Конг.

Отправка пароходов из Одессы рассчитана так, чтобы предназначаемый в Бомбей поспел туда в самый [92] разгар хлопкового сезона, начинающегося в ноябре и оканчивающегося в июне, а отправляемый в Китай, прибыв в Хань-коу в первых числах мая русского стиля, имел совершенно достаточно времени, чтобы погрузить то количество первосборного чая, которое наши русские отправители чая Г. Иванов, Оборин и К. Окулов и Токмаков, Хаминов, Родионов и К, а также иностранные фирмы, находящиеся в Хань-коу, признают для себя выгодным отправить в Одессу на нашем пароходе. Русское общество пароходства и торговли рассчитывает на основании положительных данных и исследований, произведенных комиссией на местах, именно в Бомбае в отношении к хлопку и другим О. И. грузам и в Хань-коу — главным внутренним чайным рынком Китая, что О. Индские грузы в Одессу могут быть доставляемы из Бомбея в 25 дней, а чай, погруженный в Хань-коу, например, 24 мая нашего стиля, сможет прибыть в Одессу через 60 дней, т. е. к 23 июля, следовательно или по-

спеть на Нижегородскую ярмарку или быть проданным по образцам, из Одессы доставленным.

Хотя на значительное количество груза из Одессы в Бомбей, а также в Шангай и Хань-коу, а тем менее в промежуточные пункты, Русское общество рассчитывать не может, но означенные пароходы наши в эти пробные рейсы будут принимать пассажиров и грузы в указанные пункты туда и обратно на следующих условиях:

Фрахт из Одессы в Бомбей и в Поэнт-де-Галль на о-ве Цейлоне за тонну в 1000 килограмм или 40 кубических английских фут, включая расходы на перегрузку и 10-ти франковую пошлину по Суэцкому каналу, следующий:

Из Одессы: в Бомбей	L 2.16
В Поэнт-де-Галль на Цейлоне	L 4.16
В Сингапур	L 6. —
В Гонг-Конг	L 6.8
В Шангай	L 6.16
В Хань-коу	L 7. —

Фрахты на обратные грузы из указанных выше местностей в Одессу определятся на местах отправки сообразно с фрахтами, которые будут существовать во время самой отправки, и по соглашению на местах с [93] агентами Общества, но во всяком случае не выше тех фрахтов в Триест, Марсель и Лондон, которые будут взиматься Английским пароходным обществом Peninsular Oriental C^o, Французским Messageries и из Бомбея Австрийским Ллойдом.

Фрахты из Порт-Саида в Одессу для товаров, идущих с дальнего востока, устанавливаются следующие: затонн или 40 фут:

1 за хлопок и чай	L 1
2 индиго, шелк	L 2.8
3 кофе, перец, ладон, камедь, всякие москательные товары, красильные вещества, пряности и пр	L 1.12

включая расходы перегрузки в магазинах в Порт-Саиде и пр.

С пассажиров взимается следующая плата в один путь туда или обратно с продовольствием — офицерским столом:

Из Порт-Саида до Адена	L 15
До Бомбая	L 27½
Поэнт-де-Галль	L 37⅓
Сингапур	L 40
Гонг-Конга	L 50
Шангая	L 55
Хань-коу	L 60

Посланная Русским обществом пароходства и торговли комиссия, во время исследований своих в О. Индии, Китае и вообще на дальнем востоке, входила в сношение со многими торговыми домами, которые изъявили полную готовность войти в непосредственные торговые сношения с русскими фирмами в Петербурге, Москве, Одессе и в других местностях России.

Русское общество пароходства и торговли со своей стороны избрало своими агентами и корреспондентами:

В Одессе — Главную контору Общества.

В Порт-Саиде — Агентство Общества.

В Адене — G. Bircher

В Бомбае — H. Bomanjee, Touche et Co.

В Коломбо и Канди Keir, Dundes et Co, (о. Цейлон). [94]

ВПоэнт-де-Галль Aubert, агент Messageries Francaises, (о. Цейлон).

В Калькутте — Schröder, Smidt C^o.

В Мадраце — Arbuthnot et Co.

В Пенанге — Schmidt, Küstermann et Co.

В Сингапуре — Rautenberg, Schmidt et Co.

В Гонг-Конге — Pustan et Co.

В Шангае — Oluphant et Co.

В Хань-коу — русского вице-консула Николая Алексеевича Иванова.

Если бы вам, милостивый государь, угодно было иметь подробные сведения об условиях перевозки грузов между Одессой, О. Индией и Китаем на наших пароходах, а также между Порт-Саидом и Одессой, то благоволите обратиться в Одессу в Главную контору Русского общества пароходства и торговли; в Порт-Саид в Агентство Общества, в Бомбей и во все другие указанные выше места Дальнего Востока к поименованным выше агентам Общества.

В заключение настоящего письма правление Общества считает себя в праве выразить надежду, что русское купечество отзовется с полным сочувствием к первой у нас попытке освободить торговлю нашу с О. Индией и Китаем от посредничества иностранцев и иностранных капиталов, чего достигнуть

можно только со временем и при содействии тех, кому дороги интересы отечественной торговли.

Рассчитывая и на Ваше к этому делу сочувствие, Русское общество пароходства и торговли сочло обязанностью своею обратиться к Вам, милостивый государь, с настоящим письмом.

Примите уверение в истинном нашем почтении.

Правление:	Н. Суцов.
	В. Миллер.
	Ф. Фан-дер Флит.
	Л. Лисянский.

РГИАЛ, ф. 107, оп. 1, д. 387, л. 36–37 об.

**Скальковский К.А. Суэцкий канал и его значение
для русской торговли / К.А. Скальковский. — СПб.: Типография
Товарищества «Общественная польза», 1870. — С. 167–171**

Общая сумма отпуска и привоза составляла 105.687,637 ф. с., против 99.927,159 ф. с. За год по 31 марта 1868 года, и из нее приходилось: 42.591,000 ф. с. На бенгальские порты, 47.374,000 ф. с. на Бомбей, 10.118,000 ф. с. на Марсель и 1.516,000 ф. с. на Синд.

Из сравнения цифр за последние десять лет, мы видим, что из Индии постоянно увеличивается отпуск хлопка, кофе (сильно), бумажной пряжи, пшеницы и зерен, драгоценных камней, джуты (сильно), лаков, селитры, семян, чая и шерсти (сильно); остается без движения отпуск индиго и красок, рису, гумми, шелковых изделий, пряностей и табаку; уменьшается отпуск кож, слоновой кости, опиума, шелка-сырца, сахару, дерева и шерстяных изделий.

По портам отпуск Индии распределяется таким образом. Бомбей сосредотачивает в себе большую часть хлопка, индиго и ост-индский чай идут преимущественно из Калькутты, кофе из Цейлона, рис из Рангуна, Цейлона и Калькутты, пряности и лес из Сингапура, гумми, ладон и дерево из Рангуна, шелк из Калькутты.

Важнейшим портом для индийской торговли служит Бомбей, а равно главнейшее значение имеет он и для торговли по суэзскому каналу, и в особенности для России. Другие порты Ост-Индии, в настоящее по крайней мере время, не представляют еще достаточно товаров для установления прямых сообщений с Россией, как увидим ниже.

Бомбей. Часть Индии, которой Бомбей служит столицей, прилегает к Оманскому заливу и обнимает площадь, радиус которой равен 200 немецким милям. От устьев Инда до южной оконечности Малабарского залива, встречается немало портов, некоторые из них, как Курачи, весьма важны; но все они далеко не могут идти в сравнение с Бомбеем, гавань которого может удобно сосредоточить все флоты в мире. С первого взгляда делается ясным, отчего европейцы предпочтительно избрали этот порт, и почему население его так быстро увеличивается. В 1864 г. Население Бомбея равнялось 814,761 душ, из которых 8,415 европейцев. Недавно еще Бомбей считался городом менее важным, чем Калькутта и Мадрас, но хлопковая торговля изменила это положение. Суэцкий канал окончательно упрочнит за Бомбеем его первостепенное значение.

Насколько блистательно будущее Бомбея, настолько чудесно и его недавнее прошлое. В 1861 году Бомбей отпускал только 300 или 400,000 кип хлопка, на сумму 15 млн руб. Когда американская война лишила Европу ежегодного привоза 4 миллионов кип хлопка, внезапное повышение цен, о котором мы говорили, рассматривая египетскую торговлю, отразилось и в Индии. Хлопок с 80-100 рупий поднялся до 700 рупий за тонну, и отпуск возрос до 1 миллиона тонн, на сумму 200 мил. руп. Такое развитие закружило многим голову, образовались безумные акционерные предприятия, поощряемые спекуляцией 50 банков. Деньги не имели цены; купец из индусов Зойшунд-Премшунд, обанкротившийся потом, имел состояние более 150 мил. рупий, простой доктор своей практикой нажил 12 миллион рупий. Но все это рухнуло, конечно, в минуту окончания американской войны. Множество банкротств и ликвидаций раскрыли публике глаза и установили более благоразумный ход дел.

И в настоящее время действуют в Бомбее 26 больших банков, 83 акционерных торговых общества, преимущественно для хлопка, 51 морское страховое общество с капиталом слишком в 50 миллионов рублей, 80 больших европейских фирм и 19 индийских первостатейных торговых домов.

Недавнее неестественное напряжение сил делает весьма трудную оценку настоящего положения внешней торговли Бомбея. Ж. Зигфрид, приняв среднюю цену хлопка суратского в 100 фр. За 50 килогр., исчислил для Бомбея ценность:

	рублей
Отпуска	в 150.000,000
Привоза товаров	в 75.000,000
“ монеты	в 625.000,000

которые подразделяются:

Вывоз		млн рублей
	Хлопка	на 100
	Опиума	на 62 ½
	Бкмажн. изделий	на 10
	Шерсти	на 3 ¾
	Соли	на 1 ¼
	Бумажной пряжи	на 1 ¼
	Кожи и масляных зерен	на 2 ½

Привоз	Мануфактур	На 35
	Металлов	На 10
	Сахара	На 6 $\frac{1}{4}$
	Бумажной пряжи	На 3 $\frac{3}{4}$
	Принадлеж. желез. дорог	На 3 $\frac{3}{4}$
	Зелени	На 3
	Шелк	На 3
	Шелков.изделий	На 1 $\frac{3}{4}$
	Вина и напитков	На 1 $\frac{1}{2}$
	Каменного угля	На 1 $\frac{1}{4}$

Из вывезенных в 1867 году 1.175,000 кип хлопка, 1.056,000 кип прошло в Англию и только 71,000 в прочую Европу и 48,000 кип в Китай. 30,000 ящиков опиума идут в Китай. Весь привоз идет теперь из Англии.

По другим более точным сведениям, торговля Бомбея равнялась в 1868 году.

Отпуск хлопка в 1868 году 1.240,130 кип, считая кипу равною 387 англ. фунт. или 10 пуд. 29 фунт. русским:

Шерсти овечьей	38,243 кип
Льняного семени	211,513 центнер.
Рапса и пр.	54,353 центнер.

Вывоз последних в последние четыре года сильно уменьшился:

Кофе	32,456 центнер.
Пеньки	13,800 центнер.
Мираболама	68,300 центнер.

Отпуск хлопка постоянно возрастает, но в других товарах заметны колебания, так отпускалось:

		центнер.
Льняного семени:	в 1859 году	1.227,000
	в 1860 году	1.315,000
Семя gingelly:	в 1858 году	365,000
	в 1859 году	348,000
Кофе:	в 1864 году	59,901
Перцу:	в 1858 году	17,750
	в 1868 году	13,964

Последнего теперь вывозится очень мало. Отпуск селитры также потерял значение с 1863 года.

Приведенные выше, цифры показывают торговую важность Бомбея; о будущем его можно судить по тому, что в десять последних лет вообще вся индийская торговля утроилась; кроме того, ни один город не выиграет столько от окончания сети ост-индских железных дорог, как Бомбей. Близость его к Европе не только привлечет к нему самую ценную часть производительности долины Ганга, каковы индиго и шелк, но и сделает его важнейшим складом всех европейских товаров, в особенности мануфактур. Суэзский канал поможет в этом случае сделать переворот, потому что уже теперь три четверти английских мануфактур не отправляются в Индию на парусных судах, и идут пароходами и железною дорогою через Суэз.

Обширная торговля Бомбея не находится исключительно в руках английских домов, здесь, напротив того, играют весьма важную роль чисто индийские, природные фирмы.

Кроме англичан, из европейцев в Бомбее есть несколько немцев, швейцарцев и греков, очень мало французов и, конечно, ни одного русского.

(Орфография и пунктуация исторических источников сохранена).

Магараджа Панна.

Магараджа Непала.

Набобъ Бахавалпура.

Индійскіе владѣтельные князья — магараджи, участвовавшіе въ торжественномъ празднованіи въ Дэли
восшествія на престолъ императора Индіи, короля Великобританіи Эдуарда VII.
По ф. т. арт. «Пчелы».

Магараджа Кучъ Бехара.

Магараджа Прадіють Кумаръ Ягоре.

Магараджа Джайпура.

Магараджа сэръ Бертахъ
Сени Идаръ.